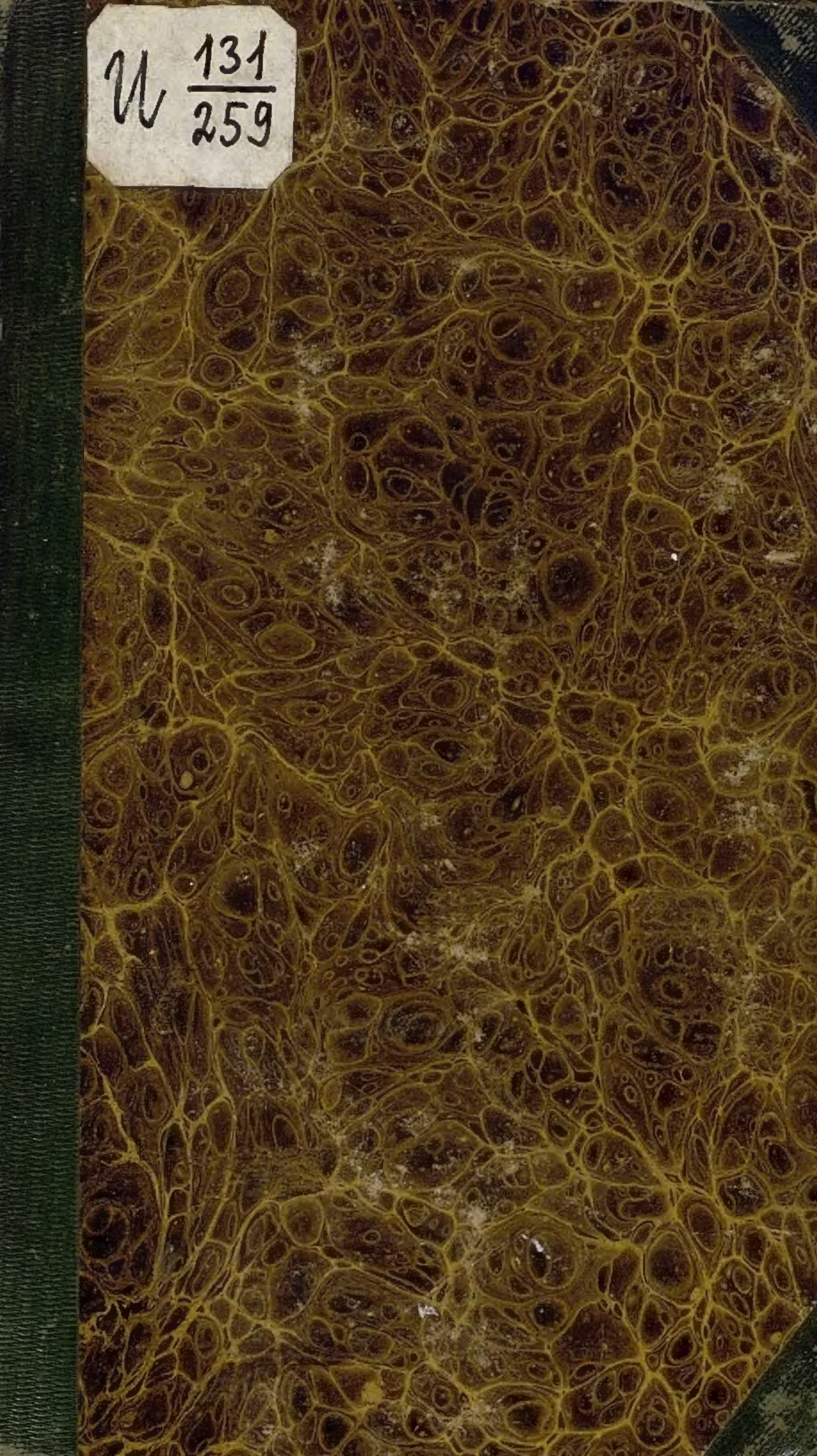
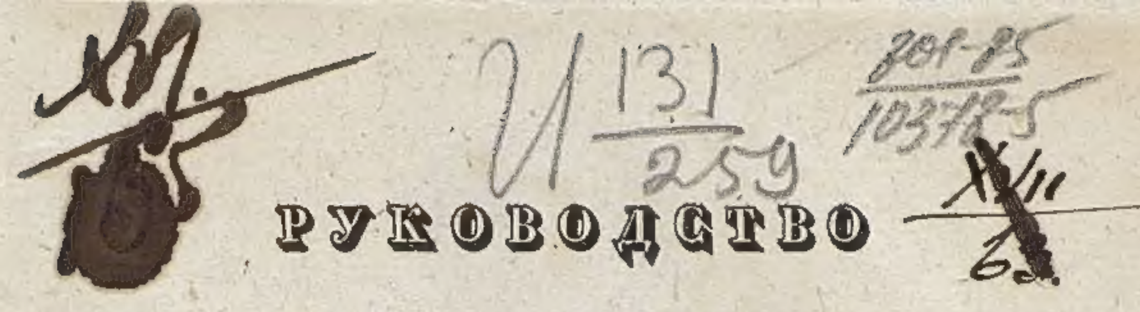

РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

РУКОВОДСТВО
КЪ ИЗУЧЕНІЮ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

содержащее

ЯЗЫКОУЧЕНІЕ, ОБЩУЮ РИТОРИКУ И ТЕОРІЮ СЛОГА ПРОЗАИЧЕСКИХЪ И СТИХОТВОРНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ,

составленное

Профессоромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Царскосельскаго Лицея

ПЕТРОМЪ ГЕОРГІЕВСКИМЪ.

Языкъ и Словесность суть не только способы, но и главные способы народнаго просвѣщенія.
Карамзинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ.
1835.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 30 Января 1835.

Ценсоръ В. *Семеновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе отечественнаго языка и Словесности составляетъ одно изъ необходимыхъ условій народнаго образованія.— Попеченіемъ мудраго нашего Правительства, сія важнѣйшая отрасль познаній у насъ преподается не только во всѣхъ Учебныхъ Заведеніяхъ, но и въ частныхъ домахъ, гдѣ отцы семейства сами занимаются воспитаніемъ дѣтей своихъ. — Посему составленіе хорошихъ Руководствъ по сей части должно отнести къ главнымъ пособіямъ для обучающагося юношества.

Занимаясь преподаваніемъ Русской Словесности въ Императорскомъ Царскосельскомъ *Лицеѣ*, и стараясь всевозможно содѣйствовать образованію юныхъ питомцевъ сего Заведенія, я составилъ для нихъ *Руководство къ изученію Русской Словесности*. А дабы сберечь время и облегчить труды, употребляемые ими на переписываніе сего Руководства,

я рѣшился напечатать оное въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ, изъ коихъ первая, нынѣ издаваемая, содержитъ: основныя начала языкоученія, общую Риторику и Теорію слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. — Вторая книга, приготовляемая къ изданію, будетъ заключать: общія понятія объ Изящныхъ Искусствахъ, Теорію Краснорѣчія, Піитику и краткую Исторію Литературы. — При составленіи Руководства моего, я имѣлъ въ виду изложить систематическую *учебную* книгу Русской Словесности, основанную на началахъ, сообразныхъ съ настоящимъ ходомъ Словесныхъ наукъ. Успѣлъ ли я въ своемъ намѣреніи? — это рѣшатъ другіе. — Не всегда въ нашей власти успѣхъ въ предпріятіяхъ; но отъ насъ зависитъ употребить къ тому возможныя усилія.

Считаю необходимымъ сказать о планѣ моего сочиненія. — При изложеніи всѣхъ правилъ и поясненій, я старался держаться принятыхъ основныхъ началъ, слѣдуя строгому логическому порядку. Я желалъ, дабы правила Словесности не были одними рабскими списками того хода, который лучшіе писатели наблюдали въ своихъ сочиненіяхъ; но основывались

бы на разумѣ, какъ источникѣ человѣческаго слова.—Вообще наука разума и наука слова, по естественной и необходимой между ними связи, одна другую упреждать не могутъ и не должны. Умъ и слово находятся въ такомъ взаимномъ отношеніи, какъ идея къ формѣ; — и даръ слова есть лучшее и вѣрнѣйшее выраженіе ума.—Все это и побуждало меня, сколько можно, соображать порядокъ предлагаемыхъ мною правилъ съ ходомъ, наблюдаемымъ природою въ совокупномъ образованіи человѣческаго ума и слова.

Бывъ увѣренъ также, что только сознаніе очевидной пользы правилъ можетъ доставить имъ нѣкоторую занимательность и уменьшить сухость, неизбѣжную въ учебныхъ сочиненіяхъ, я старался теоретическія наставленія приближать къ понятіямъ учащихся и въ изложеніи ихъ сохранять возможную краткость и ясность. — Въ особенности же обращалъ вниманіе на то, дабы каждое правило имѣло видимое примѣненіе и чрезъ то убѣждало учащихся въ необходимости знать оное.

Примѣры для поясненія правилъ я бралъ преимущественно изъ отечественныхъ писателей, не упуская изъ виду

шого, чтобы каждый примѣръ, удовлетворяя разборчивости вкуса и благородству чувствований, былъ согласенъ съ правилами чистой нравственности, или двусмысленностію не возбуждалъ бы въ юношахъ вреднаго любопытства.

При изложеніи начальныхъ способовъ распространенія предложеній въ общей Риторикѣ, я не упоминалъ о, такъ называемыхъ, топическихъ мѣстахъ (loci topici), хотя оныя во многихъ Риторикахъ приводятся, какъ главные источники изобрѣтенія мыслей. Кто не получилъ отъ природы ума изобрѣтательнаго; тотъ напрасно будетъ прибѣгать къ этимъ оракуламъ, проповѣдающимъ нѣсколько вѣковъ однѣ и тѣ же истины, только въ различномъ видѣ.—Правда, что въ топическихъ мѣстахъ предлагаются главные предметы слова; но такъ какъ всѣмъ они открыты и всѣ изъ нихъ почерпать могутъ; то и наука изобрѣтенія безполезна тѣмъ самымъ, что она слишкомъ обыкновенна. — Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ можно было изъ мѣстъ топическихъ брать матерію слова; тогдабъ все искусство изобрѣтенія состояло въ томъ, чтобъ затверживать сіи мѣста; тогдабъ обо всѣхъ предметахъ судили одинаково,

и всѣ сочиненія были бы единообразны; тогда написать Разсужденіе значило бы только сказать съ холодностію и педантизмомъ: такіе то предметы полезны, или вредны, занимательны, или скучны, по такимъ и такимъ топикамъ, и т. п.

Такъ какъ трудно согласить мнѣнія людей о предметахъ вкуса, на которые смотрятъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; то и не смѣю ручаться, чтобъ принятыя мною основанія, при изложеніи правилъ Словесности, были вполнѣ удовлетворительны. — По крайней мѣрѣ ласкаюсь надеждою, что намѣреніе, для котораго предпринятъ трудъ мой, и желаніе мое содѣйствовать, по возможности, успѣхамъ отечественной Словесности, будутъ одобрены благонамѣренными цѣнителями трудовъ и просвѣщенными любителями Русскаго слова.

П. Г.

Мая 14,
1835.
Царское Село.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Основанія словесности.

Часть I. Общая Риторика.

Часть II. Теорія слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій.

ОСНОВАНІЯ

СЛОВЕСНОСТИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

Языкъ.

§ 1. Одно изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ Провидѣніемъ человѣку, есть способность сообщать взаимно свои мысли. Разумъ, лишенный сей способности, былъ бы свѣтъ, подъ спудомъ сокрытый, и даръ безполезный. — *Слово* есть то орудіе, которымъ человѣкъ передаетъ людямъ свои наблюденія, открытія, познанія. — Умъ одного человѣка навсегда бы остался въ тѣсныхъ предѣлахъ, еслибъ не получалъ новыхъ идей посредствомъ *слова*.—Сокровище знаній, пріобрѣтенныхъ народами всѣхъ вѣковъ, есть общее наше достояніе, наша собственность. —Ключъ отъ сокровищницы сего богатства есть языкъ. Даръ слова и польза онаго.

§ 2. *Языкъ,* какъ средство, служащее къ выраженію мыслей, есть троякій: языкъ *тѣлодвиженія, изустный* и *письменный*. — Языкъ тѣлодвиженія состоитъ въ измѣненіяхъ лица, глазъ, въ движеніяхъ головы, рукъ Раздѣленіе языка.

и всего тѣла. — Сей нѣмой языкъ, богатый и сильный въ выраженіи чувствъ и страстей, бѣдный и слабый для изъясненія мыслей, есть древнѣйшій и первоначальный языкъ младенчествующаго рода человѣческаго. — Языкъ тѣлодвиженія усовершенствованный составляетъ важную часть ораторскаго и театральнаго искусства.

§ 3. *Языкъ изустный* выражаетъ мысль посредствомъ произносимыхъ человѣческимъ голосомъ звуковъ. — Изъ соединенія различныхъ звуковъ составляются *слоги*, или *склады*, а изъ нихъ *слова*—условные знаки идей, составляющіе языкъ изустный.

§ 4. *Языкъ письменный* состоитъ изъ начертанія *словъ*, означающихъ извѣстные звуки человѣческаго голоса (буквы или литеры), для котораго онъ тоже есть, что *ноты* для *музыки*. — Когда и кѣмъ изобрѣтено письмо, достовѣрно неизвѣстно. — Честь сего изобрѣтенія приписываютъ Финикіянину *Тауту*, котораго Греки боготворили подъ именемъ *Меркурія*.—Неудивительно, что люди, невѣдавшіе истиннаго Бога, почли сего великаго человѣка Богомъ. — Изобрѣтеніе письменнаго языка есть дѣло, доказывающее превосходство ума человѣческаго.

Выгоды языка письменнаго предъ изустнымъ.

§ 5. Выгоды и преимущества письменнаго языка предъ изустнымъ очевидны и весьма важны: ибо дѣйствіе письма *обширнѣе* и *продолжительнѣе*.—Обширнѣе потому, что

не ограничивается тѣснымъ кругомъ слушателей.—Чрезъ письмо распространяются наши мысли по всему міру, и голосъ нашъ слышанъ отъ одного конца земли до другаго.— Продолжительнѣе потому, что оно передаетъ наши мысли, чувствованія и познанія отдаленному потомству.—Письмо вѣрнѣе и тверже изустнаго преданія хранитъ память великихъ происшествій.—Сверхъ того читатель имѣетъ ту выгоду предъ слушателемъ, что, читая книгу, можетъ останавливаться, размышлять и перечитывать слова́.—Слушатель же долженъ быть въ безпрерывномъ вниманіи, ловить каждое слово чтеца, и слѣдовать за предлагаемыми мыслями, не останавливаясь; иначе смыслъ для него потерянъ невозвратно.

§ 6. Впрочемъ языкъ изустный имѣетъ свои преимущества предъ письменнымъ со стороны *силы* и *выразительности*.—Голосъ Оратора дѣлаетъ живѣйшее впечатлѣніе на душу, нежели молчаливое чтеніе книги. — Драматическая Поэзія мертва въ письмѣ; но какъ она одушевляется въ устахъ актера!— *Измѣненіе тоновъ, взоры, языкъ тѣлодвиженія* суть сильныя средства, которыхъ письмо совсѣмъ не имѣетъ.—И такъ, если письменный языкъ способнѣе къ наученію; то изустный благопріятствуетъ сильному дѣйствію краснорѣчія.

Въ какихъ случаяхъ изустный языкъ можетъ имѣть преимущество предъ письменнымъ?

*

История языка.

Произхождение дара слова.

§ 7. Сказано выше, что *даръ слова* есть главнѣйшее средство сообщенія людей между собою. — Не входя въ трудное изслѣдованіе о началѣ его, замѣтимъ только, что Творецъ, одаривъ словесностью любимое свое созданіе, предоставилъ ему самому образовать сей чудесный даръ. — При сближеніи людей въ общества, даръ слова развивался быстро, и умножилось собраніе знаковъ, выражающихъ понятія. — И такъ какъ понятія сіи были ограничены, и заключались въ тѣсномъ кругѣ физическихъ предметовъ; то первобытный языкъ не имѣлъ ни обилія, ни утонченности.

§ 8. Когда нужда требовала обширнѣйшаго сообщенія, и люди начали отличать предметы особыми именами; то при наименованіи сихъ предметовъ, употребляли звуки, сходные съ ихъ свойствомъ: такъ живописецъ рисуетъ лугъ, употребляя краску зеленую.—Потому-то во всѣхъ языкахъ находимъ много звукоподражательныхъ словъ. — Русскій языкъ преимущественно изобилуетъ такого рода словами, какъ то: *шипѣть, свистать, жужжать, клокотать* и проч. Такія слова производятъ весьма сильное дѣйствіе, особливо въ піитическихъ описаніяхъ и картинахъ, которыми отличаются творенія лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. — Что

можетъ быть живописнѣе сихъ стиховъ Державина?

„Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
„Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
„Рога на спину преклоняетъ
„И быстро мчится межъ деревъ;
„Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
„И хрупкій подъ ногами листъ.

Или:

„Грохочетъ эхо по горамъ,
„Какъ громъ, гремящій по громамъ.

§ 9. Допустивъ справедливость предыдущаго положенія, должно заключить, что первоначальное составленіе языковъ было не произвольное.—Древніе Философы долго спорили, желая рѣшить: *utrum nomina rerum sint natura aut impositione?* Слова были ли просто знаки условные, обязанные происхожденіемъ своимъ только произволу изобрѣтателей, или въ самой натурѣ было какое нибудь основаніе, на которомъ утверждаясь, можно изъяснить, почему введены въ языкъ преимущественно такія, а не другія слова для означенія извѣстныхъ предметовъ? Послѣдователи Платона Философа держались послѣдняго мнѣнія.

Мнѣнія древнихъ Философовъ объ образованіи языковъ.

§ 10. Поелику основою первобытныхъ языковъ были слова, означавшія какіе либо чувственные предметы; то и самый слогъ по необходимости былъ стихотворный, исполненный Метафоръ, Иперболъ и всякаго

Стихотворный слогъ первобытныхъ языковъ.

рода уподобленій.—Разительный примѣръ сего находимъ мы въ слогѣ Ветхаго Завѣта, который вездѣ наполненъ примѣненіями (allusions) къ видимымъ предметамъ. — Несчастіе и беззаконіе представляются въ немъ подъ именемъ *оскверненной ризы*; бѣдствіе представляется *питіемъ изъ чаши* горести; тщетныя предпріятія—дѣйствіемъ *пресмыкаться во прахѣ*, или *насыщаться пепломъ*; порочная жизнь—*извилистою стезею*, а благоденствіе *свѣтомъ Господнимъ, сіяющимъ надъ главою* и пр. Слогъ сей—хотя и неправильно—называютъ *Восточнымъ*, какъ будто онъ болѣе сроденъ обитателямъ Востока. — Но слогъ Американцевъ ясно показываетъ, что оный не зависитъ ни отъ климата, ни отъ страны; но отъ положенія, или отъ времени образованія обществъ и языковъ.

Начало языка прозаическаго.

§ 11. По мѣрѣ того, какъ языкъ становился обильнѣе и изобрѣтены были названія для предметовъ вещественныхъ и отвлеченныхъ; то не нужно было прибѣгать къ перифразамъ. Слогъ становился опредѣленнѣе и слѣдственно простѣе. — Ясность слога была главнѣйшимъ предметомъ, на который обращали вниманіе. Вмѣсто Піитовъ люди избирали наставниками Философовъ, и написанныя ими разсужденія о разныхъ предметахъ ввели обыкновенный слогъ, извѣстный у насъ подъ именемъ прозы.—По словамъ Плинія, у Грековъ первое философское твореніе въ про-

зѣ написано было *Ферецидомъ*, современникомъ Кира. — Но Павзаній упоминаетъ объ одной Коринѳской Исторіи въ прозѣ, приписываемой *Румелусу* и сочиненной за 740 лѣтъ до Р. Х.

§ 12. Но самое высшее совершенство, до котораго поздо достигаютъ всѣ языки, составляютъ *имена сложныя*. Одни изъ нихъ означаютъ два, или три понятія, составляясь изъ нѣсколькихъ именъ, глаголовъ или нарѣчій; а другія показываютъ одно понятіе съ мѣстнымъ обстоятельствомъ онаго, и состоятъ по большей части изъ имени, или глагола, и предлоговъ, соединяющихся съ оными. — Нашъ языкъ превосходитъ многія нарѣчія въ той легкой гибкости, которую онъ имѣетъ въ словосоставленіи. — Сіе придаетъ ему нѣкоторое величіе и силу, что́ можно видѣть въ сихъ примѣрахъ:

Составленіе именъ сложныхъ и обиліе оныхъ въ языкѣ Русскомъ.

„Какое гордое творенье,
„Хвостъ пышно расширяя свой,
„*Чернозелены* въ искрахъ перья,
„Со рассыпною бахрамой,
„Позадь чешуйной груди кажетъ,
„Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ!
„*Лазурно сизо-бирюзовы*,
„На каждаго концѣ пера
„Тѣнисты круги, волны новы
„Струиста злата и сребра:
„Наклонитъ — изумруды блещутъ!
„Повернетъ — яхонты горятъ!

Или
,,На *сreбророзовыхъ* коняхъ;
,,На *златозарномъ* фаэтонѣ. —

Державинъ.

Порядокъ словъ въ языкахъ и особливо Русскомъ.

Расположеніе словъ, свойственное древнимъ языкамъ.

§ 13. Разсматривая слова въ какой нибудь рѣчи, заключающей въ себѣ извѣстный смыслъ, мы находимъ и въ семъ отношеніи различіе между древними и новѣйшими языками. — Древніе обыкновенно ставили предметъ дѣйствія напереди, потомъ лице дѣйствующее, а наконецъ самое дѣйствіе. — Такимъ образомъ Саллюстій въ сравненіи тѣла съ душею говоритъ: *Animi imperio. corporis servitio magis utimur.*—Такой порядокъ дѣлаетъ мысль живѣе и разительнѣе, нежели какова бы она была, еслибъ выразить ее сообразно съ нынѣшнимъ словосочиненіемъ, на прим: *Nous nous servons plus du commandement de l' ésprit et du service du corps*; *намъ большею частію нужна бываетъ власть разума и покорность тѣла.* — Тоже можно замѣтить и о слѣдующемъ примѣрѣ, взятомъ изъ рѣчи Цицерона *pro Marcello*: „*Tantam mansuetudinem inusitatam inauditamque clementiam, tantumque in summa potestate rerum omnium modum, tacitus nullo modo praeterire possum.*—Здѣсь словорасположеніе совершенно противоположно нашему:

Сперва представленъ предметъ, производящій мысль въ Ораторѣ, а потомъ самъ Ораторъ и его дѣйствіе.—Привыкши располагать слова инымъ образомъ, мы называемъ порядокъ Древнихъ обратнымъ (*constructio inversa*).—Однакожъ оный хотя и не сообразенъ съ Логикою; но за то самый естественный: ибо внушенъ воображеніемъ, которое побуждаетъ въ первомъ мѣстѣ упомянуть о предметѣ, насъ занимающемъ.

§ 14. И такъ словорасположеніе нашего языка отличается отъ древнихъ языковъ тѣмъ, что у насъ напереди обыкновенно ставится лице дѣйствующее, потомъ самое дѣйствіе, наконецъ предметъ дѣйствія, на прим: „Сограждане! дерзаю говорить о Екатеринѣ, и величіе предмета поражаетъ меня.“ — Порядокъ Древнихъ гораздо живѣе, нашъ яснѣе и понятнѣе.—Римляне располагали слова, слѣдуя порядку, въ какомъ идеи представляются воображенію, а мы располагаемъ такъ, какъ велитъ разсудокъ, когда надобно представить ихъ въ связи воображенію другихъ. — Можно сказать, что словорасположеніе какъ нашего, такъ и другихъ новѣйшихъ языковъ, есть плодъ усовершенствованнаго искусства говорить: ибо предметъ рѣчи есть тотъ, чтобъ ясно сообщать свои мысли другимъ.

Отличіе словорасположенія языка Русскаго отъ древнихъ языковъ.

§ 15. Въ Поэзіи, гдѣ слогъ долженъ быть выше обыкновеннаго, и гдѣ надобно говорить

Отъ чего въ Русскомъ языкѣ, въ

сравненіи съ другимъ языками, свободнѣе располагаются слова?

языкомъ воображенія и чувства, свобода въ расположеніи словъ не такъ ограничена, какъ въ прозѣ; разстановка и смѣлые обороты позволительны; но сія пиитическая вольность въ сравненіи съ тою, какую находимъ въ языкахъ древнихъ, въ новѣйшихъ языкахъ ограничена.—Французскій языкъ какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, позволяетъ менѣе разстановокъ, Англійскій терпитъ болѣе, а Италіянскій еще больше.—*Русскій* языкъ съ сей стороны превосходитъ Европейскіе языки. — Онъ имѣетъ, такъ какъ Греческій и Латинскій, перемѣнныя окончанія въ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи, показывающія взаимное отношеніе словъ, хотя бы оныя разставлены были и далеко другъ отъ друга. — Между тѣмъ какъ другіе Европейскіе языки, не изключая Италіянскаго, въ окончаніяхъ своихъ слишкомъ единообразны, всѣ потеряли употребленіе падежей, и дополняютъ недостатокъ сей членами. Слѣдующее, на примѣръ, выраженіе Латинскаго языка: *Extinctum Nimphae crudeli funere Daphnim flebant*, будучи переведено буквально на Французскій: *Mort les Nimphes par un cruel trépas Daphnis pleuroient* — будетъ не понятно; а на Русскомъ смыслъ сей рѣчи будетъ вразумителенъ: *погибшаго Нимфы жестокою смертію Дафниса оплакивали*; поелику различіе окончаній приводитъ здѣсь все въ порядокъ, и дѣлаетъ связь словъ совершенно понятною.

§ 16. Впрочемъ злоупотребленіе сей свободы въ разстановкѣ словъ часто производитъ сбивчивость и темноту. Вотъ примѣры:

„Сѣдящъ увѣнчанъ осокою,
„Въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ,
„На урну облегшись рукою,
„Являющій лице небесъ,
„Прекрасный вижу я источникъ.—

Хорошія картины, но безъ порядка: можно подумать, что *сѣдящъ* и *облегшись* относятся къ поэту, а не къ источнику. — Въ слѣдующихъ выраженіяхъ также два смысла: *я увидѣлъ съ горы бѣгущаго человѣка*; или: *великую добродѣтель власть имѣетъ*.— Квинтиліанъ осуждаетъ слѣдующее выраженіе: *Se vidisse hominem librum scribentem.* — Конечно нельзя подумать, чтобъ книга писала человѣка; но умъ не допускаетъ темноты и сбивчивости.

§ 17. Хотя Ломоносовъ въ своей Риторикѣ и постановилъ нѣсколько правилъ для словорасположенія Русской прозы; но, подражая Латинскимъ писателямъ, онъ самъ часто держался словорасположенія не Русскаго.—Послѣдующіе за нимъ писатели слѣдовали конструкціи то языка Латинскаго, то Нѣмецкаго, то Французскаго. — Таковый неопредѣленный порядокъ словъ въ прозѣ и стихахъ далъ поводъ заключать, что Русскій языкъ не имѣетъ правилъ о расположеніи словъ: каждый пишетъ по своему.—Но если

Откуда извлекаются правила словорасположенія Русскаго языка?

всякой народъ имѣетъ свой порядокъ словъ; то и нашъ языкъ долженъ имѣть правила, которымъ онъ въ словорасположеніи слѣдуетъ постоянно и вѣрно.—Откуда же извлечь оныя правила?— *Употребленіе* и *лучшіе писатели* — вотъ тѣ основанія, на которыхъ утверждена новѣйшая Русская проза, очищенная отъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ оборотовъ.

Нѣкоторыя изъ основныхъ правилъ конструкціи словъ языка Русскаго.

§ 18. Главныя правила словорасположенія Русскаго языка слѣдующія: (*) a) Лице ставить прежде дѣйствія и предмета; на прим: *Екатерина Великая научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель.* Тутъ напереди лице, потомъ дѣйствіе и послѣ предметъ его. b) Слова не столько опредѣлительныя впереди словъ опредѣлительныхъ. c) Слова управляемыя близь управляющихъ. d) Прилагательное, заступающее мѣсто сказуемаго, слѣдуетъ за именемъ; на прим: *мужъ твердый въ бѣдствіяхъ.*—Тоже должно разумѣть и о прилагательныхъ, замѣняющихъ родительный падежъ: *Вѣкъ Екатерининъ и Александровъ.* e) Всѣ частицы рѣчи должны быть поставляемы при тѣхъ словахъ, къ которымъ онѣ относятся. Даже

(*) Подробныя замѣчанія и основательныя сужденія о словорасположеніи, свойственномъ Русскому языку, находятся въ *Практической Грамматикѣ Греча*, и въ *Опытѣ о порядкѣ словъ Давыдова.* Въ сей статьѣ я воспользовался сими замѣчаніями.

союзъ *и* долженъ быть на своемъ мѣстѣ: иначе рѣчь получитъ другой смыслъ.—Какая разность между выраженіями: *И я доволенъ имъ; я и доволенъ имъ; я доволенъ и имъ.* f. Нарѣчія при глаголѣ тоже, что прилагательныя при имени; и потому слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ. g) Имя прилагательное и глаголъ занимаютъ первое мѣсто въ предложеніи тогда, когда ими выражается подлежащее. h) Такъ называемыя *приложенія* должно ставить послѣ главныхъ понятій.

§ 19. Въ вопросахъ, также въ предложеніяхъ, начинающихся или повелительнымъ наклоненіемъ, или союзами: *когда, если,* именительный, или звательный падежъ слѣдуетъ за глаголомъ; что можно видѣть въ сихъ примѣрахъ изъ оды Ломоносова: Подражаніе Іову: Какъ слова располагаются въ вопросахъ?

„Сбери свои всѣ силы нынѣ,
„Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
„Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
„Прекрасный сей устроилъ свѣтъ?
„Возмогъ ли ты хотя однажды
„Велѣть ранѣе утру быть,
„И нивы въ день томящей жажды
„Дождемъ прохладнымъ напоить?

Или:

„Возри въ лѣса на Бегемота,
„Что Мною сотворенъ съ тобой;
„Колючій теринъ его охота
„Безвредно попирать ногой . . . . .

§ 20. Логическій порядокъ рѣчи можетъ терпѣть измѣненіе только тогда, когда раз- Въ какихъ случаяхъ можно от-

ступать отъ логическаго порядка словъ?

судокъ покоряется сильному чувству. — Въ этомъ случаѣ расположеніе не имѣетъ правилъ, кромѣ сердечныхъ движеній; каждая часть рѣчи можетъ имѣть первое мѣсто, если она выражаетъ главное чувство; и что болѣе трогаетъ насъ, то мы и произносимъ прежде. Такъ Карамзинъ, пораженный смертію друга, въ сокрушеніи сердца говоритъ:

„Нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга! Чи„татель! ты не зналъ его: онъ не былъ ни „богатъ, ни знатенъ; онъ былъ человѣкъ „благородный по душѣ своей; украшенный од„ними достоинствами, не чинами, не блес„комъ роскоши; но его уже нѣтъ!“ ....

Вообще, при избыткѣ чувствованій, писатель ловитъ важнѣйшія слова, слѣдуя мыслямъ, одушевляемымъ движеніями сердца. — Если сказать: *Звукъ вечеваго колокола раздался, и сердца въ Новѣгородѣ вздрогнули* — разсказъ былъ бы вялъ, простъ, не одушевленъ; въ немъ не видно разительнаго чувства и главной мысли; но изъ сихъ же самыхъ словъ у Карамзина произошла поразительная картина:

„Раздался звукъ вечеваго колокола — и вздро„гнули сердца Новгородцевъ“ — это расположеніе словъ живо напоминаетъ положеніе жителей Новгородскихъ. — *Раздался* — есть главное въ выраженіи семъ дѣйствіе, и оно занимаетъ первое мѣсто. — Поставьте послѣ

слова: *и сердца вздрогнули*—періодъ потеряетъ красоту свою.

§ 21. *Діонисій Галикарнасскій* называетъ жалкими тѣхъ писателей, у которыхъ нѣтъ хорошаго расположенія словъ.—Цицеронъ въ книгѣ *de oratore* говоритъ: *и Поэзія должна быть плавною, какъ проза.*—Правила кажутся несносными только умамъ слабымъ; дарованія не знаютъ никакихъ оковъ. — Вотъ стихи, которые, при всѣхъ прелестяхъ Поэзіи, также плавны и ясны, какъ Проза:

Мнѣнія Діонисія Галикарнасскаго и Цицерона о порядкѣ словъ.

„Царей и Царствъ земныхъ отрада,
„Возлюбленная тишина!
„Блаженство селъ, градовъ ограда,
„Сколь ты полезна и красна!
„Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
„И класы на поляхъ желтѣютъ;
„Сокровищъ полны корабли
„Дерзаютъ въ море за тобою;
„Ты сыплешь щедрою рукою
„Свое богатство по земли!

Ломоносовъ.

Или:

„Набравъ валежнику порой холодной, зимной,
„Старикъ, иссохшій весь отъ нужды и трудовъ,
„Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
„Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
„Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
„Остановился,
„На землю съ плечь спустилъ дрова долой,
„Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:
„Куда я бѣденъ, Боже мой!.......

Крыловъ.

Письменное искусство.

Какія употребляли средства для сообщенія другимъ мыслей до изобрѣтенія письма?

§ 22. Гораздо послѣ языка открыто и введено *письменное искусство*, которымъ всѣ звуки, внятные дотолѣ одному слуху, сдѣлались вразумительны для глазъ, а чрезъ то стали долговѣчнѣе,—и въ особенности служили средствомъ къ умноженію и распространенію познаній. — Хотя до изобрѣтенія письма и были уже средства представлять для глазъ свои мысли и передавать потомству о важнѣйшихъ событіяхъ; но средства сіи были весьма недостаточны. Это были памятники: *столбы*, или просто *кучи камней.*—Слѣды сего и нынѣ можно видѣть у народовъ дикихъ. Но первымъ шагомъ къ изобрѣтенію письма было *изображеніе самыхъ предметовъ*, которое предполагаетъ уже свѣденіе въ рисовкѣ и грубой живописи.—Средствомъ симъ можно выразить понятіе только отдѣльно, безъ всякой связи, и изобразить одни видимые предметы. — Первые слѣды сего письма хранятся въ Іероглифахъ Египетскихъ, кои въ послѣдствіи измѣнили видъ свой и значеніе.— Можно видѣть ихъ у и другихъ народовъ мало образованныхъ: такъ Мексиканцы возвѣстили царю своему о прибытіи Испанцевъ, пославъ къ нему полотно, на которомъ нарисовали сіе происшествіе.

Какъ въ началѣ выражаемы были понятія

§ 23. Потомъ изображенія сіи сдѣлались символическими. — *Символами* начали уже представлять понятія *отвлеченныя*, не под-

верженныя чувствамъ. — Потребность сего письма очень рано открылась у тѣхъ народовъ, кои, не довольствуясь чувственными понятіями, стремились къ высшимъ понятіямъ, къ познанію Божества и природы.—Извѣстно, что Египтяне весьма рано стали употреблять Іероглифы въ иносказательномъ смыслѣ. — Такъ на примѣръ: *око* было *символомъ Провидѣнія*, *птица* знакомъ *скорости*, *лѣстница* выраженіемъ *осады* и проч. Чѣмъ больше иносказательныя и символическія изображенія входили въ употребленіе; тѣмъ чаще подвергались измѣненію и сокращеніямъ. — Особенно старались сдѣлать ихъ простѣе: не рѣдко вмѣсто всего предмета изображали части, необходимѣйшія для объясненія предлагаемой мысли; такъ: *двѣ руки съ лукомъ изображали стрѣлка.* — Еще чаще показывали дѣйствіе вмѣсто причины: *восходящій дымъ* означалъ *огонь*, или *пожаръ*; *инструментъ* — *музыканта*; *глазъ и Скипетръ* — *Правительство* и проч. . . . отвлеченныя?

Азбучное письмо.

§ 24. Всѣ сіи средства изображали прямо предметы, а не слова, не звуки, коими въ языкѣ означаются предметы. — Въ послѣдствіи, вздумали примѣнять начальныя черты вида предметовъ къ языку, къ его началамъ, къ произношенію органовъ. — Вѣроятно сіе дѣйствіе сперва обращено было на слоги, коихъ частое повтореніе и созвучность во многихъ словахъ должны были обратить вниманіе, и

что́ вскорѣ подчинено нѣкоторымъ общимъ законамъ.—Сими знаками изображались вмѣстѣ какъ гласныя, такъ и согласныя буквы. Но сіе изобрѣтеніе не могло иначе достигнуть совершенства, какъ посредствомъ *Азбучнаго письма,* которое, соображая чувство зрѣнія съ чувствомъ слуха, представляетъ не самые предметы, но тѣ звуки, коими языкъ выражаетъ предметы для слуха. — Потому-то изъ всѣхъ изобрѣтеній искусство писать есть самое полезное; оно есть волшебный талисманъ, одушевляющій бумагу, распространяющій наши мысли отъ одного края земли до другаго, и повторяющій голосъ нашъ самымъ позднимъ потомкамъ.

Примѣчаніе. Надобно однакожъ замѣтить, что изобрѣтенію буквъ предшествовалъ *Алфавитъ слоговъ*: Абиссинцы, Еѳіопіяне и разные народы Индіи употребляютъ и теперь еще такой Алфавитъ, означая каждый слогъ своего языка особымъ начертаніемъ. — А какъ таковыхъ знаковъ, или складовъ больше, нежели буквъ; то чтеніе и письмо по необходимости затрудняется.

Различныя мнѣнія о времени изобрѣтенія азбучнаго письма.

§ 25. Точное время открытія азбучнаго письма теряется въ отдаленнѣйшей древности. — Нѣкоторыя мѣста Библіи (какъ то: книги изхода Гл. 17. Гл.24. и Гл. 74.) упоминаютъ о письмѣ, какъ о дѣлѣ уже извѣстномъ. — Римскіе писатели Плиній, Тацитъ и Луканъ приписываютъ изобрѣтеніе буквъ Фини-

кіянамъ. — Платонъ же въ *Федрѣ* своемъ утверждаетъ, что изобрѣтеніе буквъ, равно какъ Іероглифы, принадлежатъ Египтянамъ, и именно Теѳту (Theuth), котораго иные почитаютъ Гермесомъ — Греческимъ Меркуріемъ. Моисей, вѣроятно, принесъ буквы Египетскія въ Ханаанъ, а Финикіяне, занимавшіе часть сей земли, присвоили ихъ себѣ и сообщили Грекамъ.

Раздѣленіе буквъ по народамъ.

§ 26. По народамъ, отъ которыхъ распространились буквы, оныя раздѣляются: на *Еврейскія*, *Греческія* и *Римскія*. — Большая часть Европы употребляетъ сіи послѣднія; но Римляне сами заимствовали ихъ у Грековъ, а сіи, посредствомъ Кадма, у Финикіянъ. — Блеръ замѣчаетъ: переворотите Греческія буквы съ лѣвой руки на правую, какъ Финикіяне писали, и вы почти не увидите между тѣми и другими разницы. — Кромѣ сходства въ начертаніи буквъ, самое ихъ названіе: *Альфа, вита, гамма* и проч. также порядокъ, какимъ онѣ расположены въ Азбукахъ — Финикійской, Еврейской, Греческой и Римской, представляетъ толь великое сходство, что почти не остается никакого сомнѣнія о произхожденіи ихъ изъ одного общаго источника.

Замѣчаніе о Русскомъ Алфавитѣ.

§ 27. Русскіе, вмѣстѣ съ религіею, заняли азбуку у Грековъ, присовокупивъ къ ней буквы: *б, ж, ц, ш, щ, ъ, ы, ѣ, ю, я,* которыхъ Греки не имѣли, по неимѣнію звуковъ,

сими буквами выражаемыхъ. — Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ упрекаетъ первыхъ сочинителей Славянской азбуки въ принятіи буквы *ѳ*; ибо она Славянамъ и Русскимъ столькожъ не нужна, какъ Французамъ *г*, или *ы*, а Нѣмцамъ *ж*, выговоръ которыхъ несвойственен ихъ языкамъ. — Хотя незабвенный преобразователь языка нашего и выкинулъ нѣкоторыя буквы, нужныя для Славянскаго, совсѣмъ ненужныя для Русскаго языка; но есть еще у насъ лишнія, какъ то: *и*, *щ*, *ъ*, *ѣ*, *э*. Надобно надѣяться, что и оныя со временемъ выдутъ изъ употребленія. Извѣстно, что и Тредьяковскій, разсуждая о Русскомъ правописаніи, покушался истребить буквы *и*, *щ*, *э*, какъ излишнія въ нашемъ Алфавитѣ; но усилія его были напрасны: онъ не былъ геніальнымъ писателемъ, который могъ бы увлечь за собою современниковъ. (*)

§ 28. Неизлишне, кажется, здѣсь указать и на другіе недостатки, требующіе вниманія любителей Русскаго слова.—На чемъ у насъ утверждаютъ сочиненіе словъ? На употребле-

---

(*) Въ наше время оказали важную услугу отечественному языку глубокими изслѣдованіями свойствъ онаго: *Шишковъ*, *Подшиваловъ*, *Соколовъ*, *Борнъ*, *Мартыновъ*, *Гречъ*, *Востоковъ*, *Глаголевъ*, *Болдыревъ*, *Калайдовичъ*, *Давыдовъ*. — Къ сему должно присовокупить наблюденія Россійской Академіи надъ отечественнымъ языкомъ и многія весьма полезныя объ ономъ разсужденія, помѣщенныя въ трудахъ Московскаго Общества Любителей Рос. Словесности.

ніи и примѣрахъ: и то и другое не всегда вѣрно. На чемъ основано удареніе словъ? На Славянскихъ книгахъ. — Иногда ихъ придерживаемся, иногда отъ нихъ отступаемъ. — Въ самомъ правописаніи то слѣдуемъ обычаямъ, то производству словъ. — Иногда отъ того и другаго уклоняемся. — Мы не имѣемъ еще полнаго и философскаго Словаря, гдѣбы отличены и объяснены были Синонимы. — (*) Безъ сего значеніе словъ останется невѣрно и неопредѣленно; многіе предметы не будутъ имѣть свойственныхъ, имъ однимъ принадлежащихъ выраженій.

Первоначальныя вещества и орудія для письма.

§ 29. Пока искусство писанія было извѣстно немногимъ; то буквы были вырѣзываемы, или изсѣкаемы на камняхъ, мѣди, оловѣ и деревѣ. — Потомъ начали употреблять и другія вещества: ремни, древесную кору, пальмовые листы, дощечки, покрытыя воскомъ, полотно, выдѣланныя кожи и Египетскій папирусъ. — Рѣзецъ, кисть и тростникъ были первыя орудія, коими древніе писали. — Что касается до нашей бумаги; то изобрѣтеніе оной относятъ къ XIV вѣку.

Примѣчаніе. Всѣ древніе народы, не исключая и самихъ Грековъ, писали отъ правой

(*) У насъ *Фонъ-Визинъ* первый началъ разбирать Синонимы Русскаго языка. — А первый опытъ Словаря Русскихъ Синонимовъ издалъ *П. Калайдовичъ* въ 1818 году. Можно надѣяться, что сей опытъ послужитъ основаніемъ будущему полному Словарю Русскихъ Синонимовъ.

руки къ лѣвой. Но со временъ Солона, для лучшаго удобства въ письмѣ, Греки начали писать отъ лѣвой руки къ правой, чему слѣдуютъ нынѣ и Евреи.

Что̀ содержали первыя письмена?

§ 30. Содержаніе первыхъ *письменъ* на памятникахъ и книгахъ было историческое. — Письмена употреблялись для напоминанія важнѣйшихъ событій на столбахъ, жертвенникахъ, пирамидахъ и обелискахъ, и вмѣстѣ служили средствомъ сообщать *повѣсти* и *преданія*, кои до тѣхъ поръ переходили изъ рода въ родъ изустно. — Сначала повѣствованіямъ таковымъ придавали видъ піитическій; а въ послѣдствіи уже начали выражаться языкомъ прозаическимъ. — Тоже должно сказать о правилахъ политики и нравственности, которыя обыкновенно сопровождаемы были пѣніемъ и музыкою. — Изъ всѣхъ книгъ Библіи, *Книги Моисея* и *Книги Іова* почитаются самыми древними.

Примѣчаніе. Съ помощію письменъ и другихъ средствъ, знанія распространялись болѣе и болѣе у древнихъ народовъ; хотя несравненно позже приведены въ систему наукъ и подчинены ученымъ раздѣленіямъ.—Итакъ очевидно, что нужда и необходимость были первыми учителями: онѣ возбудили дѣятельность и разумъ къ высшимъ открытіямъ и показали пользу наукъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

§ 31. Изустный и письменный языки, о которыхъ прежде упомянуто, составляютъ предметъ *Литератїуры, или Словесности.* — Словесность, принятая въ тѣсномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ правила языка, основанныя на общемъ употребленіи Грамматики. — Словесность, взятая въ смыслѣ пространномъ, содержитъ въ себѣ правила сочиненій, извлеченныхъ изъ образцовыхъ произведеній ума и воображенія. Определенiе словесности.

§ 32. При употребленіи дара слова, мы можемъ имѣть троякую цѣль: 1) сообщать другимъ наши мысли; 2) управлять ихъ волею, или дѣяніями; и въ 3) дѣйствовать на ихъ чувства и воображеніе. — Въ первомъ случаѣ рѣчь называется *прозаическою*, во второмъ *ораторскою*, а въ третьемъ *стихотворною*, или *пiитическою*. Раздѣленіе рѣчи на прозаическую, ораторскую и стихотворную.

§ 33. Оныя отрасли Словесности: *Проза* и *Поэзiя* различаются тѣмъ, что первая, проистекая изъ разсудка и разума, говоритъ о предметахъ существенныхъ, истинныхъ; а вторая, происходя изъ фантазіи и чувствъ, предлагаетъ вымыслы, облеченые въ изящныя формы. — Прозаикъ, понимая природу, списываетъ ее; поэтъ, не довольствуясь тѣмъ, творитъ міръ идеальный; слѣдовательно Проза есть только выраженіе познаній; Поэзія—есть выраженіе идей, творчество. Различіе между Прозою и Поэзiею.

Примѣчаніе. — Впрочемъ Проза и Поэзія часто сливаются, какъ свѣтъ и тѣнь. — Оссіановы, напримѣръ, пѣснопѣнія писаны прозою, однакожъ стихотворны. — Притомъ же орудіе, которымъ пользуются Ораторъ и Поэтъ, — я разумѣю *языкъ* — одно и тоже; а потому и неудивительно, что они другъ съ другомъ встрѣчаются, и часто риторическія правила годны бываютъ для Поэзіи.

Раздѣленіе словесности, какъ науки.

§ 34. Проза и Поэзія требуютъ особенной Теоріи — науки; посему Словесность, какъ наука, дѣлится на *Риторику* и *Піитику*. — Риторика предлагаетъ правила выражать изустно, или на письмѣ, мысли, сообразно съ предположенною цѣлію. — Цѣль сія можетъ быть теоретическая и практическая; въ первомъ случаѣ писатель имѣетъ намѣреніе только дѣйствовать на *умъ* человѣка, въ послѣднемъ и на *волю* его. — Отъ сего-то Проза и раздѣляется на *низшую* и *высшую*.

Какое различіе полагали древніе между краснорѣчіемъ и Риторикою?

§ 35. Древніе подъ именемъ Краснорѣчія разумѣли единственно *Искусство Ораторское* (ars Oratoria); а подъ Риторикою — правила, служащія къ образованію Оратора. — Теорія прочихъ прозаическихъ сочиненій была предметомъ ихъ Діалектики и Грамматики. — Изъ сего видно, что нынѣ область Риторики гораздо обширнѣе, и правила ея простираются какъ на прозаическія сочиненія, такъ и на стихотворныя.

§ 36. *Смыслъ, чувство* и *выраженіе* оныхъ, составляющія сущность рѣчи, служатъ предметомъ Риторики, которая, однакожъ, не простираетъ своихъ изслѣдованій до мыслей и до словъ, предоставляя это Логикѣ и Грамматикѣ, какъ наукамъ, долженствующимъ предшествовать Риторикѣ. — Изъ сего видно, что Риторика особенно занимается *красотою* и *стройностію* сочиненія т. е. она учитъ, какъ мысли, правильно обдуманныя и по правиламъ Грамматики выраженныя, представлять въ видѣ изящномъ и соотвѣтственномъ *намѣренію* говорящаго; чего ни Логика, ни Грамматика не имѣютъ въ виду непосредственно.

Различіе между Риторикою, Логикою и Грамматикою?

§ 37. Были нѣкоторые, кои отвергая *пользу и необходимость правилъ Риторическихъ*, говорили, что можно, при пособіи однихъ дарованій, безъ руководства науки, достигнуть совершенства въ краснорѣчіи. — Сіе ложное мнѣніе произошло частію отъ превратнаго понятія правилъ, частію отъ худаго изложенія оныхъ.—Правила суть наблюденія, вѣками составленныя и многократно повторяемыми опытами оправданныя. — Они показываютъ путь, по которому счастливо проходили отличные умы, отъ котораго уклонясь, другіе подверглись разнымъ погрѣшностямъ, и не получили никакого успѣха.—Правила и дарованія совокупно должны дѣйствовать, и служить другъ другу

Необходимость знанія правилъ Риторическихъ.

Мнѣніе Горація.

взаимнымъ пособіемъ. — Горацій, разрѣшая споръ своихъ современниковъ, изъ коихъ одни наукѣ, другіе дарованіямъ приписывали болѣе совершенства въ Поэзіи, говоритъ:

„Natura fieret laudabile carmen, an arte,
„Quaesitum est.—Ego nec studium sine divite venâ,
„Nec rude quid prosit, video ingenium: alterius sic
„Altera poscit opem res et conjurat amice.....

то есть:

„Нѣкоторые предлагаютъ вопросъ: природа „ли, или наука дѣлаетъ стихотвореніе совер-„шеннымъ? По моему мнѣнію, ни наука безъ „дара, ни даръ безъ науки не могутъ прине-„сти пользы. — Одна требуетъ помощи дру-„гаго, и, совокупно токмо дѣйствуя, могутъ „доставить успѣхъ.“

Происхожденіе правилъ Риторическихъ.

§ 38. Науки составились уже послѣ нѣкоторыхъ опытовъ.—Такъ и въ словесности прежде были Гомеръ, Иродотъ, Демосфенъ и другіе, а по нимъ написаны Риторики, Піитики, Курсы и Теоріи изящныхъ наукъ. — Сіи геніи неслагали твореній своихъ по правиламъ Риторическимъ; но, наблюдая природу и человѣка, слѣдовали свободному изліянію сердца, покореннаго невольнымъ порывамъ чувствованій и страстей. — У Грековъ особливо блистательные успѣхи краснорѣчія произвели многихъ Риторовъ, которые всѣми своими открытіями въ словесности, всѣми правилами чистаго вкуса и слога обязаны вѣрнымъ своимъ наблюденіямъ и разбору луч-

шихъ писателей. — Въ Греціи не только учители Риторики, но и Грамматики и Философы занимались Теоріею словесныхъ наукъ; тамъ писатели обращали вниманіе столько же на мысли, сколько и на слогъ. Между Авторами *Греческими*, которые писали о краснорѣчіи, и коихъ сочиненія дошли до насъ, заслуживаютъ особенное вниманіе: *Аристотель, Діонисій Галикарнасскій, Гермогенъ, Автонїусъ, Димитрій Фалерейскій* и *Лонгинъ*. — Аристотелемъ написаны три книги Риторики, въ которыхъ всѣ правила риторическія основаны на началахъ Логики; и доселѣ еще ни въ одномъ сочиненіи ненаходится столь глубокихъ сужденій объ убѣжденіи разума и возбужденіи страстей. Греческіе Риторы.

§ 39. *Римляне,* счастливые подражатели Грековъ, въ продолженіе блистательной эпохи своей республики, усовершенствовали не только практическую, но и учебную часть краснорѣчія. — Въ семъ отношеніи особенно прославились *Цицеронъ, Квинтиліанъ* и неизвѣстный сочинитель разговора *de causis corruptae eloquentiae.*—Отличительное свойство ученія Квинтиліана состоитъ въ томъ, что онъ хочетъ Риторику сдѣлать наукою благонамѣренною.—Онъ только того писателя признаетъ совершеннымъ, кто имѣетъ образованный умъ и доброе сердце:—*orator sit vir bonus et dicendi peritus,*—Потому и самую Ри- Римскіе Риторы.

торику опредѣляетъ такъ: *Rhetorica est ars bene dicendi.*

Русскіе сочинители Риторическихъ правилъ.

§ 40. У насъ въ Россіи, *духовные отцы* первые начали составлять Риторическія правила, слѣдуя методѣ Греческихъ и Латинскихъ Риторикъ, и всѣ писали на языкѣ Латинскомъ. — Изъ свѣтскихъ писателей имѣетъ неоспоримое право на признательность нашу *Ломоносовъ*, который первый, преодолѣвъ предразсудки своего вѣка, издалъ правила Риторики на Русскомъ языкѣ.—Риторика его содержитъ въ себѣ ученіе о краснорѣчіи вообще, какъ прозаическомъ, такъ и стихотворномъ. -Впрочемъ, по предположенному имъ плану, она долженствовала составить только введеніе въ Ораторію и Поэзію, которыя, къ сожалѣнію, имъ не были изданы. — По примѣру прежнихъ Риторовъ, Ломоносовъ дѣлитъ Риторику на три части: 1) *Изобрѣтеніе*; 2) *Украшеніе*; 3) *Расположеніе*. — Въ статьѣ о расположеніи сочиненій по Хріямъ, Силлогизмамъ, Разговорамъ и Описаніямъ, Ломоносовъ доказываетъ, что по Силлогизмамъ, могутъ располагаться не только прозаическія, но и стихотворныя сочиненія. — Къ симъ послѣднимъ относитъ онъ свои Оды: *Лице свое скрываетъ день*, и *Хвалу Всевышнему Владыкѣ*. — Почти всѣ примѣры для подтвержденія правилъ, Ломоносовъ заимствовалъ изъ древнихъ Ораторовъ и другихъ писателей, но съ разборомъ

и здравою критикою. — Вообще Риторика Ломоносова, кромѣ не многихъ недостатковъ, неизбѣжныхъ при изданіи первоначальнаго руководства, отличается строгимъ систематическимъ порядкомъ, ясностію и точностію въ опредѣленіяхъ. — *Краткое руководство къ Ораторіи Россійской*, изданное въ 1788 году Іеромонахомъ *Амвросіемъ*, замѣчательно потому, что оное было нѣкогда въ большомъ употребленіи почти во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ. — Авторъ сего руководства заслуживаетъ также вниманіе наше и потому, что онъ, за нѣсколько еще лѣтъ до появленія извѣстнаго разсужденія *А. С. Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ*, доказывалъ, что собственно Русскій языкъ не можетъ быть великъ безъ Славянскаго, и нелѣпое соединеніе чистаго Россійскаго реченія съ чистымъ Славянскимъ противно слуху.— Риторика *Рижскаго*, появившаяся въ свѣтъ въ 1796 году, была, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, лучшимъ у насъ руководствомъ по части Теоріи краснорѣчія.—Здѣсь мы находимъ краснорѣчіе, уже основаннымъ на началахъ Эстетики, и весьма удовлетворительныя правила о составѣ періодовъ, о родахъ слога, объ источникахъ изящнаго и другихъ предметахъ вкуса. — *Основанія словесности Никольскаго* въ свое время были полезны. — Въ наше время, кромѣ *учебной книги* Г. *Греча* и *краткаго начертанія Теоріи изящной*

словесности Г. *Мерзлякова*, отличающихся порядкомъ и точностію изложенія, заслуживаютъ вниманіе учебно-словесныя книги, изданныя Гг. *Галичемъ*, *Глаголевымъ*, *Плаксинымъ*, *Кошанскимъ*, *Толмачевымъ*, *Талызинымъ* и нѣкоторыми другими, коихъ сочиненія имѣютъ относительное свое достоинство.

Раздѣленіе Риторики.

§ 41. Риторика раздѣляется *на общую* и *частную*: въ первой говорится объ изложеніи мыслей словами, о свойствахъ рѣчи всѣхъ родовъ; въ другой предлагаются способы примѣнять рѣчь прозаическую къ извѣстнымъ назначеніямъ и частнымъ цѣлямъ сочинителя.—А потому, при прохожденіи Общей Риторики, мы будемъ говорить о распространеніи, расположеніи и украшеніи предложеній, періодовъ и другихъ первоначальныхъ, основныхъ сочиненій.

ЧАСТЬ I.

ОБЩАЯ РИТОРИКА.

Отдѣленіе 1-е.

О способахъ составлять изъ логическихъ предложеній риторическія.

Опредѣленіе Логическаго предложенія.

§ 42. Подъ *Рѣчію* вообще надлежитъ разумѣть всякое словесное выраженіе нашихъ мыслей и чувствованій, расположенное въ извѣстномъ порядкѣ и связи.—Основаніе же всякой рѣчи составляетъ *Логическое предложеніе,* а потому называется *основнымъ,* для отличія отъ придаточныхъ и вводныхъ.

Опредѣленіе предложенія придаточнаго и вводнаго.

§ 43. *Придаточное* (accessoria) предложеніе есть то, которымъ распространяется, изъясняется и доказывается основное предложеніе; а *вводнымъ* (interjecta) называется то, которое имѣетъ только видимую связь съ одною частію предложеній главнаго и придаточнаго; напримѣръ: Александръ Македонскій, *побѣдивъ весь свѣтъ,* не могъ побѣдить самого себя: *ибо легче побѣждать народы, нежели свои страсти.*

Раздѣленіе предложеній.

§ 44. Предложенія бываютъ различны, смотря по количеству и качеству. По количеству они бываютъ: *простыя* и *сложныя, общія* и *частныя* По качеству: *утвердительныя* и *отрицательныя, умозрительныя* и *дѣятельныя.*

Опредѣленіе предложенія общаго и частнаго.

§ 45. *Общее* предложеніе есть то, въ которомъ подлежащее есть родъ, или цѣлое; на прим. *всѣ* люди должны умереть; — *Россія* есть обширнѣйшее Государство. — *Частное* есть то, въ которомъ говорится о видѣ какого либо рода, или о части цѣлаго; на прим. *нѣкоторые* цвѣты хорошо пахнутъ.

Примѣчаніе. — *Родъ* есть подобіе видовъ; на прим. *животное* есть родъ. — *Видъ* есть подобіе недѣлимыхъ; на прим. *человѣкъ* есть видъ. — *Недѣлимымъ* называется все то, что само по себѣ существуетъ; на прим. *Иванъ* — есть недѣлимое. — Впрочемъ и родовое понятіе, въ отношеніи къ высшему, можетъ быть видовымъ; какъ напр: *воинъ* въ отношеніи къ *человѣку*, а *человѣкъ* въ отношеніи къ *животному*; — это высшіе роды.

Опредѣленіе прочихъ предложеній.

§ 46. *Утвердительное* предложеніе есть то, въ которомъ утверждается что нибудь о подлежащемъ; на пр: *Ученіе просвѣщаетъ разумъ*; въ *Отрицательномъ* же предложеніи сказуемое отдѣляется отъ подлежащаго; на прим. *лѣность неизвинительна.* — *Умозрительное* (Теоретическое) предложеніе есть то, въ которомъ показывается согласіе, или несогласіе сказуемаго съ подлежащимъ, или показывается только то, что есть; напр: *добродѣтель любезна для всякаго*; *порокъ ненавистенъ.* *Дѣятельное* (практическое) есть то, въ коемъ требуется, или повелѣвается что нибудь дѣлать, или избѣгать чего либо;

напр: *старайся быть добрымъ; убѣгай пороковъ.*

§ 47. Логическое предложеніе становится риторическимъ, или распространяется: 1) когда къ именамъ существительнымъ прибавляемъ имена *прилагательныя*, къ глаголамъ и причастіямъ *нарѣчія;* 2) къ словамъ и выраженіямъ пріискиваемъ слова и выраженія *подобозначущія;* 3) къ словамъ и выраженіямъ — слова и выраженія, *противное* означающія; 4) *опредѣляемъ*, или *описываемъ* разсматриваемый нами предметъ для отличенія его отъ прочихъ; 5) или наконецъ изчисляемъ *обстоятельства,* относящіяся къ объясненію предложенія, по вопросамъ: *кто? что? гдѣ? для чего? какъ? когда?* Впрочемъ употребленіе сихъ *мелкихъ* способовъ распространенія при всѣхъ темахъ былъ бы одинъ педантизмъ.

Первоначальные способы распространять Логическое предложеніе.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ Риторикахъ приводятся способы распространять предложенія понятіями, взятыми отъ *рода, вида, цѣлаго, частей, подобія, примѣра, времени, мѣста* и т. п. Но сіе несравненно полезнѣе объяснять учащимся изъ примѣровъ.

§ 48. Логическое предложеніе, распространенное посредствомъ изложенныхъ выше способовъ, составитъ *періодъ*, который есть основаніе всякой рѣчи.—*Періодомъ* собственно называется выраженіе Силлогизма, или рѣчь, состоящая изъ нѣсколькихъ предложеній, связанныхъ между собою такъ, что, при

Опредѣленіе періода.

заключеніи только цѣлаго сочиненія, раскрывается полное значеніе и связь мыслей. — Пока въ предложеніи нѣтъ средняго термина, до тѣхъ поръ нѣтъ и періода.

Опредѣленіе періода простаго и сложнаго.

§ 49. Періодъ бываетъ *простой* и *сложный*, смотря потому: одно ли главное предложеніе распространяется, или болѣе. — Сложный періодъ, по числу предложеній, его составляющихъ, и называемыхъ въ Риторикѣ членами, бываетъ *двучленный*, *трехчленный* и *четырехчленный*. — Простой періодъ разнится отъ предложенія только объемомъ и содержитъ одну истину. — Всякая истина, о которой писатель хочетъ говорить основательно, требуетъ *доказательства*, или *поясненія*.—На сей конецъ къ простому періоду присоединяется другой простой періодъ, который съ первымъ, имѣя умственную связь, или доказываетъ его, или поясняетъ. — Таковое соединеніе нѣсколькихъ простыхъ періодовъ, между которыми есть связь, или умомъ подразумѣваемая, или явными частицами изображенная, составляетъ періодъ сложный.

Части сложнаго періода.

§ 50. Сложные періоды дѣлятся обыкновенно на *двѣ* половины, изъ коихъ одна называется *возвышеніемъ* (protasis), а другая *пониженіемъ* (apotasis). — Хорошій писатель часто наблюдаетъ въ сложныхъ періодахъ сіе благоразумное правило: — не вдругъ предлагать главное содержаніе рѣчи, но сперва

приготовить читателя стороннею, но близкою мыслію къ предмету — это *возвышеніе.* Во второй половинѣ онъ открываетъ главное содержаніе періода и дѣлаетъ *пониженіе.* — Судя по естественному ходу мыслей, *возвышеніе* должно бы занимать первое мѣсто; но часто занимаетъ послѣднее. — Сія перестановка половинъ періода зависитъ отъ различнаго намѣренія писателя.

Круглый періодъ.

§ 51. Если обѣ половины періода равную величину имѣютъ, т. е. заключаютъ въ себѣ равное число предложеній, распространенныхъ многими придаточными словами; то составляютъ, такъ называемый, *круглый* періодъ.—Такіе періоды особенно употребляются въ рѣчахъ ораторскихъ.

Всегда ли возвышеніе занимаетъ первое мѣсто въ періодѣ?

§ 52. По большой части, сіи двѣ половины періода бываютъ неравной величины. — *Блеръ* замѣчаетъ, что *кратчайшая*—будетъ ли она возвышеніе, или пониженіе, должна занимать первое мѣсто, и вотъ почему: когда читатель, особливо слушатель, переходитъ ко второй половинѣ періода; то память его имѣетъ меньше труда повторять первую, чтобъ яснѣе видѣть связь и отношеніе между обѣими половинами; напр: *Когда наши страсти оставляютъ насъ; мы увѣрены, или хотимъ увѣрить себя, что мы ихъ оставили.*—Сей періодъ будетъ хуже, если расположить его такъ: *мы увѣряемъ себя, или хотимъ увѣрить, что мы ос-*

тавили страсти наши, когда онѣ насъ оставляютъ.

Впрочемъ если главному предложенію предшествуетъ не одно, а многія придаточныя одного содержанія; то первая половина періода по необходимости должна быть болѣе второй.

Отдѣленіе 2-е.

Формы сложныхъ періодовъ.

Изчисленіе сложныхъ періодовъ.

§ 53. Періоды сложные, по свойству придаточныхъ предложеній, и по различному способу соединенія оныхъ съ Логическимъ предложеніемъ, получаютъ разныя техническія наименованія, и бываютъ: *винословные, противоположные, сравнительные, уступительные, условные, послѣдовательные, относительные, изъяснительные, соединительные* и проч.

§ 54. Для составленія періода *винословнаго* слѣдуетъ только къ главному предложенію пріискать придаточное такое, которое бы содержало въ себѣ причину, или доказательство, подтверждающее истину главнаго, и соединить частицами: *ибо, поелику, потому что* и т. п. Напримѣръ: „Даръ выражаться — прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка: ибо посредствомъ его онъ „оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ,

„и имѣетъ на него сильное влiянiе.“ — *Батюшковъ.*

§ 55. Перiодъ *противоположный* есть тотъ, въ которомъ придаточное предложенiе содержитъ въ себѣ истину, хотя справедливую, но противную истинѣ главнаго предложенiя, и соединяется съ нимъ частицами: *а, же, напротивъ.*—Достоинство сего перiода состоитъ въ строгомъ соблюденiи натуральныхъ отношенiй между противоположностями. — Пусть первая половина будетъ состоять изъ слѣдующей мысли: *радость оживляетъ душу человѣка.* Противныя радости и жизни идеи суть: *печаль* и *смерть*; изъ нихъ составится вторая половина: *а печаль ее умерщвляетъ.*—Такимъ образомъ истина отъ противоположности дѣлается яснѣйшею, такъ какъ бѣлое подлѣ чернаго дѣлается бѣлѣйшимъ.

§ 56. *Сравнительный,* или *уподобительный* перiодъ требуетъ, что бы придаточное предложенiе содержало сравненiе, или подобiе, или примѣръ, или свидѣтельство, и соединялось съ главнымъ частицами: *какъ, такъ, какимъ образомъ, такимъ образомъ* и т. п. Подъ *сравненiемъ* разумѣется показанiе или равенства, или преимущества касательно количества, или качества одного предмета предъ другимъ; напр: Батюшковъ, сравнивая генiй Ломоносова съ генiемъ Петра Великаго, говоритъ: „Ломоносовъ

„тоже учинилъ на трудномъ поприщѣ „словесности, что Петръ Великій на „поприщѣ гражданскомъ. — Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ „оковахъ невѣжества; создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ „пробудилъ языкъ возстающаго народа; „онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихо„творство.“

Подъ *подобіемъ* разумѣется сличеніе двухъ вещей разнаго рода, но сходныхъ между собою дѣйствіями, или другими какими либо принадлежностями.—Подобіе всегда берется отъ вещей, чувствамъ подлежащихъ; напр:

„Какъ ясно солнце на восходѣ
„Весной природу всю живитъ;
„Такъ добрый Царь въ своемъ народѣ
„Сердца приходомъ веселитъ.

Озеровъ.

Свидѣтельствомъ называется приведеніе изрѣченія, сказаннаго какимъ либо мужемъ, знаменитымъ или славою ума, или добродѣтельною жизнію.—Свидѣтельства также берутся изъ священныхъ книгъ, изъ сочиненій лучшихъ писателей, изъ законовъ, и даже изъ народныхъ пословицъ; на прим: „Поля Бородинскія! отколѣ безчисленные „холмы сіи, которые доселѣ не покрывали „васъ? чѣмъ наполнены пространныя нѣдра „ваши? не костьми ли злодѣевъ нечестивыхъ, „хотѣвшихъ истребить вѣру отцевъ на-

шихъ? *Тмы тѣмъ падоша иноплеменныхъ, и сокрушишася оружія бранная.*

Августинъ.

§ 57. *Уступительный*, или *позволительный* періодъ бываетъ тогда, когда придаточное предложеніе, состоящее изъ уступленія, соединяется съ главнымъ частицами: *хотя, пусть, однако, но* и т. п. Подъ *уступленіемъ* разумѣется такое предложеніе, которое, истиною сказуемаго ограничивая истину главнаго предложенія, бываетъ справедливымъ въ нѣкоторыхъ только исключительныхъ случаяхъ, въ коихъ главное предложеніе становится уже несправедливымъ; напр: *науки полезны.* — Есть случаи, въ которыхъ истина сего предложенія можетъ подлежать сомнѣнію: — *науки въ развратномъ человѣкѣ вредны.* — Подобные сему случаи составляютъ то, что мы называемъ *уступленіемъ.* — Вотъ примѣръ: „Дикій, переселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ „въ великолѣпный городъ Европы, на сцену „всѣхъ блестящихъ искусствъ, видитъ богатство и пышность, видитъ и изумляется; „но чрезъ минуту очарованіе изчезаетъ, „хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась „питательными лучами любви и дружбы.

Карамзинъ.

§ 58. *Условный* періодъ есть тотъ, въ которомъ придаточное предложеніе, содержащее какое нибудь условіе, соединяется съ главнымъ союзами: *если, когда,* и отвѣтствующими: *то, тогда.* Подъ *условіемъ* разумѣется такая истина, отъ которой зависитъ справедливость и существованіе упоминаемой въ предложеніи истины, которую если отвергнуть, или утвердить: то и самое предложеніе отвергается, или утверждается; напр:

„Ты хочешь быть Авторомъ: читай исторію нещастій рода человѣческаго — и если сердце твое не обольется кровію, оставь перо, — или оно изобразитъ намъ „хладную мрачность души твоей.—Но если „всему горестному, всему угнетенному открытъ путь въ чувствительную грудь „твою; если душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*: тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ; онѣ пройдутъ „мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ „твою смиренную хижину; ты не будешь „безполезнымъ писателемъ.“

Карамзинъ.

Примѣчаніе 1-е. Иногда условное предложеніе ставится послѣ главнаго; тогда частица *то* опускается; наприм. „Автору „нужно имѣть доброе и нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ ду-

„ши нашей; если хочетъ, чтобъ дарованія „его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; если хо-„четъ писать для вѣчности и собирать бла-„гословенія народовъ. — Творецъ всегда изо-„бражается въ твореніи, и часто противъ „воли своей.

Карамзинъ.

Или:

„Умнаго человѣка легко извинить можно́, „если онъ какого нибудь качества ума и не „имѣетъ.—Честному человѣку ни какъ нельзя „простить, если недостаетъ въ немъ какого „нибудь качества сердца."

Фонъ-Визинъ.

Примѣчаніе 2-е. Условный періодъ получитъ прекрасный оборотъ, если обѣ частицы опустятся, а глаголъ поставится въ наклоненіи повелительномъ. Напримѣръ:

„Послѣдуй природѣ, никогда небудешь бѣ-„денъ. — Послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, ни-„когда богатъ небудешь.

Фонъ-Визинъ.

§ 59. *Послѣдовательный* періодъ содержитъ мысль, означающую предыдущее, или послѣдующее обстоятельство, относящееся къ главному предложенію, и соединяется союзами: *когда, тогда.*—Сей періодъ употребляется въ историческихъ происшествіяхъ, гдѣ одно событіе бываетъ причиною другаго; напр:

„Когда Смоленскій Князь,
„Противу дерзости искусствомъ воружась,
„Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
„И на погибель имъ Москву оставилъ:
„Тогда всѣ жители, и малый и большой,
„Часа не тратя, собралися,
„И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
„Какъ изъ улья пчелиный рой.

Крыловъ.

§ 60. *Относительный* періодъ есть тотъ, въ которомъ первая часть содержитъ распространеніе подлежащаго, а вторая размноженіе сказуемаго, соединяясь рѣченіями: *кто, тотъ, чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе*; напр:

„Тобой, Религія святая,
„Кто истинно одушевленъ;
„Тотъ, смерть безъ страха презирая,
„Всегда спокоенъ и блаженъ.

Или:

„Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою;
„Тотъ радость и любовь найдетъ во всѣхъ странахъ.

§ 61. *Соединительный* періодъ содержитъ придаточное, заключающее важнѣйшую мысль, и соединяющееся съ главнымъ частицами: *нетолько, но и*; напр: „Нетолько милліоны по„гибаютъ; нетолько города и села изчезаютъ „въ пламени; нетолько благословенныя и цвѣ„тущія страны въ горестныя пустыни пре„вращаются; сего не довольно: я вижу еще

„другое, гораздо ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.“

Карамзинъ.

§ 62. *Изъяснительный* періодъ бываетъ тогда, когда въ придаточныхъ предложеніяхъ подробнѣе изъясняется то, что сказано въ главномъ предложеніи; или приводятся мысли въ высшей степени значенія, съ частицами: *такъ что, столько что*; напр: „Общежитіе, пробуждая, или ускоряя дѣйствіе разума „соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, рождаетъ не только законы и „правленіе, но и самую вѣру, столь необходи„мую для гражданскихъ обществъ, такъ что „мы ни въ мірѣ, ни въ исторіи не находимъ народа, совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ.“

Карамзинъ.

Можно ли измѣнять форму сложныхъ періодовъ?

§ 63. Сложные періоды, не перемѣняя своей сущности, могутъ перемѣниться въ формѣ; напр: слѣдующій *относительный* періодъ можетъ принять форму *условнаго* и *винословнаго*: „Кто имѣетъ чистую и спокойную со„вѣсть; тотъ не страшится смерти. — „Смерть для насъ нестрашна, если совѣсть „наша чиста и спокойна. — Добродѣтельный „не страшится смерти; ибо совѣсть его чис„та и спокойна.“ — Изъ сихъ примѣровъ видно, что сочинитель можетъ давать періоду оборотъ, какой найдетъ лучшимъ и приличнѣйшимъ рѣчи.

Смѣшенный періодъ.

§ 64. Ежели въ составъ сложнаго періода входятъ придаточныя предложенія разнаго содержанія; то члены его связываются разнородными частицами; и такой періодъ называется *смѣшеннымъ*; напр: „Нѣтъ! если „угодно Небу; то мы падемъ съ мечемъ въ „рукахъ предъ Княземъ Московскимъ: ибо од„на кровь течетъ въ жилахъ нашихъ. — Русскій можетъ покориться Русскому; но чужеземцу никогда! никогда!

Карамзинъ.

Въ сочиненіяхъ по большей части встрѣчаются періоды *смѣшенные*. — Но писатель долженъ наблюдать великую осторожность, дабы не увеличить періода накопленіемъ многихъ придаточныхъ разнаго содержанія предложеній. — Множество соединительныхъ частицъ затемняетъ смыслъ рѣчи.

Должно ли всегда писать круглыми періодами, и какой слогъ въ нихъ наблюдается?

§ 65. Періодъ долженъ имѣть *надлежащую величину*, которую мысленно обнять можно однимъ взглядомъ. — Трудно читателю, еще труднѣе слушателю, совокупить въ умѣ своемъ, въ одно цѣлое, всѣ члены огромнаго періода, изъ которыхъ въ каждомъ заключается особенный смыслъ. — Цицеронъ даетъ слѣдующій совѣтъ: *не всегда должно писать круглыми періодами; часто нужно раздѣлять ихъ на многіе отдѣльные періоды.*—Относительно величины періодовъ слогъ оныхъ бываетъ *отрывистый* и *періодическій*. — Отрывистый слогъ состоитъ или изъ

простыхъ отдѣльныхъ предложеній, независимыхъ другъ отъ друга, или изъ сложныхъ, которыя имѣютъ свои отдѣльные члены, заключающіе въ себѣ особенный смыслъ. — Сей слогъ придаетъ мыслямъ и выраженію быстроту и живость; напр: Утро не пробудило „пастыря къ стаду своему. — Солнце не взошло для дѣлъ званія его. — Дни уклонились отъ „пастыря на вѣки. — За вечеромъ жизни наступила безпредѣльная нощь. — Гдѣжъ Спаситель, — Который говорилъ: иду и возбужду его. Нѣтъ! послѣдняя уже труба, воскрешающая мертвыхъ, возбудитъ его. — Спаситель недавно глашалъ пастыря по имени; „— пастырь, услышавъ гласъ Господа своего, поспѣшилъ къ нему."

Леванда.

Примѣчаніе. — Писатели обыкновенно наблюдаютъ средину между слогомъ отрывистымъ и періодическимъ, и составляютъ періоды ни слишкомъ длинные, ни слишкомъ короткіе. — Прекрасные примѣры такого слога можно видѣть въ началѣ описанія Государствованія В. К. Іоанна Васильевича III и въ другихъ мѣстахъ *Исторіи Карамзина.*

Отдѣленіе 3-е.

Принадлежности хорошаго періода.

§ 66. Хорошій періодъ долженъ имѣть при необходимыя качества: a) *Единство,* b) *Силу* и c) *Гармонію.*

1) *Единство.*

§ 67. *Единство* должно быть наблюдаемо во всякомъ сочиненіи, въ цѣломъ и частяхъ. Но какъ періодъ есть отдѣльная часть рѣчи, имѣющая свой полный смыслъ; то *единство* въ немъ и строго наблюдается — Оно состоитъ въ томъ, чтобѣ періодъ заключалъ въ себѣ одно главное предложеніе; придаточныя же, служащія къ распространенію, изъясненію и доказательству главнаго, должны быть соединены между собою такъ, чтобъ составляли одно цѣлое. — Предложенія, имѣющія слабую связь съ главною мыслію, суть лишнія. — Если выбирать одну изъ двухъ крайностей; то лучше писать слогомъ отрывистымъ, нежели составлять большіе періоды, обремененные множествомъ членовъ. Вотъ примѣръ періода, въ которомъ со всѣмъ нѣтъ *единства*: —

„Походъ Александра Великаго былъ „чрезъ землю необработанную, населенную „дикими обитателями, живущими въ крайней „бѣдности, которыхъ все имущество состояло „изъ немногихъ стадъ тощихъ овецъ, ко-

„ихъ мясо было непріятнаго запаху и дурнаго „вкуса, отъ того, что онѣ питались соляными травами, растущими въ изобиліи на берегахъ морскихъ.“

2) *Сила.*

§ 68. *Сила* періода состоитъ въ краткости и полнотѣ выраженія. — Соединеніе сихъ двухъ качествъ даетъ періоду вѣсъ и достоинство.—Краткость состоитъ не въ томъ, чтобъ сказать мало, но чтобъ не сказать ничего лишняго; а полнота не въ томъ, чтобъ выражаться многими словами, но чтобъ употреблять столько словъ, сколько нужно для яснаго изложенія мысли.—Каждое слово должно представлять новую идею; каждый членъ—новую мысль.

Первое условіе для соблюденія силы періода.

§ 69. Для соблюденія *силы* періода: а) *Не должно повторять въ одномъ періодѣ иными словами сказанное однажды.* Самымъ разительнымъ примѣромъ пустословія можетъ служить начало одной басни Сумарокова:

„Былъ отрокъ, да была отроковица,
„А просто молодецъ, да дѣвка, иль дѣвица;
„Дѣтина былъ ей братъ, она ему сестрица;
„Она была прекрасна, да тупа,
„А попросту глупа,
„А тотъ былъ дуренъ, да не тупъ,
„А попросту не глупъ.“ . . . .

Отсюда должно исключить случай, когда писатель выражаетъ мысль Синонимами,

располагая по степени ихъ силы, начиная съ слабѣйшаго слова. — Такія выраженія находимъ мы у Цицерона въ рѣчи его противъ Катилины: *Не снесу, не стерплю, не попущу* — (*Non ferat, non patiar, non sinat*); или: *abiit, excessit, evasit, erupit.*

Второе условіе.

§ 70. *b*) *Не должно повторять часто одного слова,* изключая тѣ случаи, когда такое повтореніе дѣлается съ намѣреніемъ, дабы обратить на него особенное вниманіе читателя.

Одно слово повторяется иногда въ томъ же предложеніи два, или три раза сряду; на прим: „*Вадимъ, Вадимъ*! здѣсь лилась священная кровь твоя.“—Такое повтореніе составляетъ грамматическую фигуру, называемую *Усугубленіемъ.*

Или:

„А бѣдная Вѣтрана
„Блѣдна, безгласна, бездыханна,
„Стремглавъ *летитъ, летитъ, летитъ.* —
„И гдѣжъ, вы мыслите, упала?
„Средь страшныхъ, Муромскихъ лѣсовъ,
„Жилища вѣдьмъ, волковъ. . . .

Дмитріевъ.

Иногда въ началѣ нѣсколькихъ предложеній сряду, что и составляетъ грамматическую фигуру: *Единоначатіе.*

„О Пріамъ! ты предъ Ахилломъ
„*Здѣсь* во прахъ главу склонялъ,
„*Здѣсь* молилъ о сынѣ миломъ,

„*Здѣсь* несчастный ты лобзалъ
„Руку, слезъ твоихъ причину. . . .

Жуковскій.

Иногда слово повторяется въ концѣ нѣсколькихъ предложеній, или предложеніе въ концѣ нѣсколькихъ сряду періодовъ; такой оборотъ словъ называется *Единозаключеніе.*

„Время быстрою стрѣлой летитъ;
„Часъ проходитъ за минутами,
„И за утромъ полдень слѣдуетъ;
„*Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.*

* * *

„Солнце къ западу склоняется,
„И, съ зеирною прохладою,
„Вечеръ сходитъ съ неба яснаго
„На луга и поле чистое;
„*Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.*

* * *

„Ночь на облакѣ спускается,
„И густые тьмы покровами
„Одѣваютъ землю тихую;
„Слышно ручейковъ журчаніе,
„Слышно эхо отдаленное,
„И въ кусточкахъ соловей поетъ;
„*Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ. . . .*

Карамзинъ.

Иногда тѣмъ словомъ, которымъ кончился періодъ, начинается слѣдующій; (фиг: *Возвращеніе*); напр: Благополучна Россія, что „*единымъ* языкомъ, *едину* вѣру исповѣдуетъ, „и Единою Самодержицею благочестивѣйшею

„управляема, великій примѣръ въ православі
„видитъ.“

Ломоносовъ.

Иногда въ разныхъ грамматическихъ окон-
чаніяхъ, (грамат: фигура *Наклоненіе*) напр:

„Калигула! твой конь въ Сенатѣ
„Не могъ *сіять, сіяя* въ златѣ:
„*Сіяютъ* добрыя дѣла.

Державинъ.

Третіе условіе.

§ 71. c) Наблюдая краткость періода, *не должно прѣпускать словъ, необходимо нужныхъ для совершеннаго и полнаго выраженія мыслей*: иначе можетъ произойти темнота. — Горацій говоритъ: *brevis esse laboro, obscurus fio*. Но есть случаи, когда опущеніе слова, нужнаго для составленія логическаго смысла, дѣлается съ намѣреніемъ; такое опущеніе слова извѣстно подъ именемъ грамматической фигуры: *Удержаніе* (ellipsis).

Какъ на примѣръ:

„Пружина — секретарь, а стрѣлка между
намп. . .
„Но . . . . вы умны; узнайте сами.

Дмитріевъ.

Или:

„Мы селы—въ пепелъ, грады—въ прахъ,
„Въ мечи — серпы и плуги.

Равномѣрно употребленіе лишнихъ словъ можетъ быть причиною темноты; напр: *много прошло времени между послѣднею нашею разлукою и теперешнимъ нашимъ свиданіемъ.* Весь этотъ пустой наборъ словъ мож-

но замѣнить простымъ выраженіемъ: *Давно я съ вами невидался.* — Обыкновенно молодые писатели бываютъ расточительны на слова, забывъ, что краткость выраженія есть плодъ обдуманности и многаго размышленія. — Соединеніе краткости съ полнотою есть великое искусство писателя.

3) *Гармонія.*

§ 72. Единство и сила въ періодахъ удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ уму, а *Гармонія,* или *благозвучіе,* доставляетъ удовольствіе слуху. — Хотя она и внѣшнее украшеніе рѣчи; но первая обращаетъ на себя вниманіе. Прежде нежели умъ обнимаетъ мысль, слухъ нашъ поражается звуками рѣчи. — Гармонія Слога бываетъ двухъ родовъ: одна заключается въ *звукахъ слоговъ* и *словъ*; другая въ *предложеніяхъ* и *періодахъ.* — Въ хорошемъ писателѣ слова въ самыхъ тонахъ своихъ составляютъ отголосокъ мыслей, и имѣютъ нѣкоторое сходство съ предметами, которые они представляютъ. — Гласныя буквы придаютъ рѣчи нѣжность и плавность, а согласныя выразительность и твердость; на прим.

„Тутъ соловей являть свое искусство сталъ,
„Защелкалъ, засвисталъ,
„На тысячу ладовъ тянулъ, переливался;
„То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
„И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался;
„То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.“

Крыловъ.

*

Условія для сохраненія гармоніи.

§ 73. Для соблюденія *Гармоніи* должно избѣгать: 1) стеченія однѣхъ согласныхъ буквъ; 2) многихъ гласныхъ; напр: *изъ названія ея явствуетъ*; — эта погрѣшность называется *hiatus* т. е. *зѣваніе*, потому что гласныя буквы произносятся открытымъ ртомъ; 3) частаго повторенія одной буквы; напр: *ищущій счастія въ почестяхъ*; 4) повторенія одного слога въ началѣ нѣсколькихъ словъ сряду; напр: *достигаютъ достоинства деньгами*; 5) стеченія словъ односложныхъ; напр: *Богъ въ шесть дней весь міръ сей сотворилъ*; и 6) Стеченія словъ многосложныхъ; напр: *Божественная премудрость Зиждителя вселенныя*.—Такая рѣчь дѣлается растянутою, тяжелою, вялою.

Ораторскій размѣръ.

§ 74. Кромѣ подражательной Гармоніи, которая звуками можетъ изображать самые предметы въ природѣ (о чемъ говорится въ Піитикѣ), есть другой родъ Гармоніи, важнѣе первой.—Она состоитъ въ соразмѣрномъ строеніи предложеній, или періодовъ, въ искуственномъ расположеніи вставочныхъ предложеній, въ пріятности и полнотѣ членовъ періода.— Такое гармоническое строеніе періода Риторы называютъ *ораторскимъ размѣромъ*. — Самое названіе сего размѣра ораторскимъ (*numerus oratorius*) показываетъ, что онъ принадлежитъ собственно Рѣчамъ; но и всякая проза должна имѣть благозвучность, плавность и гладкость. — Сіе достоинство слога пріоб-

рѣтается не столько изученіемъ правилъ, какъ чтеніемъ образцовыхъ авторовъ и навыкомъ писать. — Не мало къ сему способствуетъ и произношеніе наизустъ лучшихъ мѣстъ изъ стихотворцевъ; ибо заблаговременно пріучаетъ слухъ къ стройности и благозвучію.

Отдѣленіе 4-е.

О тропахъ и фигурахъ.

§ 75. Каждая рѣчь періодическая и отрывистая, при ясности и вразумительности, должна отличаться красивостію и живостію. — Красоту же и живость получаетъ рѣчь преимущественно отъ такъ называемыхъ *Троповъ* и *фигуръ*.

А. *О тропахъ.*

§ 76. *Тропъ*, греческое слово, значащее *оборотъ*, есть остроумное употребленіе, вмѣсто собственнаго слова, другаго несобственнаго, столь же понятнаго, но болѣе выразительнаго. Опредѣленіе тропа.

§ 77. Причины произхожденія троповъ искать должно въ недостаткѣ словъ собственныхъ и ограниченности языка. Люди называли сперва одинъ предметъ свойственнымъ ему словомъ; потомъ стали давать его названіе и прочимъ предметамъ, имѣющимъ съ онымъ сходство, или другое нѣкоторое отношеніе. Произхожденіе троповъ въ рѣчи.

— Такимъ образомъ разумъ человѣческій для отвлеченныхъ понятій изобрѣлъ множество несобственныхъ словъ, заимствованныхъ отъ названія предметовъ чувственныхъ. — Отъ сего то и произошли выраженія: *цвѣтущая молодость*, *лучъ надежды*, *гласъ совѣсти* и проч. Сіи тропы, облекая, такъ сказать, отвлеченныя идеи въ видимый образъ, представляютъ мысль воображенію нашему ясно и живо.

§ 78. Должно отличать тропы, произшедшіе отъ ограниченности языка, отъ троповъ, вводимыхъ Писателями. — Сіи послѣдніе тропы составляютъ красоту и богатство слова, и могутъ быть общими для многихъ языковъ; между тѣмъ какъ первые не всегда можно переносить изъ чужаго языка въ свой буквально; напр: руское выраженіе: *снѣгъ идетъ*, нельзя перевести буквально на французскій языкъ: *la neige va.* — Если же и входятъ въ нашъ языкъ иностранные тропы; то по той же причинѣ, по какой заимствуются и слова чужаго языка. — Такъ въ русскомъ языкѣ приняты французскіе тропы: *трогать сердце*, *смѣющаяся долина*. — Отъ различнаго представленія, какое дѣлаетъ въ умѣ своемъ каждый народъ о предметѣ, произошло и различіе тропическихъ выраженій; напр: низъ горы Римляне называли *radix montis*; Французы называютъ *le pied de la montagne*, а Руcскіе *подошвою*.

§ 79. Отъ троповъ становится рѣчь *новѣе и занимательнѣе.* Частое употребленіе общихъ словъ дѣлаетъ ихъ столь обыкновенными, что умъ нашъ, привыкшій къ нимъ, мало поражается; но тропы, представляя извѣстную мысль въ новомъ видѣ, обращаютъ на нее наше вниманіе и приносятъ новое удовольствіе; напр: *Солнце появляется изъ за холма* — вотъ простое выраженіе мысли; но какое достоинство получаетъ оная въ слѣдующихъ стихахъ Боброва:

Дѣйствія троповъ въ рѣчи: 1) новость.

„Се злато-пламенно чело,
„Чело великаго Царя
„Подъемлется изъ за холма.“

Или слѣдующая самая обыкновенная мысль: *всѣ люди подвержены смерти*, какое получаетъ разнообразіе у различныхъ поэтовъ; на прим. у Горація: *Pallida mors aequo pede pulsat pauperûm tabernas regumque turres.*

Или у *Державина*:

„И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ,
„Глядитъ на всѣхъ, и на Царей,
„Въ державу коимъ тѣсны міры;
„Глядитъ на пышныхъ богачей,
„Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
„Глядитъ на прелесть и красы;
„Глядитъ на разумъ возвышенный;
„Глядитъ на силы дерзновенны,
„И точитъ лезвее косы.

У Ломоносова:

„Тамъ кони бурными ногами
„Взвѣваютъ къ небу прахъ густой;

„Тамъ смерть межъ Готѳскими полками
„Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй;
„И алчну челюсть отверзаетъ,
„И хладны руки простираетъ,
„Ихъ гордый исторгая духъ;
„Тамъ тысячи валятся вдругъ. . . .

У Крылова:

„Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
„Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.

2) Сила. § 80. Тропы придаютъ особенную *силу* и убѣдительность рѣчи. Вотъ примѣръ сильнаго тропическаго слога:

„Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
„Что море въ ярости своей
„Съ предѣлами небесъ сражалось,
„Земля стонала отъ зыбей;
„Что вихри въ вихри ударялись,
„И тучи съ тучами спирались,
„И устремлялся громъ на громъ;
„И что надуты водъ громады
„Текли покрыть пространны грады,
„Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Ломоносовъ.

3) Разнообразіе. § 81. Отъ троповъ рѣчь становится *разнообразнѣе*. Для примѣра, какъ одна и таже рѣчь, по различнымъ, приписываемымъ ей принадлежностямъ, принимаетъ разные виды, возмемъ слѣдующее предложеніе: *Уже наступаетъ день.*

У Ломоносова:

„Уже прекрасное светило
„Простерло блескъ свой по землѣ. . .

У него же:

„Заря багряною рукою
„Отъ утренныхъ спокойныхъ водъ
„Выводитъ солнце за собою. . . .

У него же:

„И се! уже рукой багряной
„Врата отверзла въ міръ заря;
„Отъ ризы сыплетъ блескъ румяной
„Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря;
„Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
„Предъ свѣтлымъ днемъ и въ тверди
скрыться. . . .

У Державина:

„Предшественница дня златаго,
„Весення утрення заря,
„Когда изъ понта голубаго
„Ведетъ къ намъ звѣзднаго Царя . . .

§ 82. Тропы даютъ слогу большую *ясность*, представляя отвлеченные предметы въ чувственномъ образѣ и живо рисуя ихъ. Такъ *Жуковскій*, описывая бѣдствія Франціи во время Бонапарте, говоритъ: 4) Ясность.

„Оратай, на бразды склоняя взоръ унылый,
„Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
„Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ,
„И мздой свою постель страданье выкупало;
„И безпощадною косою подсѣкало
„Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей.
„Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,

„Считало годы ихъ кровавыми перстами;
„Сыны въ дому отцевъ минутными гостями
„Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ,
„И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ.

Изчисленіе троповъ.

§ 83. Къ употребительнымъ тропамъ въ рѣчи относятся: *Метафора*, *Метонимія*, *Синекдоха*, *Иперболa* и *Иронія*.

Метафора.

§ 84. *Метафора* (перенесеніе) основана на сходствѣ двухъ предметовъ, и есть сокращенное подобіе; на прим. *цвѣтущая юность, мрачная горесть.* Ничто столь пріятно не занимаетъ воображенія, какъ сіе сравненіе предметовъ сходныхъ: оно доставляетъ разуму легкое упражненіе; и потому не должно удивляться, что всѣ языки изобилуютъ множествомъ Метафоръ.

Условія при употребленіи Метафоръ.

§ 85. Метафоры должны быть сообразны съ свойствомъ описываемыхъ предметовъ и съ существомъ мыслей. А потому не должно занимать Метафоръ: во 1-хъ) отъ предметовъ низкихъ; какъ, на примѣръ, выразился Сумароковъ: *Борей мой дуетъ, Борей мой плюетъ*; во 2-хъ) отъ предметовъ, не многимъ извѣстныхъ; и въ 3-хъ) худо соединять двѣ различныя Метафоры въ одномъ предметѣ; какъ на прим. у Шекспира: *вооружаться противъ моря горестей.*—Такое противоестественное смѣшеніе Метафоръ совершенно разстроиваетъ воображеніе.—Или у Дмитріева:

„А слава грозна Ермака
„И чадъ его во вѣкъ не *вянетъ*,
„И будетъ подъ луной громка. . . :

Что вянетъ, то не можетъ быть громкимъ; что громко, то не увядаетъ; вянетъ цвѣтущее, а громкое тихнетъ, умолкаетъ.

§ 86. Собраніе многихъ Метафоръ, естественно и взаимно между собою соединенныхъ, составляетъ *Аллегорію* (иносказаніе); на прим: Аллегорія.

„Упалъ—и пресмыкаюсь низко;
„Но былъ и я отъ солнца близко;
„Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
„Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
„Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
„Что многимъ очень студено.

Долгорукій.

Примѣчаніе. Къ Аллегоріямъ относятся также басни, притчи, пословицы, загадки и всякаго рода вымыслы. — Греческая и Римская Миѳологія нечто иное, какъ Аллегорія.

§ 87. *Метонимія* (переименованіе) есть такой тропъ, въ которомъ причины вмѣсто дѣйствій, и дѣйствія вмѣсто причинъ полагаются. — Почему въ Метонимія берутся: во 1-хъ) причина вмѣсто дѣйствія; на прим. *живетъ трудами*, вмѣсто *деньгами за труды*; во 2-хъ) причина дѣйствующая вмѣсто произведенія. Такъ Державинъ говоритъ въ Фелицѣ: Метонимія.

„Не дорожа своимъ покоемъ,
„Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
„И всѣмъ изъ твоего *пера*
„Блаженство смертнымъ проливаешь!

Въ 3-хъ) Содержащее вмѣсто содержимаго; на прим.

„*Москва* въ плѣну, *Москва* уныла
„Какъ мрачная осення ночь.

Въ 4-хъ) Знакъ вмѣсто значимаго; на примѣръ:

„О Россъ! твоя лишь добродѣтель
„Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель;
„Лишь твой *Орелъ луну затмилъ*."

Въ 5-хъ) Свойства вмѣсто предметовъ и лицъ, которымъ они принадлежатъ; на прим.

„Уже румяна *осень* носитъ
„Снопы златые на гумно,
„И *роскошь* винограду проситъ
„Рукою жадной на вино."

Державинъ.

Синекдоха. § 88. *Синекдоха* (уразумѣніе, comprehensio) есть тропъ, которымъ даютъ разумѣть болѣе, или менѣе того, что означаетъ сказанное слово въ собственномъ смыслѣ. — А потому въ Синекдохѣ рѣченіе переносится отъ бо́льшаго къ меньшему, и на оборотъ.—Сіе бываетъ; во 1-хъ) когда цѣлое берется вмѣсто части, и на оборотъ; на примѣръ:

„Нерукотворная здѣсь Росская *гора*,
„Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,

„Пришла во градъ Петровъ чрезъ невскія
пучины,
„И пала подъ *стопы* Великаго Петра.“
Рубанъ.

Во 2-хъ) Родъ вмѣсто вида, и на оборотъ; на примѣръ:

„ Не мнитъ лишь *смертный* умирать;
„Но быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ.“ . . .
Державинъ.

Или:

„Мой *мечъ* союзникъ мнѣ.“
Озеровъ.

Въ 3-хъ) Число единственное вмѣсто множественнаго; на примѣръ:

„*О Россъ! о родъ* великодушный!
„О твердокаменная грудь!
„*О исполинъ*, Царю послушный,
„Когда, и гдѣ ты достигнуть
„Не могъ тебя достойной славы.“
Державинъ.

Въ 4-хъ) Число опредѣленное вмѣсто неопредѣленнаго, и на оборотъ; на прим.

„Тамъ *тысячи* валятся вдругъ.“
Ломоносовъ.

Въ 5-хъ) Имя собственное вмѣсто общаго, и на оборотъ; на прим.

„Мужайтесь Росски *Ахиллесы*,
„Богини сѣверной сыны.“
Дмитріевъ.

§ 89. *Ипербола*, состоитъ въ чрезвычайномъ увеличеніи, или уменьшеніи изображае- Ипербола.

маго предмета. — Тропъ сей есть произведеніе сильнаго порыва страстей и фантазіи.— Языки народовъ восточныхъ и дикихъ обильнѣе Иперболами.—По мѣрѣ совершенствованія языка, Иперболы выходятъ изъ употребленія. — Частое употребленіе Иперболъ, какъ и другихъ троповъ, въ ежедневномъ разговорѣ, дѣлаетъ ихъ непримѣтными; на прим. *рука, какъ ледъ холодная*; *громъ пушекъ оглушилъ меня*; *всѣ померли со смѣху* и проч. — Наши привѣтствія и учтивости всѣ иперболическія: *съ глубочайшимъ почтеніемъ и неограниченною преданностію* имѣю честь пребыть и проч. и проч. . . . Сіи и подобныя симъ Иперболы, потерявшія свою силу, не могутъ служить украшеніемъ слога. — Но если онѣ имѣютъ нѣчто новое, поразительное; тогда пріятнымъ образомъ занимаютъ наше воображеніе; какъ на прим. „*Ступитъ на горы—горы трещатъ*; „*Ляжетъ на море—бездны кипятъ*"; — или: *Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ!*" или:

„Пошелъ—и гдѣ тристаны злобы?
„Чему коснулся, все сразилъ;
„Поля и грады стали гробы,
„Шагнулъ и—царство покорилъ.

Гдѣ приличнѣе употребляются Иперболы?

§ 90. Иперболы могутъ быть употребляемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда самый предметъ воспламеняетъ воображеніе и внушаетъ языкъ страстей; на прим. въ опи-

саніи землетрясенія, бури, или сраженій, всякая Ипербола будетъ кстати. — Но въ слѣдующихъ стихахъ она совсѣмъ не прилична: „Душа Ея *зефира тише*", И зракъ *прекраснѣе рая*. Сія Ипербола тѣмъ хуже, что Ломоносовъ, похваливъ сперва душу Императрицы Елисаветы, хвалитъ потомъ красоту лица Ея; это языкъ лести, не приличный высокой Поэзіи.

Примѣчаніе. Иперболы иногда умягчаются реченіями: *будтобы, едва не, кажется, почти* и т. п. на примѣръ:

„И тотъ, на коего съ трудомъ
взирали очи,
„Кто ада и небесъ *едва не* досягалъ,
„Упалъ.

§ 91. *Иронія* основывается на противоположности двухъ предметовъ, которымъ дается одно названіе; на прим. Ювеналъ говоритъ о Египтянахъ: „*Сколь святы тѣ народы* „*У коихъ полны всѣ богами огороды.*" — Иронія, по большей части, употребляется въ сатирическихъ и комическихъ сочиненіяхъ и возбуждаетъ смѣхъ; но она встрѣчается и въ важныхъ, хотя гораздо рѣже. Въ трагедіи Озерова, *Старнъ* говоритъ *Фингалу*: Иронія.

„Во храмѣ принеся моленіе обычно,
„Устрою празднество, Фингалъ, тебѣ
прилично.

§ 92. Къ Ироніи относятся: 1) *Сарказмъ*, острая, язвительная насмѣшка; на прим.

„Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю;
„Но, къ моему ты горю,
„Пути не знаешь къ морю.“

2) *Астеизмъ* замысловатая и учтивая насмѣшка. Въ баснѣ Львова, Мартышка, обойденная при производствѣ въ чины, говоритъ:

„Лисицу черезъ чинъ судьею посадили въ
курятникѣ рядить;
„Случилось же судью *такъ кстати* посадить.

3) *Харіентизмъ* — забавная, пріятная шутка; на примѣръ:

„Дамонъ нашъ фабулистъ примѣрный:
„Нѣтъ въ басняхъ у него искусства, пышныхъ словъ;
„А сколько простоты! вотъ въ нихъ-то совершенный
„Языкъ скотовъ.

А. *Измайловъ*.

В. *О фигурахъ риторическихъ*.

Опредѣленіе и раздѣленіе фигуръ.

§ 93. *Фигуры* суть особенные обороты языка, придающіе слогу живость и выразительность. — Онѣ раздѣляются на грамматическія и риторическія. — Первыя состоятъ въ повтореніи и недостаткѣ словъ. (*).

(*) Примѣры грамматическихъ фигуръ можно видѣть выше въ §§ 70 и 71.

Фигуры риторическія раздѣляются на фигуры *разума*, *воображенія* и *страстей*.

§ 94. Фигуры, служащія къ убѣдительному изложенію мыслей: a) *Занятіе* (occupatio) состоитъ въ томъ, когда сочинитель дѣлаетъ себѣ нѣсколько вопросовъ и самъ на нихъ отвѣчаетъ; на примѣръ: Фигуры разума.

„Что наша жизнь? игра страстей;
„Что смерть? предѣлъ мученій.

b) *Уступленіе* (concessio) есть такая фигура, въ которой признается справедливость какой либо противной мысли, чтобъ тѣмъ сильнѣе доказать справедливость другой важнѣйшей; на примѣръ:

„Друзья! уже могущихъ нѣтъ,
„Ужъ нѣтъ вождей побѣды:
„Ихъ домы вихорь разметалъ,
„Ихъ гробы срыли плуги,
„И пламень ржавчины пожралъ
„Ихъ шлемы и кольчуги:
„Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ;
„Ихъ поприще предъ нами;
„Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
„Съ ихъ славными дѣлами.

Жуковскій.

c) *Наращеніе* (incrementum) состоитъ въ постепенномъ переходѣ отъ одной мысли къ другой и притомъ гораздо важнѣйшей; на примѣръ:

„Но огненны сіи лампады,
„Иль рдяныхъ кристалей громады,

„Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ;
„Или горящіе эѳиры,
„Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры, —
„Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

d) *Опредѣленіе* (definitio) есть подробное изчисленіе свойствъ, принадлежащихъ какимъ либо лицамъ, или вещамъ; такъ Державинъ опредѣляетъ Вельможу:

„Вельможу должны составлять
„Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
„Собой примѣръ онъ долженъ дать,
„Что званіе его священно;
„Что онъ орудье власти есть,
„Всѣхъ Царственныхъ подпора зданій;
„Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
„Должны быть польза, слава, честь."

e) *Поправленіе* (Epanorthosis) состоитъ въ томъ, когда сочинитель, думая, что сказалъ мало, дополняетъ сказанное сильнѣйшимъ выраженіемъ; на примѣръ:

„Да увѣнчаютъ Россіяне
„Изъ злата вылитый твой зракъ,
„Изъ ребръ Сибири источенна
„Твоимъ булатнымъ копіемъ!
„Но что я рекъ? О тѣнь забвенна!
„Что рекъ въ усердіи моемъ?
„Гдѣ обелискъ твой? мы не знаемъ;
„Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ?

Дмитріевъ.

Фигуры воображенія.

§ 95. Фигуры воображенія, или служащія къ красотѣ и пріятности слога, суть:

a) *Противуположеніе* (antithesis) есть сношеніе противныхъ обстоятельствъ, или мыслей; на примѣръ:

„Смерть, трепетъ естества и страхъ;
„Мы — гордость съ бѣдностью совмѣстна;
„Сего дня Богъ — а завтра прахъ;
„Сего дня льститъ надежда лестна.
„А завтра, гдѣ ты человѣкъ?
— — — — — — — — — — —
„Утѣхи, радость и любовь
„Гдѣ купно съ здравіемъ блистали;
„У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
„И духъ мятется отъ печали.
„Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ;
„Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
„Надгробные тамъ воютъ клики,
„И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Державинъ.

b) *Раздѣленіе* (distributio) есть исчисленіе частей какого либо цѣлаго, или видовъ рода; на примѣръ:

„Речешь—и двигнется полсвѣта,
„Различный образъ и языкъ,
„Тавридецъ, чтитель Магомета,
„Поклонникъ идоловъ — Калмыкъ,
„Башкирецъ—съ мѣткими стрѣлами,
„Съ булатной саблею Черкесъ,
„Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами,
„И прахъ подымутъ до небесъ.“

Дмитріевъ.

c) *Сравненіе* (comparatio, vel collatio) есть продолжительное сличеніе по дѣйствіямъ, или

качествамъ, сходныхъ между собою лицъ, или вещей; на примѣръ:

„Песчинка, какъ въ морскихъ волнахъ,
„Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
„Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
„Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
„Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
„Теряюсь, мысльми утомленъ."

Ломоносовъ.

Фигуры страстей.

§ 96. Фигуры, служащія къ возбужденію страстей:

а) *Сокращеніе* (contractio) состоитъ въ томъ, когда рѣчь прерывается прежде окончанія смысла, и полагается другая неожиданная мысль; на примѣръ:

„Ты дхнешь — и двигнешь океаны,
„Речешь — и вспять они текутъ;
„А мы, одной волной подъяты,
„Одной волной поглощены."

b) *Восклицаніе* (exclamatio) состоитъ въ томъ, когда сочинитель, говоря о чемъ нибудь, останавливается, и оканчиваетъ рѣчь свою мыслію, возбуждающею удивленіе; такъ Псалмопѣвецъ Давидъ, описывая всемогущество и премудрость Творца, восклицаетъ: „Дивна „дѣла Твоя, Господи! вся премудростію со„творилъ еси!"

с) *Вопрошеніе* (interrogatio) состоитъ въ томъ, когда сочинитель, для большаго возбуж-

денія вниманія въ слушателяхъ, предлагаетъ рѣчь свою въ видѣ вопроса; на примѣръ:

Quousque tandem abutère, Catilina, patientia nostra?

Или

„Гдѣ пунктъ начатія вселенны?
„Что́ въ солнцѣ огнь питаетъ твой?
„Чѣмъ звѣзды въ тверди утверждены?
„И что вращаетъ шаръ земной?
„Откуда сонмы водъ пустились,
„И вкругъ земли соединились
„Въ неизмѣримый океанъ?
„Что внѣ его? что внѣ эѳира?
„Кто въ тайнахъ сихъ, о Творче міра!
„Твоимъ участникомъ избранъ?"

Дмитріевъ.

d) *Сомнѣніе* (dubitatio) состоитъ въ томъ, когда сочинитель останавливается и изображаетъ недоумѣніе на что́ рѣшиться, что́ предпринять должно. Такъ Эдипъ Антигонѣ говоритъ:

„Не смѣетъ? — Ты молчишь! какое подозрѣнье
„Рождаешь ты во мнѣ! весь духъ смущаешь мой!
„Не смѣетъ? кто же онъ?—не братъ ли злобный твой?
„Не онъ ли грусть влачитъ себѣ въ достойной долѣ.
„Пускай груститъ . . . Къ нему не сострадаю болѣ! . . .
„Чтобъ онъ не приходилъ . . . Чтобъ онъ бѣжалъ, и съ нимъ. . . .
„Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ." . .

Озеровъ.

e) *Видѣніе*, или *изображеніе* (hipothyposis) есть такая фигура, въ которой изображается отсутствующая, или вымышленная вещь такъ живо, какъ бы видѣли ее глазами. Стихотворенія Державина особенно изобильны такими изображеніями. Сей поэтъ сближаетъ самые отдаленнѣйшіе предметы, одушевляетъ безжизненное, творитъ никогда не существовавшее; таково слѣдующее его олицетвореніе нѣкоторыхъ частей Россійской Державы:

„Богатая Сибирь, наклонывшись подъ столами,
„Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
„Восточный, Западный, сѣдые океаны
„Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
„Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
„Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь.
„Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
„Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
„Рифей нагнувшися въ топазны, аметистны
„Лиль кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ;
„И съ Дона сладкія и вкусны Крымски вина.
„Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ,
„Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
„Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
„Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ"
и т. д.

f) *Заимословіе* (prosopopeia) называется такая фигура, въ которой изображаются говорящими отсутствующія лица, умершіе, также бездушные предметы; на примѣръ:

„И въ пеплѣ мщенія свобода ожила;
„И, при сверканіи Кремлевскаго пожара,
„Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный; Кара,
„Пошла по трепетнымъ губителей полкамъ;
„И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
„Надъ ними жалобно завыла: горе, горе!
„И гладъ, при крикѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
„Свирѣпый бросился на ратныхъ и вождей."

Жуковскій.

g) *Желаніе* (votum) есть такая фигура, въ которой изображается сильное желаніе добра (optatio), или зла (exsecratio) кому либо; на примѣръ:

„Ахъ! еслибъ жизнь ея продлилась;
„Тогдабъ Секвана постыдилась
„Съ своимъ искусствомъ предъ Невой"!

Ломоносовъ.

Или

„Ступай во адъ душа и буди вѣчно плѣнна;
„Ахъ! еслибы со мной погибла вся вселенна."

Сумароковъ.

h) *Обращеніе* (apostrophe) есть такая фигура, въ которой сочинитель обращаетъ рѣчь свою къ лицамъ, или вещамъ бездушнымъ; на примѣръ:

„Но вы, мучители палатъ,
„Легкоязычные витіи!
„Вы, черни бѣдственной набатъ,

„Клеветники, враги Россіи!
„Что взяли вы? Еще ли Россъ,
„Большой измученный колоссъ?
„Еще ли сѣверная слава —
„Пустая притча, лживый сонъ?
„Скажите: скоро ль намъ Варшава
„Предпишетъ гордый свой законъ?

А. *Пушкинъ.*

і) *Предчувствіе* (sensatio) состоитъ въ томъ, когда изображается воображаемое счастіе, или злополучіе какого либо лица. Такъ выражаетъ Ахиллъ предчувствуемую свою кончину:

„И Ахиллъ не возвратится!
„Въ домѣ отчемъ пустота
„Скоро, скоро водворится!
„О Пелей! ты сирота!
„Пронесется буря брани —
„Ты Ахилла будешь ждать—
„И чертогъ свой въ новы ткани
„Для пріема убирать;
„Будешь съ берега уныло
„Ты смотрѣть—въ пустой дали
„Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
„Не плывутъ ли корабли?
„Корабли придутъ отъ Трои;
„Но меня ни на одномъ. . . .
„Тамъ, гдѣ бился герои,
„Буду спать я вѣчнымъ сномъ.

Жуковскій.

k) *Заклятіе* (sermocinatio) состоитъ въ томъ, когда сочинитель представляетъ кого

либо осужденнымъ на жесточайшія мученія, или бѣдствія.—Такъ Эдипъ заклинаетъ сына своего Полиника:

„Въ отечествѣ твоемъ не тронъ тебѣ готовъ;
„Десница мстящая тамъ ждетъ тебя Боговъ;
„Отъ Ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
„То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
„Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
„По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
„Безъ гроба будешь ты, тебя земля не приметъ,
„Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ и смрадъ его обыметъ;
„И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,
„И домы подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ;
„Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье —
„Я всѣхъ васъ чуждъ; мнѣ дочь семья и утѣшенье! . . . .

Озеровъ.

§ 97. *Замѣчаніе, относящееся къ общему употребленію фигуръ.* — Нѣтъ тамъ истины, говоритъ Квинтиліанъ, *гдѣ искусство выставляетъ себя.* Сіе правило въ особенности отнести можно къ фигурамъ, которыя должны проистекать изъ истиннаго своего источника—*воображенія* и *страсти.* Дабы фигуры въ рѣчи имѣли свое дѣйствіе, писатель самъ долженъ быть воспламененъ страстію и занятъ тѣмъ предметомъ, о которомъ говоритъ. А потому сочиненіе, въ которомъ нѣтъ души, нѣтъ чувства, хотя бы украшено было всѣми возможными фи-

гурами, никогда не будетъ занимательно ни для воображенія, ни для сердца.

Отдѣленіе 5-е.

Формы рѣчи.

Что разумѣютъ Риторы подъ Хріею?

§ 98. Если писатель соединяетъ съ однимъ періодомъ другой, съ другимъ третій и т. д. и составляетъ рѣчь, превышающую величиною своею многообразный періодъ; то соединеніе таковое разныхъ періодовъ въ связи и порядкѣ называлось у древнихъ Риторовъ *Хріею*. — Имя Хріи извѣстно въ однѣхъ только Риторикахъ.—Она не есть особенный родъ сочиненія, но, такъ сказать, образчикъ для всякаго сочиненія вообще, и служитъ переходомъ отъ періодовъ къ большимъ рѣчамъ.

Раздѣленіе Хріи.

§ 99. Способъ расположенія періодовъ въ Хріи можетъ быть двоякій: или полагается главное предложеніе въ *началѣ* Хріи, а потомъ доказывается, поясняется, разлагается на части; или оно поставляется въ *концѣ* Хріи, а сначала помѣщаются мысли, которыя служатъ доказательствомъ, или поясненіемъ слѣдующаго послѣ оныхъ главнаго предложенія.—Отъ сего двоякаго порядка соединенія періодовъ произошли два образца Хріи: *Прямая* и *Обращенная*.—То и другая

называется Хріею *полною*, если содержитъ всѣ части, образцами назначенныя; въ противномъ случаѣ именуется *не полною*.

§ 100. Прямая Хрія состоитъ изъ 7 частей: 1) *начала* или *приступа*, 2) *причины*, 3) *противнаго*, 4) *подобія*, 5) *примѣра*, 6) *свидѣтельства* и 7) *заключенія*, или повторенія главной мысли съ приложеніемъ и увѣщаніемъ. — Учащимся полезно держаться сего порядка частей въ первоначальныхъ, класныхъ упражненіяхъ, и особенно при сочиненіи *Разсужденій*. Части прямой, или порядочной Хріи.

§ 101. *Обращенная* Хрія (chria inversa), обыкновенно начинающаяся отъ доказательствъ, или поясняющихъ мыслей, именуется расположенною чрезъ *предыдущее* и *послѣдующее*. Она, сообразно предписанному отъ Риторовъ образцу, имѣетъ пять частей: 1) *приступъ*, 2) *предыдущее*, 3) *связь*, 4) *послѣдующее* и 5) *заключеніе*. — По формѣ сей Хріи иногда располагаются Письма одного содержанія. — (См: 9-е Отдѣленіе). Части обращенной Хріи.

§ 102. Цѣлію прозаическихъ сочиненій можетъ быть: 1) изображеніе предметовъ, находящихся въ природѣ физической; 2) повѣствованіе о происшествіи общественномъ, или частномъ, и замѣчательныхъ дѣйствіяхъ нравственно-политическаго міра; и 3) изъясненіе истины теоретической, или внушеніе истины практической. — На семъ основаніи главные виды прозы раздѣляются на *Описанія*, Раздѣленіе прозы по содержанію.

Повѣствованія и *Разсужденія.* — Правила сихъ сочиненій составляютъ предметъ общей Риторики, которая, не касаясь частныхъ видовъ прозы, показываетъ общее расположеніе ихъ, и учитъ составлять полное, удовлетворительное сочиненіе. — Къ симъ тремъ видамъ прозы присоединены также общія правила *Писемъ,* необходимыя для начинающихъ упражняться въ семъ родѣ сочиненій, столь употребительныхъ въ общежитіи.

Отдѣленіе 6-е.

Описанія.

§ 103. *Описаніе* есть представленіе отдѣльно существующаго въ пространствѣ предмета, его признаковъ, дѣйствій и отношеній къ другимъ предметамъ.

§ 104. Предметы описаній могутъ быть *внутренніе* и *внѣшніе.* — Къ первымъ относится изображеніе всего того, что̀ занимаетъ мыслящія наши силы, а ко вторымъ произведенія природы и искусствъ. — Описанія перваго рода называются *учеными,* а втораго рода — *изображеніями.*

Содержаніе ученыхъ описаній, достоинство и слогъ оныхъ.

§ 105. Въ *ученыхъ описаніяхъ* предлагаются свѣденія объ отдѣльныхъ предметахъ Астрономіи, Географіи, Статистики, Физики, Естественной Исторіи и т. п. Иногда же таковыя описанія составляютъ только час-

ти путеописаній, путевыхъ Журналовъ, или другихъ какихъ либо книгъ. — Въ томъ и другомъ случаяхъ, писатель, желая представить вѣрное изображеніе предметовъ, долженъ показать какъ существенные, такъ и случайные признаки оныхъ. — Сверхъ того точность, порядокъ, полнота, отчетливость составляютъ необходимыя условія сочиненій сего рода. — Слогъ ученыхъ описаній зависитъ отъ способности писателя: Бюфонъ и Гумбольтъ умѣли изображать съ изяществомъ ученые и отвлеченные предметы.

§ 106. Предметами *изображеній* бываютъ: 1) явленія природы, описанія различныхъ странъ, мѣстоположенія (лѣса, сады, поля, луга, горы и т. п.) произведенія искусствъ (статуи, картины, храмы и проч.); 2) характеры частные и общіе. — По различію сихъ предметовъ, изображенія раздѣляются на *физическія* и *нравственныя*.

Содержаніе изображеній и раздѣленіе оныхъ.

§ 107. *Физическія описанія* начинаются *обращеніемъ* къ предмету; потомъ изображается *мѣсто*, занимаемое предметомъ, и *время*, въ которое разсматривается; далѣе исчисляются *обстоятельства*, *случайности*, *свойства*, *признаки* описываемаго предмета и производимыя имъ мысли и чувствованія въ зрителяхъ. — Такъ Державинъ, въ живописномъ своемъ изображеніи *Гребеневскаго источника*, сначала обращается къ самому источнику, потомъ говоритъ о красотахъ его,

Общія правила Физическихъ описаній.

послѣ представляетъ виды источника при появленіи зари, въ полдень, при наступленіи вечера и ночи. — (Смот. 1-ю часть соч. Державина, стр. 182). Слогъ Физическихъ описаній долженъ быть легкій, цвѣтущій, живой, чтобы читатель перенесенъ былъ въ тѣ мѣста, и къ тѣмъ существамъ, которыя изображаются.

Образцы описаній.

§ 108. Въ изданныхъ на Рускомъ языкѣ путешествіяхъ находятся прекрасныя описанія мѣстоположеній и явленій природы. *Картина Финляндіи*, Батюшкова, отличается прелестнымъ, завлекательнымъ разсказомъ, живостію чувствованій и стройнымъ согласіемъ всѣхъ частей. — Примѣры прозаическихъ описаній произведеній искусствъ находятся у Гнѣдича о *Статуѣ мира*, изваянной для Гр. Румянцова знаменитымъ скульпторомъ Кановою, и у Жуковскаго *Рафаелева Мадонна*. — У сего же первокласнаго нашего писателя находимъ единственное описаніе *ночныхъ ужасовъ дремучаго лѣса и грозы*, застигшей Вадима:

Однажды вечеръ знойный рдѣлъ
    На небѣ; лѣсъ дремучій
Сквозь пламень зарева синѣлъ;
    И громовыя тучи
Въ слѣдъ за багровою луной
    Съ востока поднимались,
И яркой молніи змѣей
    Въ ихъ нѣдрѣ извивались.

Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ,
Тамъ все въ тѣни молчало,
Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвозвѣщало.

* * *

И дичь являлася кругомъ!
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучемъ,
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты . . . .
. . . .

* * *

Гроза сбиралась! межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И гулъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался!
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ
И взрылъ деревъ вершины;
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

* * *

И все взревѣло — дождь рѣкой!
Громъ страшный! трескъ за трескомъ!
И шумъ воды! и вихря вой!
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ!
И встрѣчу, съ права, съ лѣва,
Ряды валящихся древесъ! . . . . .

§ 109. Къ Физическимъ описаніямъ относятся также *Путеописанія* и *Путевыя записки.* — Сочинитель путеописанія, имѣя въ виду предложить читателю замѣчанія о природѣ, искусствахъ и наукахъ, съ изображені- Содержаніе путеописаній и слогъ оныхъ.

емъ частныхъ характеровъ и народныхъ обычаевъ, долженъ представить вѣрную и точную картину сихъ предметовъ. — Ему надлежитъ избирать предметы отличные, а о маловажныхъ умалчивать; и, при разнообразіи матерій, наблюдать единство. — Слогъ путеописаній измѣняется по различію предметовъ: онъ отъ простаго, сухаго, учебнаго доходитъ до средняго; но нерѣдко заимствуетъ силу, жаръ и краснорѣчіе высокаго.

Образцы разныхъ путешествій.

§ 110. Изъ ученыхъ путеописаній на Русскомъ языкѣ достойны уваженія: записки *Лепехина*, *Гмелина*, *Шелихова* и *Сарычева*, отличающіяся множествомъ любопытныхъ свѣденій, но языкъ въ нихъ устарѣлъ и не правиленъ; полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Академію Наукъ, и путешествіе въ Китай чрезъ Монголію, *Е. Тимковскаго*. — Изъ путешествій просто-описательныхъ весьма любопытны по содержанію своему: *Броневскаго* записки въ продолженіе компаніи на Средиземномъ морѣ, съ 1805-го по 1810-й годъ; *Головнина* о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ; *Рикорда* о плаваніи къ Японскимъ берегамъ и о сношеніяхъ съ Японцами, и *отечественныя записки П. Свиньина*. — *Русскіе поклонники въ Іерусалимъ*, — отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году, Д. В. Дашкова, — отличаются остроумными замѣчаніями, отчетливостію изложенія, бла-

городствомъ и правильностію слога. *Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ А. Муравьева* согрѣто чувствіями истинно Христіанскими. — Нѣкоторые изъ писателей нашихъ, желая дать описаніямъ своимъ болѣе живости и привлекательности, предлагали путешествія свои въ видѣ *писемъ*: таковы письма Русскаго путешественника, *Карамзина*, путешествіе *Макарова* въ Англію, В. *Измайлова* въ полуденную Россію, письма Русскаго офицера, *Ѳ. Глинки*.

§ 111. *Путевыя записки* пишутся или для памяти, или для сообщенія другимъ того, что занимало любознательнаго путешественника, или наблюдателя природы. — Посему отъ сочиненій сего рода требуется простота, затѣйливость разсказа, разнообразіе, остроумныя замѣчанія и благоразумный выборъ предметовъ.—На Русскомъ языкѣ въ семъ родѣ замѣчательны, по важности содержанія своего: записки *Михайловскаго-Данилевскаго* 1814 года, и его же воспоминанія 1815 года; военныя письма и замѣчанія *А. Писарева* и краткія записки Адмирала *Шишкова*. — Сіи послѣднія напоминаютъ намъ объ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ новѣйшей Русской Исторіи, и любопытны по многимъ подробностямъ и разсказамъ о бывшей съ Французами въ 1812 году войнѣ.

Предметы путевыхъ записокъ и писатели оныхъ.

§ 112. Содержаніемъ *нравственныхъ описаній* бываютъ характеры лицъ. — Въ сихъ

Нравственныя описанія.

характерахъ должна быть представлена намъ вѣрная картина наружныхъ и душевныхъ свойствъ человѣка, его страстей, склонностей, дарованія и образа мыслей.—Но для достиженія сего требуется глубокое познаніе человѣческой природы. Весьма хорошо иногда изображать два *противоположныхъ* характера, которые отъ сего сличенія становятся разнообразнѣе и занимательнѣе. — Любопытное изображеніе характеровъ *чувствительнаго* и *хладнокровнаго* находится въ сочиненіяхъ Карамзина.

Виды характеровъ.

§ 113. Изображаемыя лица бываютъ или *историческія*, или *общія* (идеальныя). Въ обоихъ случаяхъ лица сіи должны быть представлены съ характеромъ занимательнымъ, отличающимся самоотверженіемъ, непреклонною силою воли, любовію къ человѣчеству, или другою какою либо благородною страстію.—Если описаніе характеристики составляетъ отдѣльное сочиненіе; то оно должно имѣть полноту; если же оно входитъ въ составъ другаго произведенія; то должно соотвѣтствовать общему плану и цѣли, также соразмѣряться съ относительною важностію предмета.

Образцы историческихъ и вымышленныхъ характеровъ.

§ 114. Примѣры *историческихъ характеровъ* можно видѣть въ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина; въ особенности прекрасно изображены: *Святославъ*, *Владиміръ Мономахъ*, *Димитрій Донской*, *Іоаннъ* III и

Годуновъ. — Сверхъ того съ рѣдкою отчетливостію и остроуміемъ начертанъ литературный характеръ *Ломоносова* — Батюшковымъ и *Державина* — Княземъ Вяземскимъ.— Образцы *вымышленныхъ характеровъ* находятся у *Карамзина* въ его повѣстяхъ, у *Жуковскаго* въ описаніи Марьиной рощи, въ повѣстяхъ и разсказахъ *Марлинскаго,* также въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ Русскихъ романахъ.—Изображеніе физическаго и нравственнаго характера народовъ можно найти во многихъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ путешествіяхъ, и преимущественно морскихъ.

Отдѣленіе 7-е.

Повѣствованія.

§ 115. *Повѣствованіе* есть разсказъ о какихъ либо дѣйствіяхъ, или происшествіяхъ, взятыхъ изъ физическаго, или нравственнаго міра. — Свѣденія для сего берутся или изъ собственныхъ наблюденій сочинителя, или отъ очевидныхъ свидѣтелей, или изъ твореній безпристрастныхъ писателей, или изъ другихъ источниковъ, разсмотрѣнныхъ съ историческою критикой. Содержаніе повѣствованія.

§ 116. Происшествія, заимствуемыя писателемъ изъ *физическаго* міра, могутъ быть описаны: въ отношеніи къ *религіозной, нрав-* Описанія происшествій въ физическомъ мірѣ.

ственной и *политической* точкѣ зрѣнія. — Здѣсь можно разсматривать слѣдующіе случаи: a) начало и причины событія, b) важность онаго и впечатлѣніе, имъ произведенное, c) психологическое раскрытіе характеровъ дѣйствующихъ лицъ и средства, ими употребленныя, d) обстоятельства, благопріятствовавшія, или мѣшавшія успѣху дѣла, и e) наконецъ благодѣтельныя, или вредныя послѣдствія онаго. — Для начинающихъ упражняться въ сочиненіи полезнѣе и занимательнѣе соединять повѣствованіе съ описаніемъ.

Предметы описанія происшествій въ нравственномъ мірѣ.

§ 117. При описаніи происшествія въ *нравственномъ* мірѣ, берется въ разсужденіе: a) время, мѣсто и лица, b) причины, c) намѣреніе и средства лицъ, d) важность происшествія и совершеніе онаго, e) послѣдствія происшествія и сужденіе объ ономъ современниковъ и потомковъ. — Разсматривая въ Исторіи Карамзина описаніе *пораженія Мамая* Димитріемъ Донскимъ, замѣчаемъ: *Время* битвы 1380 года, 8-го Сентября. — *Мѣсто* у рѣки Непрядвы, на Куликовомъ полѣ. — *Лица*: В. Князь Димитрій Іоанновичъ, двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ, зять его Димитрій Михайловичъ Волынскій, Ольгердовичи и Князья Литовскіе. — *Причины*: уничтожить намѣреніе Мамая, который собралъ 300,000 войска и, надѣясь на предателя Олега, Князя Рязан-

скаго, и Ягеллона Литовскаго, вторгнулся въ Россію, съ угрозою предать все мечу и огню. *Намѣреніе*: разорвать оковы рабства Россіи, искоренить удѣльную систему и основать самодержавіе. *Средства*: твердое упованіе В. Князя на помощь Божію, благословеніе Св. Сергія и всего народа — также 150,000 войска. *Важность*: битва была кровопролитнѣйшая, такъ что на пространствѣ 10 верстъ лилась кровь Христіанъ и невѣрныхъ; поле сраженія было покрыто 200,000 убитыхъ, въ числѣ коихъ непріятелей было вчетверо болѣе. — *Совершеніе* произшествія: мужественный Кн. Владиміръ довершилъ побѣду, и сталъ *на костяхъ* т. е. на полѣ битвы.—Мамай, видя пораженіе своихъ полчищъ, терзаемый гнѣвомъ и тоскою воскликнулъ: „Великъ Богъ Христіанскій!" и бѣжалъ въ слѣдъ за другими.—Полки Россійскіе взяли станъ непріятельскій и несмѣтную добычу. — *Послѣдствія*: битва на Куликовомъ полѣ открыла Россіянамъ тайну силъ ихъ, и предвозвѣстила будущую славу нашего отечества. — *Сужденіе*: признательные подданные наименовали побѣдителя Мамая *Донскимъ*, а въ память храбрыхъ сподвижниковъ его, павшихъ на полѣ Куликовомъ, и доселѣ празднуется *Суббота Дмитріевская.*

Расположеніе повѣствованій и образцы.

§ 118. При расположеніи повѣствованій, должно слѣдовать *естественному ходу* про-

шествій и описывать что за чѣмъ слѣдовало, дабы чрезъ то усилить занимательность развязки, или *конца* дѣйствія.—Превосходные образцы историческихъ описаній находятся у Карамзина, какъ наприм: *осада Троицкаго монастыря, битва на Куликовомъ полѣ, историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ*, о *Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексія Михаиловича*, и *многія другія*.

Отдѣленіе 8-е.

Разсужденія.

Содержаніе и цѣль разсужденія.

§ 119. *Разсужденія* имѣютъ цѣлію пояснять истины теоретическія, относящіяся къ *уму*, или практическія, относящіяся къ *волѣ* человѣка.—По различію *цѣли* поученія, употребляются и различныя средства для пріисканія матеріаловъ.

Изображеніе умозрительной истины.

§ 120. При поясненіи *Теоретической* истины, писатель долженъ имѣть въ виду: раскрыть и доказать истину, представить объ ней точное понятіе, опровергнуть ложныя мнѣнія и разсмотрѣть приложеніе сей истины. — *Развить* понятіе значитъ показать существенные признаки. — Сіе производится *Аналитически* и *Синтетически*. Такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ предложеніи;

Исторія есть поучительное повѣствованіе истинныхъ и важнѣйшихъ произшествій въ связи, разлагая каждый изъ членовъ, составляющихъ здѣсь сказуемое, можемъ узнать какъ сущность опредѣляемаго предмета, такъ и различіе онаго отъ другихъ, съ нимъ сходныхъ, или несходныхъ.—Такое развитіе понятія будетъ *Аналитическое.*—Для *Синтетическаго же* раскрытія возмемъ слѣдующее: человѣкъ принимаетъ участіе въ судьбѣ другихъ людей, соболѣзнуетъ о нихъ, помогаетъ имъ безъ своекорыстныхъ видовъ —*благотворительность.* Человѣкъ, который помышляетъ только о собственной прибыли, и не думаетъ уступить другому ни малѣйшей выгоды—*своекорыстіе.*—Человѣкъ говоритъ о справедливости и неправосудіи; доволенъ нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ, а въ другихъ раскаявается—*совѣсть* и т. д.

§ 121. При разсматриваніи *практическихъ, нравственныхъ* истинъ, писатель желаетъ внушить благородные помыслы, изобразить красоту извѣстныхъ добродѣтелей, или гнусность гибельныхъ пороковъ, и предложить средства къ искорененію сихъ послѣднихъ.

Цѣль истинъ практическихъ.

§ 122. Имѣя въ виду внушить благородныя чувствованія, должно обратить вниманіе: 1) на *свойства чувствованія*, 2) *важность* онаго, 3) *признаки*, обнаруживающіе душевную къ оному наклонность, 4) *степень* и 5) *пользу.*—Можно также разсматри-

Предметы для изображенія благородныхъ чувствованій.

вать добродѣтель въ разныхъ ея отношеніяхъ.—Такъ знаменитый нашъ проповѣдникъ *Анастасій, въ словѣ на погребеніе Бецкаго* сказавъ, что „добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, „прекрасна, божественна"; потомъ разсматриваетъ добродѣтель въ отношенія къ Богу, человѣку, уму и сердцу; далѣе присоединяетъ: „она величественна въ порфирѣ, она и „въ рубищѣ любезна. — Преславна подъ шле„момъ и щитомъ, знаменита на нивѣ при „ралѣ.—Достохвальна во храмѣ у священнаго „Олтаря; благословенна и въ домѣ, и въ гра„дѣ, и въ веси."

Изображеніе слѣдствій порока.

§ 123. Имѣя цѣлію изобразить вредныя слѣдствія порока, должно взять въ разсужденіе: 1) *Расположеніе къ сему пороку*; наприм: *Себялюбіе* состоитъ въ томъ, что человѣкъ поставляетъ себя единственнымъ предметомъ всѣхъ своихъ помысловъ; 2) *Признаки*: отъ себялюбія происходитъ ненависть къ ближнимъ, клевета, зависть, мстительность, униженіе другихъ; 3) *Источники порока*: дурные примѣры, худое воспитаніе, и ложное направленіе умственныхъ силъ; 4) *Вредъ*: себялюбіе изсушаетъ сердце, дѣлаетъ человѣка презрительнымъ, ненавистнымъ; 5) *Средства къ искорененію*: познаніе вредныхъ слѣдствій порока и гнусности онаго, отдаленіе отъ дурныхъ сообществъ и твердое намѣреніе обнаруживать противныя дѣйствія и исправиться.

§ 124. Поелику истины, входящія въ составъ разсужденій, проистекаютъ изъ разума и дѣйствуютъ на оный; то, и въ расположеніи всякаго ученаго сочиненія, должно наблюдать строжайшій логическій порядокъ. — Въ семъ случаѣ учащимся полезно держаться формъ, предложенныхъ въ 5 отдѣленіи, въ § 100. Расположеніе рззсужденій.

Отдѣленіе 9-е.

Письма (*)

§ 125. Письма суть разговоры, или бесѣды съ отсутствующими. Они замѣняютъ недостатокъ словесной рѣчи, которую можно было обратить къ симъ лицамъ, когда бы они были въ присутствіи. — Посредствомъ писемъ можно бесѣдовать съ людьми, въ великомъ отдаленіи живущими; сообщать имъ наши мысли и чувствованія; восхищаться съ счастливыми и плакать съ злополучными. Содержаніе писемъ.

§ 126. Хорошее письмо предполагаетъ благородное, легкое, не принужденное и безъискуственное изъясненіе нашихъ мыслей, точно такъ, какъ сіе наблюдается въ изустныхъ разговорахъ. — При сочиненіи писемъ должно Принадлежности хорошаго письма.

(*) Здѣсь предлагаются только общія правила для начинающихъ упражняться въ семъ родѣ сочиненій. — Частныя же правила писемъ, съ приведеніемъ характеристики лучшихъ Писателей, предложатся въ Теоріи Краснорѣчія.

слѣдовать правилу: *писать такъ, какъ надобноб* (sic) *говорить въ семъ случаѣ,* но говорить правильно, просто и пріятно. А потому всѣ правила для сочиненія писемъ должны основываться на языкѣ и тонѣ словеснаго обращенія въ различныхъ случаяхъ жизни.

Раздѣленіе писемъ вообще, и свойства писемъ Литературныхъ.

§ 127. По различію предметовъ, о которыхъ пишутся письма, оныя можно раздѣлить на письма *Литературныя* и *Общежитейскія.* — Письма литературныя суть разнаго рода сочиненія, имѣющія только форму Письма. — Содержаніемъ оныхъ бываютъ: разсужденія о наукахъ и искусствахъ, изысканія филологическія и историческія, описанія путешествій, повѣствованія объ особенныхъ какихъ либо случаяхъ и т. п. Такъ писали: Дю-Пати, Карамзинъ и Муравьевъ. — Предметы въ письмахъ литературныхъ излагаются безъ наблюденія строгаго логическаго порядка; въ нихъ, сколько возможно, надлежитъ удаляться сухости и единообразія; языкъ въ нихъ долженъ быть правильнѣе и обработаннѣе, нежели въ письмахъ общежитейскихъ. — Главное же совершенство литературнаго письма зависитъ отъ знанія того предмета, о которомъ пишемъ.

Части писемъ общежитейскихъ.

§ 128. Письма общежитейскія должны состоять изъ трехъ главныхъ частей: изъ *обращенія, содержанія и заключенія.*

129. Подъ *обращеніемъ* разумѣется отношеніе наше къ тѣмъ лицамъ, съ которыми

ведемъ переписку. — Здѣсь должно наблюдать нѣкоторыя извѣстныя формы и *привѣтствія*, принятыя изъ учтивости и свѣтскаго приличія, или утвержденныя закономъ.—Въ I-й части учебной книги Россійской словесности Н. И. Греча, на стран. 54 и 55 показаны главныя изъ сихъ формъ.

§ 130. Содержаніе писемъ столько же многоразлично, сколь многоразличны могутъ быть намѣреніе и отношеніе между лицами, имѣющими переписку. — А потому письма бываютъ *увѣдомительныя, поздравительныя, благодарственныя, поучительныя, дружескія* и. т. п. Часто ведемъ переписку по званію своему, или должности; иногдаже изъявляемъ въ письмахъ совѣты, или желанія, а не рѣдко пишемъ по требованію благопристойности.

§ 131. Въ *заключеніи* письма полагаются увѣренія въ нашемъ почтеніи, дружествѣ, преданности и проч. Заключеніе всегда сообразуется съ содержаніемъ письма, и предполагаетъ употребленіе особенныхъ оборотовъ. — Въ сей части, какъ и приступѣ, наблюдаются введенныя обычаемъ *формы*.

§ 132. По отношеніямъ лицъ, письма раздѣляются къ *высшимъ, равнымъ* и *низшимъ*. — Каждое изъ сихъ отношеній требуетъ особеннаго вниманія со стороны пишущаго. Къ высшимъ должно писать учтиво, уважительно и съ сохраненіемъ принятыхъ формъ; Раздѣленіе писемъ по особамъ.

къ равнымъ просто, но всегда прилично; а къ низшимъ ласково и привѣтливо.

О письмахъ къ высшимъ.

Расположеніе писемъ къ высшимъ особамъ.

§ 133. Письма высокія по большой части располагаются по образцу превращенной Хріи. — Первое мѣсто занимаетъ *обращеніе*, которое заключаетъ въ себѣ титулъ *втораго лица*, а иногда только отношеніе къ нему *перваго* т. е. *пишущаго*, или и то и другое; потомъ *причина*, заставляющая насъ писать; далѣе излагается та *причина*, которая побудила обратиться къ нему, а не къ другому; послѣ *изложеніе самаго дѣла*, и наконецъ *заключеніе*, гдѣ приводятся желанія, увѣренія, обѣщанія и т. п. Впрочемъ сіи части не всегда располагаются показаннымъ порядкомъ. — Лучшій въ томъ наставникъ благоразуміе пишущаго.

Условіе при сочиненіи писемъ высокихъ.

§ 134. Въ письмахъ къ высшимъ должно избѣгать излишнихъ подробностей, а говорить только, что относится къ содержанію письма.—Притомъ же уваженіе къ высшему требуетъ не однѣхъ искусственныхъ похвалъ и общепринятыхъ привѣтствій, а дѣйствительныхъ знаковъ уваженія: строгой осмотрительности, выбора словъ, благородства въ чувствованіяхъ и слогѣ, скромности въ обращеніяхъ и вѣжливости. — Въ письмахъ къ Высочайшимъ Особамъ можно употреблять слова и выраженія, взятыя изъ Славянскаго

языка, но только съ особеннымъ разборомъ. Прекраснымъ примѣромъ высокаго письма можетъ быть письмо отъ Графа Румянцова-Задунайскаго къ Екатеринѣ II, написанное въ отвѣтъ на призываніе его къ войску, по смерти Князя Потемкина:

Примѣръ письма къ Высочайшей Особѣ.

Августѣйшая Монархиня!

Всемилостивѣйшая Государыня!

„Подъ бременемъ несносной старости, „удостоился я принять драгоцѣнный мечъ „не по заслугамъ, но яко даръ Монархини, „благодѣтельствующей во множествѣ. Сколь „ни оживляюсь, и ни чувствую цѣны благъ „Монаршихъ; но, Всемилостивѣйшая Государыня! совокупно смягчаюсь скорбію, что „буря въ жизни и слабость въ душѣ привели въ несостояніе достойно обнажать сего „сверкающаго острія, во славу и хвалу Государыни, въ страхъ непріятеля. Въ нѣдрахъ „владычества Вашего, Всемилостивѣйшая „Государыня! есть люди, отличія достойнѣйшіе во изобиліи; прочіе сіи, въ дѣйствіяхъ „неутомимые, въ исполненіи помышленій совершенные, возрятъ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ, и удивятся, что и сидѣвшій въ Молдавской хижинѣ, подъ кровомъ отъ зноя и ненастья времени, безъ „дара предвидѣнія и духа, сравненъ съ ними „въ щедротахъ Монаршихъ. Но я бы, Всемилостивѣйшая Государыня! осмѣлился ска-

„зать, что оные отъ единаго Монаршаго „воззрѣнія достигнули въ храмъ великолѣпной славы; мои же малыя дѣла недостойны „оправдать сего труднаго пути, сближаясь „съ тѣмъ временемъ, въ которое полезенъ „гробъ паче другихъ украшеній.

„Но да будутъ, Всемилостивѣйшая Государыня! торжествуемые здѣсь лавры неувядаемы спокойствіемъ непрерывно; долгота „же дней Вашихъ да продолжится на вѣки, „и грядущія времена да свидѣтельствуютъ „великость дѣлъ Монаршихъ, а можетъ быть, „и приведутъ нѣкогда на память, что одинъ „изъ славныхъ бранноносцевъ имѣлъ удачу „быть Государынѣ полезенъ въ малѣ, награжденъ же по велицей Ея милости."

О письмахъ къ равнымъ и низшимъ.

§ 135. Содержаніемъ сихъ писемъ можетъ быть все то, что составляетъ предметъ общежитейскихъ нашихъ разговоровъ. — Сколь различно содержаніе оныхъ писемъ, столь различны и правила писать ихъ. — Заключаютъ ли они простой *разсказъ*; тогда требуютъ точности, порядка и краткости; состоятъ ли они въ *просьбѣ*, въ *убѣжденіи*, въ *оправданіи*: тогда образъ выраженія нашего долженъ быть силенъ и трогателенъ. — Письма, въ которыхъ господствуетъ *шутка*, *остроуміе*, *веселость*, предполагаютъ въ душѣ писателя всѣ сіи свойства, прежде нежели они выль-

ются на бумагу: ибо нѣтъ ничего несноснѣе письма, которое наполнено шутками выисканными, остротами странными и дѣтскими, веселостію приторною и скучною. — Письма къ *равнымъ*, съ которыми мы не имѣемъ дружескихъ сношеній, отличаются отъ дружескихъ записокъ только соблюденіемъ нѣкоторыхъ *формъ*, какъ въ началѣ, такъ и концѣ.

§ 136. Переписка съ *низшими* бываетъ или какъ съ подчиненными, или какъ съ младшими знакомыми: въ первомъ случаѣ почти всегда употребляются принятыя формы, а во второмъ все зависитъ отъ благоразумія пишущаго.—При всемъ томъ, каждое изъ сихъ отношеній требуетъ соблюденія приличія въ тонѣ и слогѣ, дабы небрежностію не оскорбить другаго лица, и не подать повода думать, что мы его презираемъ. Вообще же привѣтливость, ласковость и снисхожденіе, но безъ униженія своего достоинства, должны особенно быть наблюдаемы въ письмахъ сего рода.

§ 137. Хорошее письмо предполагаетъ предварительное размышленіе, порядокъ и точность въ словахъ; но оно не должно быть располагаемо по *плану*, свойственному учебнымъ книгамъ. — Пишущій долженъ заботиться только о томъ, дабы предметъ и намѣреніе его были хорошо обдуманы, и представлены съ надлежащею живостію и ясно- Общее замѣчаніе для писемъ всякаго рода.

стію.—Съ другой стороны, если весьма примѣтное искусство составляетъ порокъ въ сихъ письмахъ; то не менѣе безобразятъ ихъ низкія мысли, чувствованія, слова и выраженія, особливо погрѣшности противъ языка.—Все сіе можетъ дать весьма худое мнѣніе о воспитаніи и сердцѣ сочинителя. — Вообще сохраненіе нравственныхъ приличій есть необходимая принадлежность писемъ всякаго рода; прочее же могутъ указать намъ вкусъ и умственное образованіе.

Объ отвѣтныхъ письмахъ.

§ 138. Письма, служащія отвѣтомъ, въ содержаніи и формѣ, по большой части, сообразуются съ упредительными, или съ тѣми, на которыя отвѣчаемъ, точно такъ, какъ сіе бываетъ при разговорахъ. — При семъ случаѣ надлежитъ: во 1) въ началѣ сослаться на то письмо, на которое отвѣчаемъ, съ назначеніемъ его числа; 2) не надобно забывать отношеній между переписывающимися особами, особливо въ разсужденіи чина и званія; въ 3) удовлетворительно отвѣчать на всѣ случаи, о которыхъ къ намъ писано, и отвѣты располагать въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сдѣланы вопросы, если это не будетъ противно естественному ходу мыслей. — Сверхъ того должно писать о предметахъ важнѣйшихъ въ началѣ письма, а маловажные соединить въ одинъ періодъ

въ концѣ отвѣта, дабы письмо не сдѣлалось слишкомъ длиннымъ.

Примѣчаніе. Краткія письма, которыя мы пишемъ къ пріятелямъ, живущимъ съ нами въ одномъ городѣ, называются *записками.* — Цѣль ихъ: сообщить новость, предложить сомнѣнія, вопросы, возраженія, приглашенія, возбудить чувство смѣха и проч. — Въ нихъ не придерживаются принятыхъ формъ.—Непринужденность, естественность и соблюденіе нравственныхъ приличій должны быть главными ихъ условіями.

ЧАСТЬ II.

ТЕОРІЯ СЛОГА ПРОЗАИЧЕСКИХЪ И СТИХОТВОРНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Предварительныя понятія.

Мнѣніе Цицерона о должностяхъ писателя.

§ 139. Всѣ должности сочинителя Цицеронъ описываетъ тремя словами: *videat, quid dicat, quo loco et quo modo. Quid dicat?* онъ долженъ изобрѣсть предметъ и пріискать для онаго матеріалы; *quo loco?* онъ долженъ расположить сіи матеріалы; *quo modo?* онъ долженъ изложить извѣстнымъ слогомъ. — Правила словесности не что иное суть, какъ пространное истолкованіе сихъ словъ.

Условія при размышленіи о предметѣ.

§ 140. И такъ первое дѣло писателя пріискать матеріалы, приличные къ изображенію взятаго имъ предмета, обогатиться извѣстнымъ количествомъ мыслей и разсужденій; а сего не иначе онъ можетъ достигнуть, какъ углубившись въ свой предметъ и довольно размысливъ объ ономъ. Для успѣшнаго же размышленія необходимо: во 1-хъ) ясно представить въ умѣ своемъ избранный предметъ; во 2-хъ) исключительно заниматься имъ; въ 3-хъ) приготовиться къ размышленію хорошимъ чтеніемъ.

Расположеніе мыслей.

§ 141. Послѣ изобрѣтенія мыслей, должно заботиться о *расположеніи* оныхъ: ибо сколько бы мысли наши ни были естественны и даже высоки, разсужденія правильны, взяты изъ глубины сердца и ума; если же предметы не будутъ расположены сходствен-

по природѣ ихъ; тогда все представитъ одно безобразное смѣшеніе понятій.—Большая часть красотъ зависитъ отъ мѣста: вставьте алмазъ въ средину безобразныхъ камней, онъ потеряетъ половину своего блеска и едва будетъ примѣтенъ.

Части сочиненій.

§ 142. Расположеніе бываетъ *общее* и *частное*; первое касается частей сочиненія, второе мыслей. — Главныя части сочиненій суть: *вступленіе, предложеніе, доказательство* и *заключеніе*. — Впрочемъ не возможно преподать подробнаго руководства къ расположенію всѣхъ родовъ сочиненій. — Опытность, собственное чувство и догадка, но, въ особенности, разборъ *плана* твореній лучшихъ писателей, должны въ томъ участвовать.

Важность выраженія мыслей.

§ 143. По пріисканіи и расположеніи матеріаловъ, сочинитель долженъ заботиться о *слогѣ*, или о способѣ *выраженія мыслей* на бумагѣ. — Выраженіе можетъ дать слову жизнь и дѣйствіе.—*Виргилій* и *Мевій*, *Расинъ* и *Прадонъ*, *Ломоносовъ* и *Тредіаковскій*, можетъ быть, мыслили одинаково; но первыхъ читаетъ и будетъ читать потомство; а имена послѣднихъ безсмертны только по презрѣнію.—Слогъ великое дѣло. „Чѣмъ лучше я Прадона?“ говорилъ Расинъ; „тѣмъ, что лучше умѣю писать.“

Можетъ ли одинъ слогъ возвысить достоин-

§ 144. Нельзя однакожъ рѣшительно думать, что *однимъ* только выраженіемъ различествуетъ творецъ громкихъ Одъ отъ

ства сочиненія?

творца Телемахиды, или что *одни* только слова имѣютъ силу превращать мысли, возвышать и украшать оныя. Слова, какъ произвольные знаки мыслей, имѣютъ только то достоинство, чтобъ передать уму тѣ понятія, которыя хотятъ ими означить, и открыть наши мысли другимъ. Слова не могутъ болѣе изображать, какъ сколько позволитъ общее согласіе умовъ, способствовавшихъ образованію языка; когда разъ сіе согласіе установлено, никто его не можетъ перемѣнить. — Одно *употребленіе* можетъ дѣлать въ нихъ отъ времени до времени легкія и едва примѣтныя перемѣны. — Слова могутъ значить менѣе; но никогда не могутъ значить болѣе.—*Valent verba sicut nummi.* Но откуда происходитъ, что одна и та же мысль, представленная другими словами, дѣлается лучше? подлинникъ тотъ же, а портретъ сдѣлался изящнѣе.—Разрѣшеніе сего вопроса ведетъ насъ къ новой теоріи слога.

Понятіе о мысляхъ главныхъ и подчиненныхъ.

§ 145. Не одно выраженіе, не одни слова усиливаютъ мысль: мысли украшаются мыслями. — Каждая мысль имѣетъ въ умѣ систему понятій, къ ней принадлежащихъ и съ нею родъ цѣлаго составляющихъ; а потому чѣмъ болѣе будетъ при главной мысли понятій однородныхъ и тѣсно съ оною соединеныхъ; тѣмъ кругъ его дѣйствія будетъ обширнѣе, тѣмъ мысли будутъ великолѣпнѣе. Голова Цицеронова и голова послѣдняго адво-

ката различествуютъ только тѣмъ, что въ первой всѣ мысли главныя связаны съ тысячію другихъ, отъ нихъ зависящихъ; напротивъ въ головѣ послѣдняго сіи подчиненныя понятія не столь многочисленны. — Отсюда происходитъ, что, говоря о томъ же предметѣ и помѣщая тѣже главныя мысли, одинъ писатель говоритъ хорошо, другой слабо, не занимательно.

§ 146. Для поясненія сей теоріи слога, стоитъ только разсмотрѣть Оду *на счастіе* Ж. Б. Руссо, переведенную Ломоносовымъ и Сумароковымъ. — Мы найдемъ, что первый сильною кистію списалъ всѣ красоты подлинника, перелилъ въ него весь жаръ поэзіи, и Руссо въ спискѣ, кажется, дышитъ тѣмъ же огнемъ, какой блещетъ въ оригиналѣ. Другой провелъ только начальныя черты его, и показалъ намъ не Руссо, но его слабую тѣнь. — Между тѣмъ главныя мысли въ обоихъ равно сохранены.—Откудажъ сіе безконечное различіе? отъ словъ ли? отъ выраженія ли? нѣтъ! отъ подчиненныхъ понятій.—Раздробленіе покажетъ сіе яснѣе.

Подтвержденіе предъидущаго положенія.

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis,
Du faut éclat, qui t'environne,
Sérons—nous toujours éblouis?
Jusques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons—nous tes autels?—et cet . . .

„Доколѣ, счастье, ты вѣнцами
„Злодѣевъ будешь украшать?
„Доколѣ ложными лучами
„Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
„Доколѣ истуканъ прелестный
„Мы станемъ жертвой намъ безчестной
„Твой тщетный почитать алтарь?

Ломоносовъ.

„Ты, фортуна, украшаешь
„Злодѣянія людей,
„И мечтанія мѣшаешь
„Разсмотрѣти жизни сей.
„Долголь намъ повиноваться,
„И доколѣ поклоняться
„Намъ обману твоему?

Сумароковъ.

Въ сихъ двухъ изображеніяхъ одного и того же предмета краски хотя и различны, но имѣютъ одинаковую степень доброты.— Все различіе состоитъ только въ фигурахъ, окружающихъ главный видъ картины. — Въ обоихъ переводахъ слова вообще чисты, звонки, довольно выражающія; но къ главной мысли: счастіе не рѣдко вѣнчаетъ злодѣяніе, Ломоносовъ присоединяетъ множество подчиненныхъ и, побольшой части, прекрасныхъ. Онъ счастіе одушевляетъ, онъ говоритъ ему, упрекаетъ его и требуетъ у него отчета:

„Доколѣ, счастье, ты вѣнцами
„Злодѣевъ будешь украшать?

Сравните стихи сіи съ стихами Сумарокова:

„Ты, фортуна, украшаешь
„Злодѣянія людей. . . . .

Вы найдете, что первые написаны пламеннымъ перомъ; вторые слабы, холодны и почти низки.—Первый съ благороднымъ дерзновеніемъ выводитъ счастье на судъ и заставляетъ его отвѣчать предъ вселенною; другой беретъ на себя трудъ съ холодностію только сказать фортунѣ, что она украшаетъ злодѣянія; но кто сего не знаетъ?

„Доколѣ ложными лучами
„Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?

Здѣсь главная мысль: разумъ не можетъ разсмотрѣть пустоты счастія. — Съ нею сцѣпляется другая: разумъ долженъ быть слѣпъ; а съ сею вяжется третья: его ослѣпило счастіе. — Изъ сего сцѣпленія трехъ мыслей выходитъ четвертая; и ею-то пользуется поэтъ: ибо она прекрасна и заключаетъ въ себѣ три первыя:

„Доколѣ ложными лучами
„Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?

Но та же главная мысль уноситъ Сумарокова въ другую сторону, и онъ на пути своемъ встрѣчаетъ только сіе:

„И мечтанія мѣшаешь
„Разсмотрѣти жизни сей.

Отъ злодѣяній, которыя фортуна украшаетъ, какой трудной переходъ для ума къ мечтанію? и къ какому мечтанію? жизни сей; но что такое мечтаніе жизни сей? и къ чему здѣсь жизнь сія? — Такіе вопросы имѣетъ

право сдѣлать читатель, и кто будетъ отвѣчать за сочинителя? стихъ его молчитъ и творца своего не защищаетъ.—Не говорю ничего о томъ, что слово *мѣшаешь* даетъ низкое понятіе, что *мечтаніе мѣшаешь* оскорбляетъ ухо, что ни одной черты сей стихъ не снимаетъ съ оригинала. Пойдемъ далѣе:

„Доколѣ истуканъ прелестный
„Мы станемъ жертвой намъ безчестной
„Твой тщетный почитать алтарь?

Ломоносовъ.

„Долголь намъ повиноваться,
„И доколѣ поклоняться
„Намъ обману твоему?

Сумароковъ.

Можно ли повѣрить, чтобъ стихи сіи родились изъ одной и той же мысли? Три первые столь пышны, столь возвышенны, а три послѣдніе столь просты и столь малозначущи. Ужели же все различіе здѣсь только въ словахъ? Но словаль сію нагую мысль: счастье всѣ люди уважаютъ, одѣли столь великолѣпно и преобразили въ другую?

„Доколѣ истуканъ прелестный
„Мы станемъ жертвой намъ безчестной

и проч.

Нѣтъ! къ сему надобно было отъ понятія уваженія взойти къ понятію боговъ, и съ богами представить истуканы, съ истуканами поклонниковъ, а съ поклонниками ал-

тари и жертвы; надобно было обозрѣть весь кругъ понятій, вяжущихся тѣсно съ понятіемъ уваженія, чтобъ сдѣлать сіе прекрасное изображеніе. Одни ли слова, повторяю я, облекли туже самую мысль въ такое рубище? . . .

„Долголь намъ повиноваться,
„И доколѣ поклоняться
„Намъ обману твоему? . . . .

Съ тѣмъ же понятіемъ уваженія въ умѣ Сумарокова здѣсь связаны уже не боги, не алтари, не жертвы, но только повиновеніе, поклоненіе и обманы; понятія несравненно низшія и не столь однородныя: ибо кто когда поклонялся обману?

Сихъ замѣчаній довольно, чтобъ приготовить насъ къ общему заключенію: что не слова дѣлаютъ различіе въ одной и той же мысли; но одна и та же мысль бываетъ различна по различію понятій, съ нею связанныхъ.

§ 147. И такъ должно различать два рода мыслей въ сочиненіи: *мысли главныя* и *мысли зависимыя*, или отъ первыхъ происшедшія.—А потому *изобрѣсть* не что другое будетъ, какъ найти мысли главныя; *расположить* значитъ представить ихъ въ приличномъ порядкѣ; наконецъ *выразить* не что другое будетъ, какъ открыть связь главной мысли съ понятіями, вокругъ ея стоящими

и съ нею сопряженными.—На семъ основаніи не удовлетворительно было бы сказать, что *выраженіе* есть изъясненіе мыслей словами. Въ самомъ дѣлѣ, что такое—изъяснить мысли словами? развѣ бываютъ мысли безъ словъ? развѣ мыслимъ мы безъ понятій? развѣ не изъяснена мысль въ ту минуту, какъ она родилась?

Примѣчаніе. Говоря собственно, нѣтъ двухъ совершенно одинакихъ мыслей, какъ скоро онѣ выражены различно.—Не можно къ мысли прибавить одного слова, не можно отъ нее отнять его, не перемѣнивъ ея вида, или не преобразивъ ее въ другую: ибо съ словомъ прибавляется понятіе, а съ понятіемъ дается новое отношеніе, новая открывается связь.

Опредѣленіе слога и раздѣленіе свойствъ онаго на общія и частныя.

§ 148. Отдѣливъ такимъ образомъ отъ выраженія тѣ ложныя понятія, кои обыкновенно съ нимъ соединяютъ, мы можемъ правильно опредѣлить *слогъ*, разумѣя подъ онымъ *связь многихъ выраженій.*—А посему, сколько есть родовъ выраженій, столько можетъ быть родовъ слога.—Свойства же слога можно раздѣлить на общія и частныя. *Общія* принадлежатъ всѣмъ родамъ его и собственно относятся къ связи выраженій, а *частныя* принадлежатъ къ каждому изъ нихъ особенно. *Общія* свойства слога подлежатъ правиламъ, а *частныя* зависятъ отъ вкусовъ и безчисленны.

Различіе слога, зави-

§ 149. Всякой слогъ имѣетъ свой собственный характеръ; ибо есть картина

идей, рождающихся въ умѣ сочинителя, отпечатокъ его мыслей.—Различіе слога, между прочимъ, зависитъ отъ времени, въ которое пишетъ сочинитель и отъ его просвѣщенія. На свойство слога дѣйствуютъ и физическія причины—полъ и возрастъ. — Легко можно отличить слогъ *мущины* и *женщины, юноши* и *старика.* — Замѣчено, что даже писатели различныхъ странъ имѣютъ свой собственный слогъ, соотвѣтствующій характеру и генію цѣлаго народа.—Роскошный и великолѣпный слогъ Азіатскихъ народовъ, именуемый у насъ обыкновенно *восточнымъ,* видимо отличается отъ простаго и умѣреннаго Европейцевъ. — Слогъ древнихъ писателей отличается отъ новѣйшихъ особенною живостію, или пылкостію воображенія.

сящее отъ времени, пола и возраста, также отъ характера и генія народа.

———

Отдѣленіе 1-е.

Общія свойства слога.

I. *Ясность.*

§ 150. *Ясность* есть основное качество Слога. — Она столь необходима въ сочиненіяхъ, что никакое другое качество не можетъ замѣнить его.—*Квинтиліанъ,* сказавъ, *prima Oratoris virtus est perspicuitas,* потомъ прибавляетъ: не довольно того, чтобъ насъ можно было понимать, должно писать и говорить

Мнѣніе Квинтиліана, Ломоносова и Блера о ясности слога.

такъ, чтобъ не льзя было насъ не понять. — Ясность слога много зависитъ отъ правильнаго употребленія языка и отъ строгаго вниманія къ каждому слову и выраженію. — „Тупа Ораторія, косноязычна Поэзія, неос„новательна Философія безъ Грамматики," такъ говоритъ нашъ *Ломоносовъ*; а *Блеръ* весьма справедливо замѣчаетъ, что незнанію Грамматики должно приписать множество важныхъ ошибокъ, которыя затемняютъ и искажаютъ слогъ нѣкоторыхъ писателей.

Причины темноты слога.

§ 151. *Темнота* Слога происходитъ: 1) отъ сбивчивости мыслей, т. е. когда сами не знаемъ съ точностію, что́ хотимъ сказать; 2) отъ безпорядочнаго размѣщенія знаковъ препинанія и худой разстановки словъ, неразличающихся въ окончаніи; 3) отъ употребленія малоизвѣстныхъ и не въ обыкновенномъ смыслѣ принятыхъ словъ (какъ на прим: онъ *нарочито* пришелъ); 4) отъ излишней подробности; и 5) отъ излишняго старанія быть краткимъ.—Ясность, разсматриваемая въ отношеніи къ словамъ и выраженіямъ, предполагаетъ два качества: *Чистоту* и *Точность*.

Чистота слога и погрѣшности противъ оной.

§ 152. *Чистота* состоитъ въ хорошемъ употребленіи словъ и въ правильномъ словосочиненіи. — Погрѣшности противъ чистоты слога суть: 1) *употребленіе словъ старинныхъ и обветшалыхъ*. — Всякой вѣкъ имѣетъ свой языкъ; писать должно сообразно въ нынѣшнимъ его употребленіемъ. — Слогъ Ѳео-

фана и Кн. Кантемира старъ для нашего времени. — Употреблять слова и выраженія славянскія должно съ большею осторожностію и благоразуміемъ. — Ломоносовъ, который умѣлъ выбирать слова и выраженія изъ книгъ Церковныхъ и древнихъ нашихъ Лѣтописей, не портя чистоты русскаго языка, можетъ служить намъ образцемъ. — Особенно безобразитъ слогъ соединеніе въ одномъ выраженіи высокихъ славянскихъ словъ съ простыми русскими; на прим. онъ *простеръ* правую руку, или, протянулъ *десницу*.

2) *Употребленіе словъ новоизобрѣтенныхъ, не одобренныхъ хорошимъ вкусомъ и не утвержденныхъ общимъ принятіемъ.* — Языкъ слѣдуетъ всегда за успѣхами разума. Пріобрѣтаются понятія, вводятся и новыя слова. — Но право сіе предоставлено великимъ писателямъ: — общее употребленіе новоизобрѣтенныхъ словъ включаетъ ихъ въ составъ языка, который обогащается симъ пріобрѣтеніемъ; на прим. *осѣдлость, отблескъ, очеркъ, временщикъ, будущность, начитанность, застраховать.* — Свойство нашего языка способствуетъ къ изобрѣтенію словъ составныхъ; отсюда родились слова; *среброчешуйчатый, златордяный, благочиніе, голубоокій.*—Многіе старались иностранныя слова переводить русскими; на прим. *лицедѣй* — актеръ, *обликъ* — портретъ, *погрудь* — бюстъ и проч. — Страсть изобрѣтать но-

вые реченія (неологизмы) вреднѣе и опаснѣе пристрастія къ словамъ стариннымъ. — Вотъ еще нѣсколько словъ новыхъ въ связи рѣчи: „И ищетъ гдѣ залегъ олень *роговѣтвистый.*"

Державинъ:

Или:

„Порхая, питается душистымъ дыханіемъ
„Цвѣтовъ *ожемчуженныхъ* росинками свѣтлыми.

Жуковскій.

Или:

Новгородъ насадилъ тамъ первыя сѣмена *гражданственности* и вѣры Христіанской.

Карамзинъ.

3) *Употребленіе безъ нужды словъ иностранныхъ*; на прим. *моральный, флаттировать, резолюція, вояжировать.*—Въ русскомъ языкѣ встрѣчаются слова почти изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ; они отъ древняго употребленія обрусѣли и дали начало производнымъ, которыя должно почитать уже своими собственными; на прим. греческое — *тропъ,* латинское—*роза,* нѣмецкое—*кучеръ,* французское—*свита,* китайское — *чай,* турецкое—*алый,* персидское—*изумрудъ,* татарское—*базаръ* и проч.

4) *Употребленіе словъ и выраженій низкихъ и простонародныхъ*; на прим. *башка, глазѣть, незамай, мала-мальски* и проч.

5) *Употребленіе словъ областныхъ и провинціальныхъ: снимцы, зыбка* (колыбель), *хата* и пр. За лучшее нарѣчіе считается языкъ столицы.

6) Сіи погрѣшности противъ чистоты слога называются *Барбаризмами* и *Солецизмами*. — Нѣкоторые солецизмы, такъ какъ и слова иностранныя, вошли въ общее употребленіе. — Наши предки, переводя книги Св. писанія съ греческаго языка, приняли *грецизмы*, а мы *германизмы*, *галлицизмы*, — отъ всеобщаго упражненія въ нѣмецкой и французской словесности.

Точность слога и условія для соблюденія оной.

§ 153. *Точность* слога состоитъ въ томъ, чтобъ каждое слово, каждое выраженіе именно означало то, что̀ хочетъ сказать сочинитель. — Для соблюденія точности весьма нуженъ строгій разборъ *Синонимовъ*: такъ называются слова, имѣющія, по видимому, одинакія значенія. — Дѣйствительно въ нихъ заключается одна идея, но съ разными оттѣнками, которые ощутительно будутъ примѣтны, если внимательно разсмотрѣть каждаго слова знаменованіе. — Вообще Синонимы можно уподобить разнымъ оттѣнкамъ одной и той же краски. — Объяснимъ примѣромъ: — *хочу* то же, что *желаю*; но первое сопряжено съ нѣкоторымъ требованіемъ, а второе съ нѣкоторою страстію. — *Хотѣть* собственно отъ насъ зависитъ, мы можемъ отмѣнить свое намѣреніе. — *Желаніе* часто бываетъ не произвольно; трудно иногда преодолѣть его. — Исполненіе *хотѣнія* не рѣдко состоитъ въ нашей волѣ; совершеніе *желанія* всегда почти зависитъ отъ посторонней при-

чины; *хотѣніе* тотчасъ обнаруживается; *желаніе* болѣе скрывается втайнѣ. *Хотѣніе* сопряжено съ увѣренностію въ успѣхѣ; *желаніе* съ обманчивою надеждою; а потому *хотѣніе* болѣе относится къ существенности, *желаніе* къ мечтамъ воображенія. — Словомъ — чѣмъ болѣе будемъ разсматривать слова сіи въ разныхъ отношеніяхъ; тѣмъ болѣе замѣтимъ въ нихъ оттѣнки и разность.

Ошибки противъ точности слога.

§ 154. Погрѣшности противъ точности слога суть:

1) *Употребленіе словъ въ ложномъ знаменованіи.* Это происходитъ отъ незнанія языка и невниманія, особливо отъ обманчиваго о вещахъ понятія; напр: слово *подобострастный* принимаютъ въ смыслѣ униженнаго; а въ самомъ дѣлѣ оно означаетъ имѣющаго подобныя страсти, чтó показываетъ самый составъ слова.—*Въ подобострастное намъ облекся еси тѣло* (Лук. Гл. 24 ст. 11.) Должно замѣчать прежнее и нынѣшнее употребленіе словъ: ибо многія слова потеряли свое знаменованіе и получили новое; на прим. *хитрость* значитъ теперь лукавство, а прежде означало искусство; и Краснорѣчіе называли *риторскою хитростію.*—*Дряхлый* значитъ теперь *престарѣлый,* а прежде *печальный.*—*Строгій* прежде означало *острый,* какъ у Ломоносова: „ступаетъ по *вершинамъ строгимъ.*“ — *Опасный,* по нынѣшнему употребленію, вредъ въ себѣ скрывающій; напр:

„Услужливый дуракъ *опаснѣе* врага", а по древнему *осторожный*; напр: Блюдите, како *опасно* ходите.—*Столъ* въ старину—тронъ, престолъ; на прим. у Нестора: „Ярославъ сѣде въ Кіевѣ на *столѣ* отчи."—Отсюда произошли: *столица, Стольникъ.* — *Странный*, теперь *чудный*, а прежде чужеземецъ, странствующій. *Страненъ* бѣхъ и введосте мене.

2) *Соединеніе понятій въ словахъ, происшедшихъ отъ одного корня*; на прим. онъ завоевалъ *пространную страну*; *водопадъ падаетъ* съ горы; *утвердитъ на твердомъ* основаніи; слова — *пространный*, *падаетъ*, *твердомъ* ничего не значатъ: ибо ихъ смыслъ содержится въ словахъ—*страна*, *водопадъ*, *утвердитъ*. — Но если такое соединеніе дѣлается съ намѣреніемъ; тогда составляетъ особенную красоту выраженій; на прим. поимъ Господеви, *славно* бо *прославися*; или: „*Веселье веселитъ*, когда его дѣлятъ"; или: „И кроткой дщери взоръ Петровой „Насъ *жизнью оживляетъ* новой.

3) *Употребленіе лишнихъ и не приличныхъ Эпитетовъ.* — Эпитеты суть представленія, украшающія, или усиливающія другія представленія.—Они, выражаясь приличными именами, различествуютъ отъ прочихъ прилагательныхъ грамматическихъ, которыя показываютъ токмо логическія свойства предметовъ; эпитеты же всякой предметъ представляютъ картиною для воображенія. —

Если предметъ самъ по себѣ занимателенъ; то эпитетъ не придастъ ему красоты; а когда изображеніе, представляемое эпитетомъ, выше, или ниже предмета; то безобразитъ его. — Все сіе объяснится слѣдующимъ примѣромъ изъ Державина: „Мудрецъ восшелъ на *высшій* холмъ „И тамъ склонясь *сѣдымъ челомъ* „Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ *многолѣтнимъ* „И въ низъ изъ подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ „На море, на лѣса, на *сини* цѣпи горъ „И зрѣлъ съ восторгомъ *благолѣпнымъ* „Отъ сна на возстающій міръ.“ — Въ сихъ стихахъ слово *высшій* есть простое грамматическое прилагательное; ибо показываетъ только свойства холма; но прилагательныя—*сѣдой, мшистый, многолѣтній, синій, благолѣпный,* суть эпитеты, представляющіе картины воображенія. — Въ эпитетахъ—*сѣдой и благолѣпный,* нѣтъ точности: *сѣдое чело* быть не можетъ, или представляетъ не пріятное изображеніе.—Въ словѣ *благолѣпный* пустой звукъ; ибо оно ничего не придаетъ восторгу и употреблено только для риѳмы *многолѣтній.* — Сочинители бѣдные мыслями, или молодые, всегда употребляютъ слишкомъ много эпитетовъ, думая распространить и украсить свою рѣчь.—Въ Эпитетахъ, какъ и въ Синонимахъ, должно наблюдать строгую разборчивость. — Сульцеръ говоритъ, что излишество эпитетовъ въ сочиненіяхъ

какого либо рода есть признакъ упадка словесности.

4) *Употребленіе словъ въ двусмысленномъ значеніи*; на прим. сей Государь славится своею *силою* и богатствомъ. — Слово *сила* имѣетъ не точный смыслъ: *крѣпость* ли оно *тѣлесную* означаетъ, или *могущество власти*; силою называются и *войска́*. — Двусмысліе можетъ произойти отъ обоюднаго грамматическаго окончанія слова; на прим. *онъ хотѣлъ сразиться съ послѣднимъ остаткомъ войска*; или: *я увидѣлъ съ горы бѣгущаго человѣка*; или: „Воззри въ лѣса на бегемота „*Что́ Мною сотворенъ съ тобой.*"

II. *Разнообразіе.*

§ 155. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ сей родъ монотоніи въ слогѣ, когда всѣ выраженія въ оборотахъ своихъ одинаковы и вылиты по одной формѣ. — Лучшіе писатели съ особеннымъ искусствомъ умѣютъ разнообразить слогъ въ своихъ сочиненіяхъ.—Возмемъ для примѣра описаніе бури у *Дмитріева*:

„Съ симъ словомъ вдругъ завыла
„Отъ Сѣвера гроза, и небо помрачила;
„Ударилъ грозный вѣтръ, — все рушитъ и валитъ;
„Летитъ, кружится листъ, Тросты гнется—Дубъ стоитъ.
„Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи. . . .

У него же:

„Но солнце вдругъ сокрылось,
„И небо тучами отвсюду обложилось;
„Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда кто въ рѣку,
„Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
„И крикомъ бурю вызываютъ;
„Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ.
„И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ.
„Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
„И пали пастухи со стадомъ. . .

У него же:

„Но вдругъ покрылось небо мглою,
„И прямо страннику (т. е. голубку) въ глаза
„Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать вамъ словомъ,
„Со всею свитою, какъ водится, гроза!

Или у *Крылова*:

„Едва лишь Трость сказала,
„Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
„Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ.
„Уперся Дубъ, къ землѣ Тростиночка припала;
„Бушуетъ вѣтръ—всѣ силы собралъ онъ,
„И вырвалъ съ корнемъ вонъ
„Того, кто небесамъ главой своей касался,
„И въ области тѣней пятою упирался.

У него же:

„Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ встрѣчу дождь и громъ;
„Подъ нимъ какъ океанъ синѣетъ степь кругомъ.

III. *Единство.*

§ 156. При разнообразіи, въ сочиненіи наблюдается *единство слога.*—Надобно, чтобъ всѣ разнообразныя части подчинены были *одной* главной мысли; что́ доказываетъ и Горацій сими словами: *sit denique quodvis simplex duntaxat et unum.*—Надобно, чтобъ въ сочиненіи царствовалъ *одинъ* главный *тонъ*. Такъ въ музыкѣ всѣ голоса различны, но подчинены всѣ главному тону, который идетъ въ продолженіе всей пьэсы. — Сей то родъ гармоніи, разнообразной въ частяхъ и единой въ цѣломъ, весьма нуженъ и въ слогѣ. — Для примѣра разсмотримъ Оду Ломоносова: *Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ,* гдѣ строжайшимъ образомъ соблюдено *единство* въ цѣломъ и въ частяхъ. — Всѣ описанія, всѣ изображенія клонятся къ одной цѣли—представить величество Бога:

„Уже прекрасное свѣтило
„Простерло блескъ свой по земли—
„И Божія дѣла открыло;
„Мой духъ съ веселіемъ внемли!
„Чудяся яснымъ столь лучамъ,
„Представь, каковъ Зиждитель самъ!

„Когда бы смертнымъ толь высоко
„Возможно было возлетѣть,
„Чтобъ къ солнцу бренно наше око
„Могло приближившись воззрѣть;—
„Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
„Горящій вѣчно океанъ.

* * *

„Тамъ огненны валы стремятся
„И не находятъ береговъ;
„Тамъ вихри пламенны крутятся,
„Борясь множество вѣковъ;
„Тамъ камни, какъ вода кипятъ;
„Горящи тамъ дожди шумятъ.

* * *

„Сія ужасная громада
„Какъ искра предъ Тобой одна;
„О сколь пресвѣтлая лампада
„Тобою, Боже, возжена!
„Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
„Что Ты творить намъ повелѣлъ?

* * *

„Отъ мрачной ночи свободились
„Поля, бугры, моря и лѣсъ,
„И взору моему открылись
„Исполнены Твоихъ чудесъ;
„Тамъ всякая взываетъ плоть:
„Великъ Зиждитель нашъ, Господь!

* * *

„Свѣтило дневное блистаетъ
„Лишь только на поверхность тѣлъ;
„Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
„Не зная никакихъ предѣлъ.
„Отъ свѣтлости Твоихъ очей
„Ліется радость твари всей.

„Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
„Простри премудрости лучи
„И что угодно предъ Тобою,
„Всегда творити научи;
„И на Твою взирая тварь,
„Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Кромѣ *единства* чувства, другое достоинство сей Оды состоитъ въ соблюденіи степени восторга, который нигдѣ не ослабѣваетъ и нигдѣ не доходитъ до изступленія; ходъ его равный, величественный, постепенно возвышающійся. — Стихотворецъ спокойно удивляется величію Бога и восхищается красотою утра. — Такой тонъ весьма приличенъ утреннему Гимну, предполагающему изліяніе восторга отъ полноты и избытка чувствъ.—Сіе состояніе духа продолжительно быть не можетъ: *animorum incendia*, говоритъ Цицеронъ, *celeriter restinguuntur*. Воображеніе возноситъ поэта къ тому горнему предѣлу, откуда изливается на землю благодѣтельный огнь и свѣтъ, и что же представляется изумленному его взору? — *Горящій вѣчно океанъ*. — Описаніе сего огненнаго моря, безбрежнаго, ужасно и величественно. — Но какой священный трепетъ объемлетъ душу, когда Ломоносовъ произноситъ слово: *искра*! Это слово тѣмъ поразительнѣе, что тотчасъ слѣдуетъ послѣ великолѣпнаго изображенія солнца. — У Держа-

вина находится подобное мѣсто, превосходное подражаніе превосходному оригиналу:

„Какъ въ ясный мразный день зимой
„Пылинки инея сверкаютъ,
„Вратятся, зыблются, сіяютъ:
„Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой!

Пятая строфа представляетъ образецъ такъ называемаго, лирическаго безпорядка.— Поля, горы, моря, лѣса, вышедшіе изъ ночнаго мрака, являются взору, исполненные чудесъ Божіихъ, слышится ликованіе подсолнечныхъ тварей, коихъ благодарственные гласы сливаются въ одинъ торжественный кликъ благоговѣйнаго восторга: „Великъ Зиждитель нашъ, Господь!" — Нельзя не замѣтить также сихъ прекрасныхъ и трогательныхъ стиховъ:

„Отъ свѣтлости Твоихъ очей
„Ліется радость твари всей.

Это языкъ сыновней любви, изъявляющій свои чувства чадолюбивому отцу въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ!

Ода заключается молитвою къ Богу, къ Солнцу правды, да озаритъ Онъ нашу душу лучемъ небесной мудрости.—Молитва имѣетъ весьма близкое и натуральное отношеніе къ главному предмету—къ солнцу.—Вообще Ода сія, по строгому соблюденію *единства* и восторга, по важности предмета, по богатству воображенія и силѣ чувства, занимаетъ

первое мѣсто между лирическими произведеніями Ломоносова.

IV. *Равность слога съ матеріею.*

§ 157. Слогъ бываетъ равенъ своему предмету тогда, когда всѣ подчиненныя понятія соразмѣрны своимъ главнымъ. — Если мысли главныя возвышенны; всѣ зависящія отъ нихъ должны быть благородны и естественны. — А потому важные предметы, предложенные слогомъ низкимъ, равно какъ и низкіе, предложенные слогомъ высокимъ, даютъ начало всѣмъ сочиненіямъ *на изнанку*, которыя забавны только по тому, что къ главнымъ понятіямъ великимъ присоединены низкія, и обратно. — Такъ Боало изъ *Налоя* сдѣлалъ поэму, а Попэ изъ *Локона волосъ*. Описавъ Гомеровымъ перомъ такіе низкіе предметы, они заставили насъ смѣяться.—Вообще быть ни выше, ни ниже своего предмета, есть рѣдкое достоинство въ писателѣ.

V. *Красивость слога.*

§ 158. Сверхъ упомянутыхъ свойствъ слога, *красивость* есть важнѣйшее средство доставить пріятность сочиненію, особливо, когда оно не есть сухое, учебное, и пишется съ цѣлію преимущественно занять воображеніе.

§ 159. Средства доставить слогу *красивость* суть внѣшнія и внутреннія. Къ пер-

вымъ относится: *благозвучіе*; ко вторымъ: *благородство, краткость, живость* и *естественность.*

1. *Благозвучіе.*

§ 160. Благозвучіе предполагаетъ свободное и непринужденное теченіе рѣчи. — А потому, при составленіи словъ, гласныя и согласныя буквы должны быть размѣщены такъ, чтобы не производили труднаго выговора (hiatus); развѣ это бываетъ съ намѣреніемъ; какъ на примѣръ:

„Урча и клокоча со щеглой поглощаетъ.

Или:

„Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
„Ядро, жужжа, сшибается съ ядромъ.

Или:

„Лишь неслся гулъ издалека,
„Какъ конь скакалъ безъ сѣдока.

Благозвучіе хотя и есть необходимое условіе сочиненія особенно стихотворнаго; но не можетъ иначе быть, какъ въ соединеніи съ другими принадлежностями. — Новость и важность предмета, благородство чувствованій, сила мыслей, вѣрныя картины, чувства высокаго и прекраснаго, соблюденіе приличій: вотъ что составляетъ достоинство каждаго произведенія.

§ 161. Не рѣдко звуками изображается существенное содержаніе рѣчи. — Полные и круглые періоды Ломоносова возбуждают чувство торжественности и величія. — Словами же могут изображаться:

a) *Ощущенія:* гнѣвъ говоритъ скоро и кратко, веселость легко, уныніе протяжно.—Приведемъ въ примѣръ нѣсколько стиховъ изъ трагедіи Крюковскаго: *Пожарскій.* — Герой-патріотъ, погруженный въ думу, говоритъ:

„Въ отечествѣ драгомъ, въ родимой сторонѣ,
„Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ! . . . .
„И предки славные, отечески законы,
„Священны олтари, Царей любимыхъ троны,
„И гробы праотцевъ, обычай ихъ простой. . .
„И потъ кровавый мой, за гражданъ пролитой,
„И слава отъ того и честь пріобрѣтенны. . . .
„Угрюмы скалъ верхи, и горъ пещеры темны,
„И стѣны, камни, всé, и даже самый дымъ
„Жилищъ отеческихъ я въ сердцѣ чту святымъ.

b) *Звуки въ природѣ,* какъ то: *свистать, скрежетать* и проч.—Вотъ примѣръ, отличающійся поразительною звучностію словъ:

„Везувій пламя извергаетъ,
„Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ;
„Багрово зарево сіяетъ,
„Дымъ черный клубомъ въ верхъ летитъ.
„Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
„Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;

„Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ,
„Клокочутъ рѣки рдяной лавы.

Державинъ.

c) *Движеніе* и *медленность.*—Такъ Крыловъ описываетъ Пустынника и друга его Медвѣдя. — Первый усталъ отъ прогулки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

„Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
„Да тотчасъ и заснулъ.
„А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
„У друга на носъ муха сѣла;
„Онъ друга обмахнулъ,
„Взглянулъ—
„А муха на щекѣ, согналъ—а муха снова
„У друга на носу!

Какая быстрота въ разсказѣ! Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою. — Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе медлительность медвѣдя; здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

„Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
„Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
„Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
„Самъ думаетъ: молчи жъ: ужъ я тебя, воструху!
„И, у друга на лбу подкарауля муху,
„Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ.

Всѣ эти слова: *Мишинька, увѣсистый, булыжникъ, переводитъ, думаетъ, подкарауля,*

превосходно выражаютъ медленность и осторожность; за пятью тяжелыми стихами слѣдуетъ быстрое полустишіе: „хвать друга камнемъ въ лобъ!“ — Въ другой баснѣ Крылова: *Лягушки просящія царя*, находимъ стихъ: „Что ходенемъ пошло трясинно государство!“ Живопись въ самыхъ звукахъ! два длинныхъ слова: *ходенемъ и трясинно*, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

§ 162. Для соблюденія благозвучія требуется: 1) нео канчивать рѣчи односложнымъ словомъ; 2) избѣгать стеченія сходныхъ звуковъ въ словахъ, слѣдующихъ одно за другимъ; на прим. *иго горести, онъ на насъ надъется*; 3) не ставить сряду нѣсколько многосложныхъ, или односложныхъ словъ; развѣ это бываетъ съ намѣреніемъ:

„Со всѣхъ лягушки ногъ
„Въ испугѣ помешались,
„Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ!

Въ послѣднемъ стихѣ красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею звучностію представляютъ скачки и прыганье.

Впрочемъ трудно преподать правила для соблюденія благозвучія и непринужденности. Въ семъ случаѣ вѣрнѣйшимъ образомъ руководствуютъ вкусъ и чтеніе хорошихъ писателей.—Изъ Русскихъ авторовъ, въ семъ отношеніи, необходимо читать *Карамзина*,

М. *Муравьева*, *Жуковскаго*, *Батюшкова*, *Пушкина* и *Марлинскаго*.

2. *Благородство слога.*

§ 163. Благородство, или достоинство слога состоитъ: 1) въ соблюденіи благопристойности и въ избѣжаніи всего того, что можетъ оскорбить нравственное чувствованіе; 2) въ соглашеніи слога съ излагаемымъ предметомъ.—Впрочемъ благородство есть понятіе относительное: часто самыя простыя слова получаютъ особенную силу подъ перомъ искуснаго писателя; какъ на прим. у Державина: „Сгустилъ туманы въ облака,— „*Давнулъ* и облака *разсѣлись*;“ *или*: „Вся природа содрогала „Отъ *лихаго* старика;“ *или*: „И горы *треснули* подъ нимъ.“ Тоже у Ломоносова:

„Не Я ли сильною рукою
„Открылъ и разогналъ туманъ,
„И съ суши *сдвигнулъ* океанъ?

3. *Краткость.*

§ 164. Краткость состоитъ въ избѣжаніи всего того, что не нужно для изображенія, или поясненія предмета. — А потому краткости противны: излишняя длиннота словъ, частое повтореніе одной мысли, или выраженія, длинныя вставочныя предложенія и т. п. Вообще тотъ слогъ именуется *краткимъ*,

гдѣ сильныя и богатыя мысли выражены не многими словами; какъ на примѣръ:

„Ужасный видъ! они сразились!
„Ихъ сабли молніей блестятъ,
„Удары тяжкіе творятъ,
„И обѣ разомъ сокрушились.
„Они въ ручной вступили бой:
„Грудь съ грудью, и рука съ рукой;
„Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
„Они стопами землю роютъ;
„Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ;
„Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
„И ребра обоихъ трещатъ;
„То сей, то оный на бокъ гнется,
„Крутятся, и — Ермакъ сломилъ!
„Ты мой теперь! онъ возопилъ,
„И все отнынѣ мнѣ подвластно.

4. *Живость.*

§ 165. Живость слога есть свойство, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ на воображеніе и чувство читателя, и занимаетъ такимъ образомъ всѣ душевныя его силы. — Тропы и фигуры придаютъ особенную живость слогу. — Вотъ прекрасный примѣръ живости слога:

„Пускай веселы тѣни
„Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
„Оставя тайны сѣни
„Стигійскихъ береговъ,
„Изъ области эѳирной,
„Воздушною толпой

„Слетятъ на голосъ лирный
„Бесѣдовать со мной!...
„И мертвые съ живыми
„Вступили въ хоръ единъ!
„Что вижу? ты предъ ними
„Парнасскій исполинъ,
„Пѣвецъ Героевъ, славы,
„Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ;
„Нашъ лебедь величавый
„Плывешь по небесамъ.
„Въ толпѣ и Музъ и Грацій,
„То съ лирой, то съ трубой,
„Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
„Сливаетъ голосъ свой.
„Фантазіи небесной
„Давно любимый сынъ,
„То повѣстью прелестной
„Плѣняетъ Карамзинъ;
„То древню Русь и нравы
„Владиміра времянъ,
„И въ колыбели славы
„Рожденіе Славянъ.
„Съ Эротами играя,
„Философъ и Піитъ,
„Близъ Федра и Пильпая
„Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
„Бесѣдуя съ звѣрями,
„Какъ счастливый дитя,
„Парнасскими цвѣтами
„Скрылъ истину шутя.
„За нимъ въ часы свободы
„Поютъ среди пѣвцовъ
„Два баловня природы,
„Хемницеръ и Крыловъ.

Батюшковъ.

5. *Естественность.*

§ 166. Сколько бы сочиненіе хорошо ни было; но оно не понравится человѣку съ образованнымъ вкусомъ, когда не будетъ *естественно.* Все изъисканное, принужденное, надутое противно естественности (le Naturel) и не можетъ возбудить удовольствія.—Естественность можетъ быть: 1) въ *мысляхъ,* которыя родились, кажется, невольно отъ обстоятельствъ; какъ на прим. „*Похваливаютъ знай Указъ,* да обдираютъ.“

Хемниц. Привилегія.

„*Какъ гнется,* даромъ что высокъ.
(Дмитр. *Сверчки.*)

2) Въ краткомъ и сильномъ изображеніи *характеровъ*; какъ на примѣръ :

„*Возлюбленны мои*! смиренно отвѣчала :
„Я отъ *житейскаго* давно уже отстала ;
„Чѣмъ *грѣшная* могу помочь?
„*Да низпошлетъ вамъ Богъ*! а я и день и ночь
„Молить его за васъ готова.
„*Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.*

Или :

Индѣекъ — *малую толику*
(Дмитр. *Лиса проповѣдница.*)

3) Въ выборѣ простыхъ и приличныхъ *выраженій,* которыя, повидимому, сами собою и безъ всякаго труда намъ представились; какъ на примѣръ:

„Вотъ въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурецъ
„Ахъ мой творецъ!

Или:

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай."
Сосѣдушка! я сытъ по горло. „Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку, послушай!
Ушица, ей—же—ей, на славу сварена." и т. д..

Примѣчаніе. Естественности слога противна *изысканность*. Вотъ два нѣсколько изысканныя выраженія:

„За лугъ уединенный
„Присутствіемъ моей любезной *озаренный.*

Или:

„На тьминѣ, *вспрыснутомъ* росой.
Дмитріевъ.

Отдѣленіе 2-е.

Частныя свойства слога.

Раздѣленіе слога по частнымъ свойствамъ.

§ 167. Выше упомянуто было (§ 148), что частныя свойства слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій зависятъ отъ вкусовъ; а потому и частное раздѣленіе слога многочисленно: слогъ *легкій, блестящій, плавный, трогательный, быстрый, цвѣтущій* и проч. Но всѣ они болѣе, или менѣе относятся къ тремъ главнымъ слогамъ — *простому, среднему и возвышенному.* — Разсмотримъ каждый изъ сихъ слоговъ, присоединивъ къ онымъ слоги *періодическій и отрывистый.*

I. *Слогъ простой.*

§ 168. Простота слога состоитъ въ томъ, когда сочинитель изъясняется въ общепонятныхъ, обыкновенныхъ словахъ и выраженіяхъ. — Подъ выраженіями обыкновенными разумѣются тѣ, которыя употребляются въ повседневномъ разговорѣ, и понятны для людей всѣхъ вообще состояній одной націи. Впрочемъ выраженія низкія, употребляемыя чернію и принадлежащія къ какому нибудь областному нарѣчію, не могутъ имѣть мѣста въ простомъ слогѣ, развѣ только съ особеннымъ намѣреніемъ вводятся. — Въ прозѣ простымъ слогомъ пишутся пріятельскія Письма, Учебныя книги, Разговоры и Повѣсти; а въ поэзіи: Басни, Комедіи, Пѣсни, Сатиры, Пастушескія и другія мелкія стихотворенія. — Вотъ какъ *Хемницеръ* выражается въ одной Баснѣ — *Куры* и *Голубка*:

„Какой то мальчикъ птицъ любилъ,
„Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору,
„И крошками кормилъ.
„Лишь голосъ дастъ ко сбору,
„То куры тутъ, какъ тутъ,
„Отвсюду набѣгутъ. —
„Голубка тоже прилетѣла
„И крошекъ поклевать хотѣла;
„Да той отваги не имѣла,
„Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ;
„Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,

„Голубка прочь да прочь, и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ.—
„А куры, между тѣмъ, съ отвагой наступали
„Клевали крохи, да клевали.“—

Въ этой баснѣ нѣтъ ни одного высокаго, ни низкаго слова; языкъ вездѣ чистъ и правиленъ; нигдѣ въ стихахъ не видно принужденности; кажется, сочинитель не пишетъ, а разговариваетъ.—Прочтите эту басню необразованному человѣку, онъ не найдетъ въ ней ни одного слова, которое было бы для него не понятно.

Погрѣшности противъ простоты слога.

§ 169. Замѣтимъ погрѣшности въ нѣкоторыхъ басняхъ противъ простоты слога.

„Нырну въ глубь моря, тамъ *встрѣчаема* волнами.
(Дмитр. *Летучая рыба.*)

„Лиса, увидѣвши сороку, *вопрошала.*
(Хемниц. *Лисица и Сорока.*)

„Кричитъ ему: *почто* невинныхъ убиваешь.—
(Дмитр. *Совѣсть.*)

Слово *почто* въ обыкновенномъ разговорѣ не имѣетъ мѣста.

„*Хозяямъ* кладъ былъ гость такой.
(Дмитр. *Желанія.*)

Надлежало бы сказать: *хозяевамъ*, тѣмъ болѣе, что здѣсь говоритъ самъ сочинитель, который не долженъ изъясняться языкомъ черни.

„А дома *стеречи* съѣстное отъ мышей.—
(Крыл. *Котъ и Поваръ.*)

„Бѣда, коль пироги начнетъ *печи* сапожникъ.—
(*Щука и Котъ.*)

„*Гуторя* слуги *вздоръ*, плетутся въ слѣдъ шажкомъ.—
(*Муха и дорожные.*)

„*Глядитко насъ*, какъ мы махнемъ.
(К. *Обозъ.*)

Гуторить и *глядѣть* суть глаголы средніе и никакимъ падежемъ не управляютъ.— Притомъ *гуторить* слово низкое.

Подчиненные роды простаго слога.

§ 170. Разность описываемыхъ предметовъ, цѣль сочиненія и особенное свойство писателя производятъ многіе *подчиненные* роды простаго слога, изъ коихъ замѣтимъ слоги: *сухой, растянутый, сжатый* и *простодушный*, или безъискуственный.

Разность слоговъ сухаго, растянутаго и сжатаго.

§ 171. *Сухой* слогъ собственно принадлежитъ наукамъ.—Онъ избѣгаетъ всѣхъ украшеній и требуетъ особенной ясности. — При худомъ расположеніи предложеній и тяжеломъ строеніи періодовъ, онъ переходитъ въ жесткій и шероховатый.—*Растянутый* слогъ позволяетъ пространныя описанія, синонимы, многословія, приготовленные переходы и прикрасы всѣхъ родовъ. — Сей слогъ часто обращается въ слабый, скучный и вялый.—*Сжатый* слогъ въ немногихъ, сильныхъ словахъ и выраженіяхъ высказываетъ все. — Краткость, быстрота и живость суть отличительныя его свойства.

Отличительное свойство слога простодушнаго.

§ 172. *Простодушный* слогъ дышитъ прелестною естественностію, и состоитъ въ вѣрномъ и какъ бы необдуманномъ выраженіи того, что чувствуютъ. — Онъ позволяетъ извѣстную мѣру украшеній; но избѣгаетъ всего блестящаго, *чопорнаго*; вообще все великолѣпное и *нарядное въ выраженіи* ему противоположно.—Слогъ сей съ перваго взгляда кажется небрежнымъ и легкимъ; но въ существѣ своемъ самый трудный. — Черты простодушнаго открываются въ дѣтяхъ, въ поселянахъ, коихъ характеры не испорчены, и въ мирныхъ пастухахъ, относимыхъ воображеніемъ къ золотому вѣку. А потому, изъ всѣхъ родовъ стихотвореній, чаще встрѣчаются мѣста простодушныя въ *Еклогахъ* и *Идилліяхъ*.

Писатели.

§ 173. Изъ Русскихъ писателей Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ умѣли присвоить себѣ голосъ простосердечія: что́ необходимо для баснописцевъ.—Мы всегда съ живѣйшимъ участіемъ читаемъ басни ихъ, забывая насмѣшки и укоризны аллегорическихъ лицъ, за коими скрываются сочинители. — Богдановичева поэма: *Душенька* исполнена выраженій, прельщающихъ насъ необычайною простотою, отголоскомъ души доброй, чувствительной, откровенной. — Приведемъ нѣсколько примѣровъ простосердечнаго слога.

„Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
„Въ дали отъ города, въ глуши.—

„Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
„А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
„Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
„Мнѣ скажутъ: а лужокъ, а темная дуброва,
„Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
„Прекрасны, что и говорить!
„А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Вотъ истинное простодушіе Лафонтена, который вѣрно не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился Русскимъ!

Въ баснѣ Дмитріева: *Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ*—сей послѣдній такъ описываетъ своей матери пѣтуха:

„Онъ ими (крыльями) такъ махалъ,
„И такъ ужасно горло дралъ,
„Что я таки не трусъ, а *подавай Богъ ноги.*—

Или:

„Ты, мой спаситель! говоритъ;
„Мнѣ не забыть того, пока жива я буду;
„А между тѣмъ . . . *уже не въ мочь моей спинѣ.*

Дмитріевъ въ баснѣ: *Человѣкъ и Конь.*

Или:

„Какой то былъ кащей, и денегъ тму имѣлъ;
„А *сказывалъ онъ самъ*, что онъ разбогатѣлъ,
„Не криводушно поступая.—

Хемницеръ.

Въ *письмахъ обитателя предмѣстія* (соч. М. Н. Муравьева) нравственныя истины

изложены съ рѣдкимъ простодушіемъ и облечены въ самыя пріятныя формы слога. Не видимъ ли доброй души Автора въ слѣдующихъ словахъ: „Никакое непріятное воспоминаніе не о„травляетъ моего уединенія: чувствую серд„це мое способнымъ къ добродѣтели; оно „бьется съ сладостною чувствительностію „при единомъ помышленіи о какомъ либо дѣлѣ „благотворительности и великодушія. — Ка„кое счастіе отереть слезы невинно страж„дущаго, оказать услугу маломощному! но „что я скажу о дружбѣ? чувствовать „себя въ другомъ, разумѣть другъ друга „столь искренно, столь скоро, при единомъ „словѣ, при единомъ взорѣ!—кто называетъ „дружбу, называетъ добродѣтель.“

Примѣчаніе. Старинныя, или *простонародныя* наши пѣсни отличаются единственнымъ въ своемъ родѣ чистосердечіемъ.

Разность между мыслями тонкими, глубокими и естественными.

§ 174. Отъ простодушныхъ и естественныхъ мыслей должно отличать, такъ называемыя, *тонкія мысли* (les pensées fines).— Извѣстно, что въ мысляхъ есть опредѣленная цѣпь, коею онѣ вяжутся между собою. Когда, держась сей цѣпи, мы перебираемъ по порядку каждое ея звѣно, и, ступая медленнымъ шагомъ, отъ предъидущаго переходимъ къ ближайшему; тогда мыслимъ мы *просто* и *естественно*. — Но случается, что части мыслей бываютъ поставлены столь близко

между собою, что, остановившись на одной, можно видѣть множество за нею послѣдующихъ.—Итакъ если писатель, опустивъ нѣсколько мыслей, тѣсно связанныхъ съ главною и легко подразумѣваемыхъ, переходитъ прямо къ той, которою начинается другой горизонтъ зрѣнія; то образъ такого мышленія называется *тонкимъ*. — Когда въ мысли, предложенной съ тонкостію, кроется важная истина; тогда мысль называется *глубокою*. *Флоръ*, римскій историкъ (жившій въ концѣ I вѣка, по Р. Х.) описывая войну македонскую, въ трехъ словахъ даетъ совершенное объ оной понятіе: *introisse — victoria fuit*;—надобно только появиться, чтобъ одержать побѣду. — Онъ одною чертою изображаетъ всѣ дѣла и всю жизнь Сципіона, когда говоритъ о его младенчествѣ: *hic erit Scipio, qui tum in exitium Africae crevit*.—Онъ же даетъ вдругъ разумѣть и славу Римлянъ, и характеръ Аннибала, и положеніе вселенныя въ сихъ словахъ: *Hannibal profugus ex Africa, hostem populo Romano toto orbe quaerebat*. Часто тонкость мыслей держится на непримѣтномъ различіи двухъ словъ, которыя съ перваго взгляда кажутся подобозначущими. — Тотъ же историкъ Флоръ всѣ ошибки Аннибаловы выражаетъ въ сихъ словахъ: *cum victoriâ posset uti, frui maluit*.—Здѣсь *uti* и *frui*—два слова близкія, но поставленныя въ разномъ смыслѣ, дѣлаютъ всю тонкость мысли.

Дѣйствіе мыслей тонкихъ.

§ 175. Удовольствіе, получаемое отъ *тонкихъ мыслей,* основано на томъ, что онѣ упражняютъ умъ. — Дополняя понятія, опущенныя писателемъ, мы, кажется, раздѣляемъ съ нимъ его дарованія. — Отдавая справедливость ему, мы непримѣтно хвалимъ себя; и когда говоримъ, что онъ мыслитъ тонко, всегда подразумѣваемъ—такъ какъ и мы. Писатель долженъ бросить, если можно такъ сказать, только сѣмена мыслей, а раскрыть ихъ и привесть въ зрѣлость, долженъ оставить читателю.—Отсюда происходитъ, что мы чувствуемъ скуку и родъ усталости, читая сочиненія, въ коихъ писатель, переходя мѣдленно изъ понятія въ понятіе, не ведетъ насъ за собою, но издали за нами слѣдуетъ.—Такимъ образомъ хотѣть высказать все, есть вѣрный способъ не сказать ничего.

Слѣдствія излишняго утонченія мыслей.

§ 176. Сей скучной ясности противополагается *излишнее мыслей утонченіе.* — Величайшее искусство писателя состоитъ въ томъ, чтобы знать сколько должно опустить понятій и сколько читатель можетъ подразумѣвать.—Если онъ опуститъ менѣе, нежели сколько содержится въ главномъ понятіи; онъ будетъ скученъ: ибо будетъ слишкомъ ясенъ. — Если онъ опуститъ ихъ болѣе, и съ главной мысли ступитъ на другую, слишкомъ отдаленную; если онъ принудитъ читателя угадывать себя; онъ опять

будетъ скученъ: ибо будетъ слишкомъ тонокъ.

§ 177. Писать просто и естественно не только въ стихахъ, но и прозѣ, есть дѣло весьма трудное.—Для сего потребно особенное искусство, которое пріобрѣтается не столько ученіемъ и чтеніемъ книгъ, сколько посредствомъ обращенія съ людьми лучшаго тона. — Впрочемъ и чтеніе образцовыхъ въ семъ родѣ писателей весьма полезно потому, что, подражая имъ, можно сохранить въ сочиненіи надлежащую точность и приличіе.

II. *Слогъ средній.*

Отличительныя свойства слога средняго.

§ 178. Средній, или умѣренный слогъ, отличается полнотою и богатствомъ выраженій. — Возвышаясь весьма примѣтно надъ простымъ, или народнымъ слогомъ, онъ удерживается отъ сильныхъ и смѣлыхъ порывовъ слога возвышеннаго. — Занимая воображеніе, онъ позволяетъ себѣ нѣкоторую мѣру ораторскихъ украшеній, которыя должны быть больше пріятны, нежели блестящи, больше трогательны, нежели высоки. — Обыкновенное мѣсто его во всѣхъ нравственныхъ Разсужденіяхъ, важныхъ и страстныхъ Письмахъ, прагматическихъ повѣствованіяхъ и въ нѣкоторыхъ Рѣчахъ. — Вотъ примѣръ слога средняго:

„И Екатерина на тронѣ! . . Уже на без-„смертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей

„незабвенный день для Россіи; удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе . . .
„Красота въ образѣ воинственной Паллады!
„вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя
„усердія въ груди ихъ! . . Предъ нею священ-
„ный ужасъ и Геній Россіи! . . Опираясь на
„мужество, Богиня шествуетъ, и Слава, гремя
„въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу
„Ея вѣнокъ лавровый! . . . .

Карамзинъ въ Похвальн: Словѣ Екатеринѣ II.

III. *Слогъ возвышенный.*

Свойства слога возвышеннаго и употребленіе его.

§ 179. Возвышенный слогъ есть связь такихъ выраженій, въ коихъ понятія подчиненныя суть понятія великія. — Иногда главная мысль, съ которою соединены сіи понятія, бываетъ мысль обыкновенная: тѣмъ не менѣе однакожъ слогъ бываетъ величественъ, и сочиненіе настроено на высокій тонъ.—Вообще слогъ сей сильно дѣйствуетъ на воображеніе, представляетъ смѣлыя и разительныя картины, и отличается гармоническимъ расположеніемъ словъ. — Онъ приличенъ Трагедіямъ, героическимъ Одамъ, Гимнамъ и Поэмамъ; но преимущественно принадлежитъ, собственно такъ называемому, Краснорѣчію, или торжественнымъ Рѣчамъ. — И Цицеронъ замѣчаетъ: *Eloquentiam, quae admirationem non habet, nullam judico. Lib. ad Brutum.*

Какія мысли особенно возвы-

§ 180. Слогъ преимущественно можетъ возвыситься тогда, когда мысли берутся: 1)

шают слогъ?

отъ *Религіи*, 2) отъ *природы*, 3) отъ *высокихъ страстей*.

1) Мысли, взятыя отъ Религіи.

1. Можно ли, чтобъ слогъ не возвысился, когда говоримъ о *Религіи*? Возможно ли безъ нѣкоего благоговѣйнаго восторга говорить о Существѣ, превосходящемъ всѣ силы нашего воображенія, Существѣ, вѣсящемъ дланію своею вселенную и измѣряющемъ единымъ перстомъ своимъ все возможное пространство? Посему-то ничего нельзя представить величественнѣе, какъ слогъ нашихъ Пророковъ, когда они говорятъ о Немъ. Читая, напримѣръ, Псалмы Давида, исполненные самыхъ высокихъ мыслей и изображеній, вездѣ видимъ въ царствующемъ Пророкѣ человѣка вдохновеннаго Богомъ. — Вотъ нѣсколько стиховъ изъ переложеннаго Дмитріевымъ 48-го Псалма:

„Кто въ блескахъ молніи низходитъ,
„Колеблетъ гласомъ горъ сердца,
„И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
„Природыль вижу я Творца?
„Онъ, Онъ.—Се мечь въ десной сверкаетъ,
„А въ шуйцѣ вѣчные вѣсы;
„Се къ вамъ, народы, онъ вѣщаетъ.
„О грозны, страшные часы!

Далѣе представляется Бога, вѣщающимъ къ смертнымъ:

„Я всю вселенную объемлю
„И въ длани жизнь ея ношу;
„Я вздоху насѣкомыхъ внемлю,
„Хощу — и солнцы погашу!

. . . .

„О лицемѣры! вѣчноль стану
„Я громъ удерживать въ рукахъ?
„Вострепещите! гряну, гряну,
„И уничтожу яко прахъ.

Примѣчаніе. Знаменитые поэты древности, при высокихъ своихъ изображеніяхъ, всегда прибѣгали къ богамъ; и всякой разъ, когда говорили они о божествахъ своихъ, были высоки. — Какое пареніе пріемлетъ Горацій, когда онъ воспѣваетъ хвалы своего Юпитера. Это есть существо:

. . . . „Qui res h. m'num ac deorum,
„Qui mare et terras, variis que mundum
„Tempe-at horis.

Od. XII. L. I.

2) Мысли, взятыя отъ природы.

2. *Природа* представляетъ намъ зрѣлища великія и зрѣлища красивыя, явленія, возбуждающія рѣдкостію, великолѣпіемъ, все наше вниманіе, и вселяющія въ душу удивленіе, смѣшанное со страхомъ. — И можно ли, описывая ихъ, не быть высокимъ? Можно ли говорить безъ возвышенія о сихъ ужасныхъ буряхъ, что, вылетая изъ глубокихъ Сѣвера пещеръ, несутъ страхъ и опустошеніе, раздираютъ со стономъ атмосферу и исторгаютъ столѣтніе дубы съ корнемъ изъ земли? Такъ *Виргилій* пламеннымъ перомъ изобразилъ царство Эола и возбужденную имъ бурю. Uid. Aen. lib. I.—У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, былъ сильно

пораженъ явленіями природы—солнцемъ, которое, въ должайшіе дни лѣта, дошедъ до края горизонта, снова возстаетъ, и снова течетъ по тверди небесной; сѣвернымъ сіяніемъ, которое въ полуночномъ краю замѣняетъ солнце. — Онъ съ какимъ то особенным удовольствіемъ описываетъ сіи явленія природы величественныя и прекрасныя, и повторяетъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ:

„Достигло дневное до полночи свѣтило,
„Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
„Какъ пламе́нна гора казалось средь валовъ,
„И простирало блескъ багровый изъ за льдовъ.
„Среди чудесныя при ясномъ солнцѣ ночи,
„Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ
въ очи.

3) Великія *страсти*, будучи обыкновенно соединены съ великими дѣйствіями, возвышаютъ слогъ. Сюда относится гнѣвъ, мщеніе и проч. особливо гнѣвъ боговъ, представляемый древними поэтами. — Что́ можетъ быть возвышеннѣе, какъ рѣчь *Юноны*, ищущей отмстить Енею? Vid. Aen. lib. I. Сюда же принадлежитъ рѣчь Дидоны, оставленной Енеемъ: *ibit hic, ait, et nostris illuserit advena regnis*? а особливо подъ конецъ: *exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor-et cet. Aen. lib.* IV. *vers.* 590 — 629. Великія страсти полагаютъ основу великимъ характерамъ; и отсюда—то происходитъ, что описанія и мысли ихъ бываютъ возвышенны.

3) Мысли, взятыя отъ великихъ страстей.

Не многими словами Горацій изображаетъ Катона:

„Et cuncta terrarum subacta,
„Praeter atrocem animum Catonis.

Horat. Lib. II. od. I.

Характеръ Регула, описанный Гораціемъ же, вселяетъ къ себѣ родъ благоговѣнія: умъ едва вѣритъ, чтобъ это былъ человѣкъ.

Заключимъ сужденія наши о возвышенномъ слогѣ слѣдующею Рѣчію, которая, по высокости мыслей и чувствованій, достойна толь великой Монархини, каковую Россія созерцала въ Екатеринѣ II:

Пресвѣтлѣйшая Императрица!

„Оставимъ Астрономамъ доказывать, что „земля вкругъ солнца обращается: наше Солн„це вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, „да мы въ благополучіи почиваемъ.—Изходиши, „Милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чер„тога своего; радуешися, яко исполинъ тещи „путь. — Отъ края моря Балтійскаго до „края Эвксинскаго шествіе твое; да тако ни „единъ изъ подданныхъ Твоихъ укрыется бла„годѣтельныя теплоты Твоея. — Хотя же „мы и покоимся Твоимъ безспокойствіемъ, и „не горькими хожденіями Твоими спимъ „сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ „смоковницею своею, яко же Израиль во дни „Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, „туда и очи и сердца наши обращаемъ, амо „же теченіе Твое.

„Тецы убо, о Солнце наше! спѣшно; те-
„цы исполинскими стопами во всѣхъ Тво-
„ихъ благонамѣреніяхъ: къ Западу только
„жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ,
„яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца на-
„ши простирая къ Небу, возопіемъ: стой,
„Солнце, и не движись, дондеже вся, великимъ
„Твоимъ намѣреніямъ противная, торже-
„ственно побѣдиши!“

Архіепископъ Георгій.

IV. *Слоги періодическій и отрывистый.*

Отличіе слога періодическаго.

§ 181. Слогъ *періодическій*, называвшійся у Древнихъ *stilus asiaticus*, и употребляемый особенно Ораторами, наблюдаетъ полноту періодовъ и неразрывную связь мыслей; онъ обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и придаетъ рѣчи плавность и выразительность. Особенный характеръ *періода* состоитъ въ томъ, что, читая его, не льзя остановиться до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ его окончишь; а потому онъ сравнивается съ оборотомъ (ambitus), или кругомъ (circulus).—Слѣдующая мысль, украшенная вдохновеннымъ изреченіемъ Царя Псалмопѣвца, можетъ служить примѣромъ періодическаго слога:

„Часто размышлялъ я, Каковъ Тотъ, ко-
„торый всесильнымъ мановеніемъ управля-
„етъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его,
„и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и
„воздымятся.“— Но мыслямъ человѣческимъ

„предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть „не могутъ; обыкновенно представляютъ Его „въ человѣческомъ видѣ.—И такъ, ежели че„ловѣка, Богу подобнаго, по нашему поня„тію, найти надобно, кромѣ Петра Велика-го не обрѣтаю.“

Ломоносовъ въ Похвальн. Сл. Петру В.

Свойства слога Лаконическаго.

§ 182. Слогъ *отрывистый* (stilus laconicus) состоитъ или изъ *простыхъ*, отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга предложенiй, или изъ *сложныхъ* предложенiй, которыя имѣютъ свои отдѣльные члены, заключающiе въ себѣ особенный, полный смыслъ. — Сей слогъ, придающiй рѣчи видимую быстроту и живость, употребляется въ изображенiи сильныхъ страстей, краткихъ повѣстяхъ, разговорахъ и прiятельскихъ письмахъ. — Вотъ примѣръ слога отрывистаго, отличающiйся живостiю и легкостiю разсказа:

„Въ Иль-де-франсѣ плоды уже зрѣлы—въ „Пикардiи зелены — въ окрестностяхъ Бу„лони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ.—Пе„ремѣна климата чувствительна на каждой „милѣ—и воображенiе, что я удаляюсь отъ „благословенныхъ странъ юга, горестно для „души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ „сѣверу.

„Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ „деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почто-

„ваго двора, смотрю чрезъ луга и поля на „синѣющееся вдали море и на городъ Кале, „окруженный болотами и песками.

„Странное чувство! мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта. — Тамъ необозримое море—конецъ земли, природа хладѣетъ, умираетъ и слезы мои льются ручьями.

„Кто видитъ мои слезы? кто беретъ „участіе въ моей горести? кому изъясню „чувства мои? Я одинъ—одинъ! . . . Друзья! „гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше „сердце? кто утѣшитъ печальнаго? — О милыя узы отечества, родства и дружбы! я „васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — „чувствую и лобызаю съ нѣжностію!“

Карамзинъ.

Примѣчаніе. Древняя Спарта блистала своимъ *Лаконизмомъ,* который есть рѣдкій даръ, отголосокъ великой души.— *Умремъ за отечество* — были слова Леонида и трехъ сотъ сподвижниковъ его, трупами своими увѣковѣчившихъ имя Ѳермопилъ. — *Veni, vidi, vici,* слова Цесаря, восхищаютъ Сенатъ и народъ римскій. И Россія гордится мужемъ, котораго побѣды столь же быстры, сколь слова кратки. *Быстрота, глазомѣръ, натискъ:* вотъ Лаконизмъ тактики Суворова!— *Съ нами Богъ! впередъ! Россійское войско побѣдоносно! ура!* — слова его предъ сра-

женіемъ.—*Ура! чудо богатыри! слава, побѣда! великъ Богъ Русскихъ!* слова его послѣ сраженія. — Или: *пуля дура, штыкъ молодецъ* и проч.

Отдѣленіе 3-е.

Средства образовать себя въ хорошемъ слогѣ.

Достаточно ли одного знанія правилъ для успѣха въ сочиненіи?

§ 183. Теперь намъ извѣстны употребительнѣйшіе роды слога. — Но знать только отличительныя свойства оныхъ еще не довольно для того, чтобъ писать чисто и краснорѣчиво.—Сочинять съ успѣхомъ можно тогда, когда умъ имѣетъ всю свободу мыслить, когда не развлекается пріисканіемъ пристойныхъ оборотовъ и реченій.—Сіи легкія заботы надобно оставить одному перу. Воображеніе должно заниматься тѣмъ, чтобъ снять образъ вещи, или составить ея картину въ умѣ: краски, тѣни, все нужное къ тому, чтобъ написать ее, должно быть уже готово, или родиться вдругъ.—Но какъ скоро на каждой строкѣ теченіе мыслей вашихъ будетъ прерываться; какъ скоро для каждой мысли вамъ нужно будетъ спрашивать у вашей памяти словъ и выраженій: отчайтесь написать что нибудь хорошее. — Воображеніе ваше, разсѣянное по столь многимъ предметамъ, потеряетъ свою силу, его

жаръ охладѣетъ, и вы напишете твореніе несвязное, безъ огня, безъ силы.

§ 184. И такъ, при дарованіяхъ природныхъ, при знаніи правилъ, къ главнымъ средствамъ, содѣйствующимъ совершенству писателя, отнести должно: 1) *чтеніе*, 2) *подраженіе*, 3) *упражненіе* и 4) *образованіе вкуса*. Пособія образовать себя въ слогѣ.

1. *Чтеніе.*

§ 185. *Чтеніе* замѣняетъ обращеніе съ людьми.—Подобно ему, оно нечувствительно вводитъ насъ въ мысли писателя; мы позна́емъ духъ его, привыкаемъ къ оборотамъ его выраженій, чувствуемъ съ нимъ и сливаемъ, такъ сказать, свой умъ съ его умомъ.—Покажите мнѣ вашихъ друзей, говоритъ одинъ изъ древнихъ мудрецовъ, и я позна́ю ваши нравы; покажите мнѣ ваши книги, можно къ сему прибавить, и я опредѣлю родъ вашего просвѣщенія: ибо, читая творенія образцовыхъ писателей, мы не примѣтно пріемлемъ ихъ образъ мыслей и пріучаемся видѣть и чувствовать, какъ они видятъ и чувствуютъ.—Не получаетъ ли слово проповѣдника особенную убѣдительность, важность и силу, когда онъ занимается чтеніемъ Пророковъ, а особливо псалмопѣвца Давида. — Знаменитые духовные Ораторы образовали себя по симъ высокимъ подлинникамъ, и Ломоносовъ, не безъ причины, совѣтуетъ упражнять- Польза чтенія.

ся въ чтеніи Церковныхъ книгъ: пользу сего онъ дозналъ собственнымъ опытомъ.

Правила касательно выбора и порядка чтенія.

§ 186. Въ разсужденіи выбора и порядка чтенія необходимо наблюдать слѣдующее: 1) начиная образовать свой слогъ, должно сперва читать лучшихъ прозаиковъ, потомъ ужѐ и стихотворцевъ; 2) избирать для чтенія не только Авторовъ, отлично пишущихъ во всѣхъ трехъ главныхъ родахъ слога, но еще самыя лучшія ихъ творенія; 3) читать мало, но внимательно, съ размышленіемъ и разсудительностію: таковое только чтеніе дастъ вамъ возможность замѣтить красоты и совершенства, или недостатки произведенія; 4) наблюдать постепенный ходъ отъ легкаго къ трудному; 5) подчинять чтеніе пріятное назидательному; 6) избѣгать чтенія надутыхъ писателей; 7) при зрѣломъ только разсудкѣ и усовершенствованіи вкуса, можно читать Авторовъ съ обольстительными красотами и приманчивыми недостатками; и 8) особенно замѣчать свойства и характеръ каждаго писателя.

Чтеніе съ подробнымъ разборомъ сочиненія.

§ 187. Опытные наставники Словесности предлагаютъ соединять съ чтеніемъ еще другія необходимыя для достиженія показанной цѣли упражненія.—По прочтеніи образцоваго сочиненія, полезно написать о немъ свое сужденіе, съ показаніемъ цѣлаго плана и главныхъ мыслей въ логическомъ ихъ порядкѣ, для составленія яснаго обзора; по-

томъ сокращенно представить употребленныя въ сочиненіи какъ доказательства, такъ и возраженія съ отвѣтами; изъяснить основанія, на коихъ они размѣщены и соединены, и наконецъ все это заключить своимъ мнѣніемъ о слогѣ и дарованіи писателя.— Такое упражненіе можетъ ясно открыть намъ употребленное Авторомъ искусство въ сочиненіи, относительно къ языку, мыслямъ и способу изложенія.

2. *Подражаніе.*

§ 188. *Подражать*, въ обширномъ смыслѣ, значитъ руководствоваться въ дѣйствіяхъ своихъ оригинальными образцами. — Но въ Словесности подражать не что другое есть, какъ смотрѣть на вещи съ той же точки зрѣнія, съ которой смотритъ другой, или переносить красоты подлинника въ свои произведенія свойственнымъ себѣ образомъ. — Польза подражанія простирается столь далеко, что и высокіе умы, не смотря на превосходство свое, руководствовались образцами другихъ.—Произвести что нибудь оригинальное безъ всякаго заимствованія и принаровки есть дѣло ума необыкновеннаго.

Что должно имѣть въ виду, подражая классическимъ писателямъ?

§ 189. Въ подражаніи надобно имѣть въ виду: или *сравниться* съ *подлинникомъ*, или *превзойти оный*; а потому и въ самомъ подражаніи должны блистать черты оригинальности.—Такъ поступали великіе умы! Пла-

тонъ и другіе подражали Омиру, который, можетъ быть, и самъ имѣлъ образцы.—Виргилій почти во всѣхъ своихъ твореніяхъ подражалъ и Омиру, и Ѳеокриту, и Изіоду. Горацій имѣлъ образцами Алцея и Пиндара, Теренцій Менандра. Изъ Русскихъ писателей: Державинъ подражалъ Горацію и Анакреону, Озеровъ въ своемъ Эдипѣ Дюсису, Дмитріевъ и Крыловъ Лафонтену.—Произведенія Геніевъ то же, что произведенія природы. — Съ нихъ вѣчно будутъ списывать, и самые сіи списки будутъ важными, коль скоро отражается въ нихъ блескъ и достоинство подлинниковъ. — Если мы сравнимъ Оду Державина къ *Памятнику* съ таковымъ же стихотвореніемъ Горація; мы найдемъ, что первыя двѣ строфы сего стихотворенія содержатъ близкій и удачный переводъ первыхъ 7-ми стиховъ Горація, выключая примѣненіе, сдѣланное Державинымъ къ себѣ, какъ къ Россіянину, въ словѣ *Славяновъ*. — Но послѣдующія строфы можно назвать самымъ счастливымъ подражаніемъ Русскаго поэта Латинскому. — Начало слѣдующей Оды Державина *на смерть Графини Румянцовой* есть прекрасное подражаніе также Горацію:

„Не безпрестанно дождь стремится
„На класы съ черныхъ облаковъ,
„И море не всегда струится
„Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ. . . и т. д. . .

Латинскій лирикъ такъ начинаетъ:

„Non semper imbres nubibus hispidos
„Manant in agros, aut mare Caspium
„Uexant inaequales procellae. . . et cet. . . . .
Lib, 11. od. 6. ad Ualgium.

§ 190. Подражать не есть всегда слабость. — Мы знаемъ, что всѣ извѣстные по своимъ твореніямъ отечественные наши писатели во многомъ подражали древнимъ и новымъ писателямъ, и во многомъ превосходили самые подлинники.—Если, на примѣръ, будемъ сравнивать Басню: *Два Голубя*, написанную *Крыловымъ* съ Баснею *Дмитріева* того же имени; то найдемъ обѣ Басни одинаково совершенными: въ нихъ разсказъ равно пріятный, въ послѣдней болѣе Поэзіи, (разумѣя здѣсь подъ словомъ *Поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными,) краткости и силы въ слогѣ; за то въ первой чувства выражены съ бо́льшимъ простодушіемъ. — Но оба наши Баснописцы имѣли въ виду французскую Басню *deux pigeons* Лафонтена и съ нимъ сравнились. Вотъ начало Басни сей у *Дмитріева*: Сличеніе Дмитріева Басни: два Голубя, съ таковою же Баснею Крылова.

„Два Голубя друзьями были,
„Издавна вмѣстѣ жили,
„И кушали и пили.

У Крылова:

„Два Голубя, какъ два родные брата, жили:
„Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
„Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ;

„И радость и печаль, все было по поламъ.
„Не видѣли они, какъ время пролетало:
„Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Лафонтена:

„Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre."

Но они ни мало не излишни. — Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Притомъ здѣсь удачно замѣнены красоты подлинника собственными! Послѣдній стихъ особенно замѣчателенъ по простотѣ и нѣжности:

„Бывало грустно имъ, а скучно не бывало."
„Ну, кажется, кудабъ хотѣть
„Или отъ милой, иль отъ друга?
„Нѣтъ; вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть.

И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ; но въ нихъ съ особеннымъ простодушіемъ выражено нѣжное чувство!

Слѣдующіе прекрасные стихи *Дмитріева*, выражающіе горесть разлуки двухъ Голубковъ:

. . . . „Простижъ! . . . при сихъ словахъ,
„На мѣсто всѣхъ *увы*! и *ахъ*!
„Друзья взглянулись, поклевались,
„Вздохнули и разстались.
„Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ. . . . .

замѣнены у Крылова только двумя, но не столь трогательными стихами:

„Тутъ (дѣлать нечего) друзья поцѣловались,
„Простились и расстались.

За то, если не ошибаюсь, у Крылова лучше изображена буря въ одномъ живописномъ стихѣ.

„Вдругъ встрѣчу дождь и громъ;
„Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Приближеніе опасности Голубка — путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ, Крыловымъ представлено въ картинѣ:

„Ужъ когти хищные надъ нимъ разспущены,
„Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.

Въ Лафонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ. Дмитріева же стихи не столь живописны:

„Ко прибавленью страха,
„Явился вдругъ соколъ, и со всего размаха
„Напалъ на бѣдняка. . . . . .

Но въ замѣнъ того, прекрасный стихъ Лафонтена, выпущенный Крыловымъ, Дмитріевъ перевелъ весьма удачно:

„*Le pigeon profita du conflit des voleurs* —
„И такъ, благодаря стеченію воровъ. . . .

Стихъ тѣмъ замѣчательный, что въ немъ Стихотворецъ, какъ бы мимоходомъ, *намѣ-*

каетъ на то, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности.

Заключеніе Басни пріятно разсказано обоими Баснописцами, съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи Лафонтена собственными, а Дмитріевъ перевелъ весьма удачно Французскаго Баснописца.

Предосудительность рабскихъ подражаній.

§ 191. Эстетическое *подражаніе*, сказалъ Изіодъ, есть *правдоподобный обманъ* — и въ сихъ двухъ словахъ заключилъ два главнѣйшихъ закона.—Оно не должно ограничиваться точностію образца своего, но обольщать насъ подобіемъ. — Умный подражатель отличается тѣмъ, что онъ избираетъ изящнѣйшее для подражанія и даетъ подражанію живой видъ подлинника. —Рабски подражая, никогда не льзя произвести такого дѣйствія.— И такъ должно руководствоваться, но не быть невольникомъ руководителя; должно подражать, но не быть прикованнымъ къ образцу своему. — Потому-то предосудительны подражанія *механическія*, въ которыхъ встрѣчаемъ не красоты оригинала, не духъ автора, но единственно рабское послѣдованіе даже его погрѣшностямъ. — О сихъ то подражателяхъ сказалъ Горацій: *O imitatores! servum pecus!* — . . . . Съ сей точки зрѣнія разсматривая труды *А. Сумарокова* и *Княжнина*, не льзя не замѣтить разности между сими двумя писателями. — Пусть говорятъ, что

Сумароковъ подражалъ въ своихъ Трагедіяхъ французскимъ писателямъ: это не унизительно. — Онъ, почувствовавъ въ иностранныхъ писателяхъ изящность расположенія завязокъ и развязокъ, разнообразіе характеровъ, старался сіе искусство перенесть на свой театръ. Между тѣмъ какъ Княжнинъ не подражалъ всѣмъ французскимъ Трагикамъ вмѣстѣ, но переводилъ изъ нихъ.—Желая вездѣ быть высокимъ, онъ въ одной сценѣ Росслава помѣстилъ всѣ высокія слова, разсѣянныя въ разныхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Волтера. — Почти ни одинъ планъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ не принадлежатъ ему. — Такъ подражать значитъ быть копистомъ и лучшее представлять въ худшемъ видѣ.

Причины разногласія въ выборѣ образцовъ для подражанія.

§ 192. Неоспоримо, что одинъ только находится истинный *вкусъ*, понимающій настоящую цѣну *изящнаго*; но сей вкусъ не можетъ быть повсемственнымъ. — Въ толикомъ множествѣ людей, населяющихъ землю, различныхъ по роду и воспитанію, климату, по свойствамъ, пристрастіямъ и образу мыслей, сколько различныхъ сужденій о природѣ изящества предположить должно! Одинъ восхищается тѣмъ, на что прочіе взираютъ съ хладнокровіемъ; другаго плѣняетъ то, что иные отвергаютъ съ презрѣніемъ; третій почитаетъ существенною красотою очевидные недостатки. — Изъ сего происходитъ без-

конечное разногласіе въ выборѣ образцовъ и въ самомъ даже подражаніи. — Желать подчинить правиламъ всѣ таковыя измѣненія значитъ желать невозможнаго.

3. *Упражненіе.*

Польза и необходимость упражненія въ сочиненіи.

§ 193. Надобно прежде изчерпать всѣ роды заблужденій, чтобъ дойти до истины, говоритъ Фонтенель. — Надобно прежде изчерпать все посредственное, чтобъ потомъ написать истинно краснорѣчивое; это потому, что умъ нашъ усовершается постепенно, и усовершается собственнымъ своимъ *упражненіемъ*. — Тысячи изображеній нравились намъ въ первыхъ опытахъ нашего пера. — Они имѣли для насъ удовольствіе новости; они ласкали нашему самолюбію: ибо они были, такъ сказать, первенцы нашего ума. — Но мы поступили далѣе; произвели нѣчто лучше; вкусъ нашъ утончился; и мы поднялись на высоту, съ которой, взирая на сіи первыя покушенія, смѣемся и себѣ и имъ. — Прибавьте къ сему, что въ словѣ есть таинственные и невдругъ постигаемые умомъ оттѣнки, кои только, долговременно *упражняясь*, мы можемъ сами примѣтить; но которыхъ ни чтеніе, ни правила намъ открывать не могутъ. — Вотъ мнѣніе Квинтиліана: *scribendum quam diligentissime et quam plurimum.* — Горацій также сказалъ: *saepe stilum vertas.* — Цицеронъ тоже подтверждаетъ: *sti-*

lus optimus dicendi magister. — Тацитъ: *exercitatio artem paravit, ars decorem.* — Впрочемъ излишне много доказывать необходимость упражненія: за чѣмъ доказывать, что, не рисовавъ своею кистію, не можно составлять картинъ, хотя и можно быть умозрительнымъ знатокомъ оныхъ? за чѣмъ доказывать, что, не учась играть на инструментахъ, не можно быть музыкантомъ, хотя и можно знать ноты? — И такъ мы ограничимся только нѣкоторыми о семъ замѣчаніями.

Первое условіе для начинающихъ упражняться въ сочиненіи.

§ 194. Первое замѣчаніе и необходимое условіе для достиженія совершенства въ сочиненіи будетъ сіе: напишите нѣсколько сочиненій, прочитайте ихъ съ доброю критикою, бросьте ихъ потомъ въ огонь и продолжайте далѣе писать. — Первое послѣдующее за ними твореніе положитъ эпоху вашего краснорѣчія, и вы можете быть увѣрены, что совершили первый къ тому шагъ. Я знаю, что сіе правило покажется строгимъ.—Въ самомъ дѣлѣ, разстаться съ толь прекрасными твореніями, каковы обыкновенно бываютъ наши, и, что всего хуже, бросить въ огонь, какъ слабые и начальные опыты пера — это есть ударъ для самолюбія. Но не надобно себя обманывать, говоритъ Лонгинъ. Хотя точка совершенства въ краснорѣчіи отстоитъ далеко, даже и самъ Цицеронъ, по собственному его сознанію, не достигъ ея; тѣмъ не менѣе должно стремиться

къ оной, должно испытывать себя во всѣхъ слогахъ, пока не узнáете, который наиболѣе соотвѣтствуетъ вашимъ склонностямъ; не должно отчаяваться при первой неудачѣ, не пугаться трудностей, на первомъ шагѣ встрѣчающихся; ибо, при безпрерывномъ упражненіи, пріобрѣтается болѣе навыка.

Второе необходимое правило при сочиненіи, предлагаемое Гораціемъ.

§ 195. Второе правило для сочиненія даетъ Горацій въ сихъ стихахъ:

„Scribendi recte sapere et principium et fons;
„Rem tibi Socraticae poterunt ostendere chartae;
„Uerba que rem provisam non invita sequentur

И такъ, избравъ достойный предметъ для сочиненія, должно размыслить объ ономъ, раздробить его на части и обдумать каждую часть особенно; потомъ взвѣсить: сообразенъ ли сей предметъ съ нашими силами, помня мудрый совѣтъ Горація:

„Sumite materiem vestris, qui scribitis, aequam
„Viribus, et versate diu, quid ferre recusent
„Quid valeant humeri. . . .

Послѣ уже положить главныя мысли на бумагу; не теряя изъ виду правило того же Горація: *Primum ne medio, medium ne discrepet imo*; не подрываетъ ли одна мысль другую, и имѣютъ ли всѣ мысли единство, столь нужное въ словѣ. — Такимъ образомъ получится первая основа рѣчи; но это еще будутъ однѣ, такъ сказать, кости; надобно навести на нихъ тѣло и дать имъ жизнь.—Здѣсь во-

ображеніе должно дѣйствовать: ибо разумъ уже окончилъ свою работу. Оно дастъ симъ сухимъ частямъ ихъ полноту, и въ сіе мертвое тѣло вдохнетъ жизнь. — Но какъ производится сіе чудесное одушевленіе слова, это есть тайна, столь же непостижимая для насъ, какъ и созданіе человѣка. — Творческая сила воображенія извѣстна только намъ по ея дѣйствіямъ, а не по самой себѣ.

§ 196. Но сего не довольно, чтобъ найти мысли для сочиненія, надобно сдѣлать изъ нихъ выборъ. Въ этомъ успѣть можно только при вѣрномъ *вкусѣ*: ибо какимъ образомъ можно узнать съ перваго, такъ сказать, прикосновенія, къ какому роду принадлежитъ извѣстная матерія, не имѣя твердыхъ и постоянныхъ признаковъ.—Въ слѣдующемъ Отдѣленіи предложатся основанія усовершенствовать и образовать вкусъ. Вѣрный вкусъ можетъ только научить выбору мыслей.

§ 197. Сочиненіе имѣетъ свои возрасты, такъ какъ и человѣкъ.—Сіи возрасты очень нужно знать, дабы ошибкою не прибавить себѣ лѣтъ и не почесть себя мужемъ въ лѣтахъ юности, или младенчества. — Всегда нужно знать точку совершенства и умѣть опредѣлить въ отношеніи къ ней свое мѣсто. Счастливъ, кто *упражненіемъ* и силою ума можетъ сократить время младенческаго возраста въ сочиненіяхъ; ибо есть люди, которые никогда изъ него не выходили. — Сіи вѣчные младенцы не смѣютъ подняться выше пер- О возрастахъ, или эпохахъ сочиненія.

ваго ихъ круга; и все, что время можетъ сдѣлать съ ними, это пріучать ихъ идти скоро, но всегда путемъ общимъ, проложеннымъ за нѣсколько вѣковъ тысячію умовъ посредственныхъ.

Отдѣленіе 4-е.

О Вкусѣ.

Различныя значенія слова: вкусъ и способъ опредѣлить его.

§ 198. Слово *вкусъ* въ собственномъ смыслѣ означаетъ чувство, распознающее пріятность пищи и питія. — Философы, вникая въ природу человѣка, примѣтили другую способность, сей подобную, и назвали ее *вкусомъ*. — Дѣйствія оной способности весьма ощутительны; но мѣсто, занимаемое ею между прочими дарами природы, не совсѣмъ еще опредѣлено. — А потому если хотимъ изслѣдовать *вкусъ*; то должны вникнуть въ его дѣйствія, дабы посредствомъ сего дойти до простѣйшихъ началъ, его составляющихъ.

Можно ли отнести вкусъ къ однѣмъ только умственнымъ способностямъ?

§ 199. Дѣйствія *вкуса* такъ сложны, что не льзя отнести его ни къ высшимъ способностямъ, ни къ однимъ чувствованіямъ. Если отнести его къ разуму; то въ немъ не найдемъ довольной причины тѣхъ дѣйствій, которыя приписываемъ *вкусу*. — Не логическіе доводы, выводимые одинъ изъ другаго, не глубокія сужденія ума убѣждаютъ насъ: почему Омировы Поэмы прекрас-

ны, Рафаелевы картины изящны, роза, или другой какой либо цвѣтокъ, прелестны? Почему занимаютъ насъ развалины? Почему одинъ человѣкъ съ перваго раза болѣе нравится, нежели другой? довольно одного взгляда,—и мы очарованы. При томъ есть такія красоты въ природѣ, которыми производятся одинаковыя дѣйствія какъ въ философѣ, такъ и въ простолюдинѣ. — Философъ и крестьянинъ, дитя и мужъ, равно останавливаются предъ огромнымъ, блистательнымъ зданіемъ, предъ колоссальною статуею, равно любятъ смотрѣть на лучезарную радугу.—Отъ чего иногда бездѣлка, часто вредная въ своихъ послѣдствіяхъ, утѣшаетъ насъ болѣе, нежели что либо хорошее, нами самими за таковое по разсудку признанное? мы къ сей бездѣлкѣ привыкаемъ, привычка обращается въ страсть; и послѣ многихъ лѣтъ спроси насъ, почему она нравилась, мы не въ состояніи сказать причины. — Слѣдовательно способность ощущать удовольствія при красотахъ не можетъ зависѣть только отъ дѣйствія одной мыслящей силы.

§ 200. И такъ главное основаніе *вкуса* заключается болѣе въ нѣкоторой врожденной, похожей на инстинктъ, чувствительности къ прекрасному. — Чтобъ болѣе въ семъ увѣриться, стоитъ только сравнить законы чувствованія съ законами *вкуса*. — Мы знаемъ изъ опыта, что чувствованія на- (Вкусъ относится болѣе къ чувствованіямъ.)

*

ши иногда бываютъ живѣе и яснѣе, а иногда слабѣе и смѣшаннѣе, смотря по разстоянію между предметами и нашими чувствами. Сему закону подчинена также способность чувствовать красоты и недостатки. — Читая Поэму Омирову, мы не чувствуемъ такого удовольствія, какое чувствовалъ Аѳинянинъ. — Языкъ Омировъ отдѣляетъ насъ отъ предметовъ, имъ описываемыхъ, гармонія словъ, если и прельщаетъ насъ; то не во всей своей силѣ. — Но когда читаемъ подобное сочиненіе на отечественномъ языкѣ; то дѣйствіе изображаемыхъ красотъ гораздо для насъ ощутительнѣе: ибо слова природнаго языка тѣсно соединены съ предметами.

Вкусъ въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется разсудкомъ.

§ 201. Хотя *вкусъ* и имѣетъ основаніемъ внутреннія чувства; однакожъ въ своихъ занятіяхъ подчиняется разуму. — И если отдѣлить здравый разсудокъ отъ вкуса; то онъ будетъ простою чувствительностію, которая легко можетъ удалиться отъ своего предмета, и ложныя красоты покажутся ей истинными. Отъ того-то грубые народы, у которыхъ чувственность подчинена попечительности природы, имѣютъ странныя наклонности. — Одинъ разумъ распространяетъ область и силы вкуса.

Выведенное изъ прежнихъ сужденій опредѣ-

§ 202. Предположивъ, что *вкусъ* есть плодъ природы и науки, мы можемъ сдѣлать опредѣленіе онаго. — *Основательный вкусъ* бу-

детъ не иное что, какъ *врожденное чувство изящнаго, утонченное прилѣжнымъ наблюденіемъ красотъ всѣхъ родовъ и управляемое разборчивостію до высочайшей степени образованнаго ума.*—Дабы въ семъ удостовѣриться, стоитъ только замѣтить, что всѣ труды Генія суть подражанія природѣ, изображенія характеровъ, нравовъ и дѣйствій человѣческихъ.—Удовольствіе, находимое нами въ такихъ подражаніяхъ, или изображеніяхъ, основывается на *вкусѣ*;—но судить о точности и вѣрности оныхъ принадлежитъ разсудку, который сравниваетъ копію съ оригиналомъ. — На примѣръ, чтеніе Виргиліевой *Энеиды* доставляетъ намъ удовольствіе. — Мы замѣчаемъ въ ней хорошій планъ, ходъ повѣствованія, существенное отношеніе всѣхъ частей, характеры, взятые изъ природы, или вымышленные, слогъ, приличный характерамъ и чувствованіямъ лицъ, и все это, сосредоточиваясь въ нашей душѣ, приводитъ ее въ восхищеніе.—Въ этомъ случаѣ вкусъ обладаетъ удовольствіемъ, получаемымъ нами отъ чтенія, а разсудокъ вникаетъ въ расположеніе и стройность Поэмы.—И чѣмъ болѣе умъ нашъ становится способнымъ открывать приличія и порядокъ въ сочиненіяхъ, тѣмъ болѣе умножается наше наслажденіе.

леніе вкуса и поясненіе онаго примѣромъ.

§ 203. Нельзя не присовокупить къ сему неоспоримую истину: хорошій вкусъ тре-

Хорошій вкусъ предполагаетъ

доброту и чувствительность сердца.

буетъ добраго, чувствительнаго и нѣжнаго сердца.—Красоты нравственныя не только сами по себѣ превосходнѣе всѣхъ; но онѣ, при всякомъ случаѣ, имѣютъ великое вліяніе почти на всѣ другіе предметы вкуса.—Тотъ, котораго чувства грубы, кто не удивляется всему высокому, и кто не питаетъ въ душѣ чувствованій кроткихъ и чистыхъ; тотъ никогда не будетъ вкушать удовольствія и при совершеннѣйшихъ красотахъ Краснорѣчія и Поэзіи.

Вкусъ есть врожденное чувство всякому человѣку.

§ 204. И такъ *вкусъ* состоитъ изъ разныхъ началъ, болѣе или менѣе участвующихъ въ его дѣйствіяхъ.—Судя по врожденности оныхъ, можно заключить, что первыя сѣмена вкуса влагаетъ въ насъ природа. Дитя, строющее изъ картъ свои домики, чертящее свои изображенія, услаждающееся звукомъ своихъ погремушекъ, даетъ намъ разумѣть, что въ немъ кроются первыя сѣмена вкуса; и сколь ни мелки его упражненія, между тѣмъ однакожъ они открываютъ, что онъ рожденъ съ чувствіемъ соразмѣрности, порядка, подражанія и согласія.—Самые грубые поселяне съ удивленіемъ слушаютъ романическія похожденія скитающагося рыцарства, тяжелые и нескладные стихи деревенской пѣсни. — Въ самыхъ даже Американскихъ пустыняхъ дикіе имѣютъ свои наряды, свои военныя и надгробныя пѣсни, свои рѣчи и своихъ ораторовъ. —Китайскія жен-

щины любятъ свои маленькія ноги, Караибская дѣвушка ходитъ съ узорчатымъ лицемъ, съ узорчатыми руками, Друзу нравится остраяя голова, а Малабарцу длинныя уши.—Таковая привязанность различныхъ народовъ къ нѣкоторымъ вещамъ не есть ли доказательство врожденности вкуса?—Человѣку не меньше свойственно имѣть нѣкоторую разборчивость въ прекрасномъ, какъ и обладать способностію ума и даромъ слова.

Степени вкуса у дикихъ и образованныхъ народовъ.

§ 205. Но хотя нѣтъ ни одного человѣка, лишеннаго *вкуса*; однакожъ въ разсужденіи степеней онаго находится между людьми великая разность. — Дикіе, водясь одною чувственностію, не способны къ умозрѣніямъ; мирныя красоты не останавливаютъ ихъ взоровъ, на нихъ только дѣйствуютъ грозныя явленія природы. — Съ холодностію пробѣгаетъ Ирокезецъ прекрасныя долины, но съ изумленіемъ останавливается при шумномъ водопадѣ и чтитъ въ немъ божество, ему не извѣстное.—Таковая холодность къ мирнымъ красотамъ природы есть слѣдствіе слабости умственныхъ способностей и недостатка чувствительности. — Но и между образованными—степени вкуса весьма различны. — У однихъ едва примѣтны нѣкоторые слѣды сего рѣдкаго дара, а у другихъ вкусъ восходитъ до тончайшей разборчивости, до самыхъ нѣжнѣйшихъ красотъ. — „Первыхъ душу можно сравнить, (по выраженію Мерз-

лякова) „съ грубымъ металломъ, или камнемъ „не полированнымъ, на который упадая сол„нечные лучи, разсѣваются безъ отраженія и „блеска. — Другихъ сердце похоже на крис„тальную Нютонову призму, которая свои„ми гранями, гладкостію, принимая и удер„живая свѣтъ, раздробляетъ его, умножаетъ „и отражаетъ на всѣ предметы, какіе угодно.“

Большая замѣтна разность между людьми во вкусѣ, нежели въ способностяхъ ума.

§ 206. Можно вообще замѣтить, что неравенство между людьми болѣе ощутительно въ способности вкуса и его наслажденіяхъ, нежели въ общемъ смыслѣ и разсудкѣ.—Строеніе нашей природы въ семъ отношеніи, равно какъ и во всѣхъ другихъ, показываетъ дивную премудрость Отца Небеснаго.—Онъ менѣе положилъ различія между людьми въ дарахъ разсудка; но въ разсужденіи даровъ, служащихъ къ украшенію жизни, былъ бережливѣе; — Онъ умѣреннѣе разсыпалъ сѣмена удовольствій, чтобъ сдѣлать ихъ для насъ дороже и заставить насъ болѣе трудиться о ихъ образованіи.

Вкусъ, подобно прочимъ чувствамъ, усовершается чрезъ упражненіе.

§ 207. Неравенство вкуса между людьми зависитъ отъ разнаго ихъ сложенія, отъ большей, или меньшей нѣжности органовъ, отъ быстроты силъ умственныхъ; но наиболѣе отъ образованія и воспитанія. — Сія несомнѣнная истина ведетъ насъ къ другой: *Вкусъ можетъ быть приводимъ въ совершенство*, подобно прочимъ нашимъ физическимъ

и умственнымъ силамъ.—Ежедневный опытъ удостовѣряетъ насъ, что зрѣніе, слухъ, словомъ, всѣ чувства наружныя утончаются постепенно. — Глазъ, на примѣръ, привыкаетъ къ распознанію нѣжнѣйшихъ оттенковъ живописи, занимаясь картинами и разсматривая произведенія самыхъ лучшихъ артистовъ. Тоже можно сказать и о слухѣ: сперва нравится ему простая музыка, потомъ привыкаетъ онъ чувствовать сладость гармоніи и мелодіи. — Не подобнымъ ли образомъ привыкаемъ мы судить и о красотахъ сочиненія? Чрезъ разсматриваніе лучшихъ образцовъ, чрезъ изученіе лучшихъ писателей, чрезъ сравненіе красотъ однѣхъ съ другими, достигаемъ мы до утонченія вкуса. — И сіе-то быстрое, нѣжное, тонкое, вѣрное чувство изящнаго въ вещахъ называется *добрымъ вкусомъ.*

Способъ усовершенствованія вкуса, предлагаемый Батё.

§. 208. Хотя вкусъ самъ по себѣ и способенъ къ образованію; однакожъ метода усовершенствованія онаго весьма затруднительна. — Такъ какъ вкусъ есть сложная способность; то воспитаніе дѣтей должно быть сообразно съ его началами. — Если все вниманіе обращено будетъ на образованіе умственныхъ способностей; то разумъ сдѣлается тиранномъ для чувственности. — Съ другой стороны и чувственность не должна выходить изъ руководства разума. — Въ семъ отношеніи способъ образованія вкуса, пред-

лагаемый Батё, кажется не совершеннымъ.— „Чтобъ предупредить пороки вкуса, онъ со„вѣтуетъ сначала занимать дѣтей тѣмъ толь„ко, что возбуждаетъ пріятное и тихое чув„ствованіе, всячески стараться удалять отъ „нихъ скучныя и досадительныя идеи." — Но мы рождены не для однихъ только восторговъ. — Надобно, чтобъ мы знали улыбнуться, видя благополучіе близкихъ къ нашему сердцу, и могли также чувствовать жестокость ихъ злополучія.—И можетъ ли вытерпѣть такимъ образомъ изнѣженный юноша, если судьба перенесетъ его въ царство ужасовъ, въ жилище скуки и уединенія? Слѣдовательно, сколько можно, надлежитъ стараться уравнить начала вкуса; иначе оный не можетъ быть вѣрнымъ.

По какимъ признакамъ узнается совершенный вкусъ?

§ 209. Отличительныя черты, или признаки вкуса, доведеннаго до возможнаго совершенства, суть: a) *чувствительность*, b) *тонкость*, или *нѣжность*, c) *вѣрность* и d) *соразмѣрность* между собою началъ вкуса. — Усовершеніе сихъ четырехъ способностей есть усовершеніе самаго вкуса.

1. *Чувствительность вкуса.*

Что разумѣется подъ чувствительностію вкуса?

§ 210. Чтобы наслаждаться прекраснымъ и отдѣлять его отъ безобразнаго, надобно прежде чувствовать; надобно, чтобъ душа поражалась всѣмъ, что къ чувствамъ ни прикоснется,—словомъ, надобна *чув-*

ствительность. — Ничто не можетъ замѣнить недостатокъ сей изящной способности. Самый тонкій и проницательный умъ одинъ не можетъ быть судьею въ дѣлахъ вкуса. Природа всѣмъ дала сѣмена чувствительности; но не во всѣхъ равно они возрасли и созрѣли. — Въ однихъ подавлены или грубостію воспитанія, или суровымъ образомъ жизни; въ другихъ чувствіе, будучи обращено на предметы мелкіе, потеряло бодрость и силу, нужныя къ тому, чтобъ принимать впечатлѣнія отъ предметовъ изящныхъ. Одно только *упражненіе*, сообщая легкость понимать и соображать красоты, питаетъ и изощряетъ нашу чувствительность. — Безпрерывное упражненіе въ изящныхъ письменахъ для многихъ дѣлается господствующею страстію и совершенною необходимостію.

2. *Нѣжность вкуса.*

§ 211. Второе качество, доброму вкусу приличное, есть *утонченіе*, или *нѣжность*. Вкусъ называется нѣжнымъ, когда чувствуетъ живо и скоро сокровеннѣйшіе оттѣнки предмета, когда ничто отъ его наблюденій не скрыто, и самыя маловажныя погрѣшности оскорбляютъ его. — Мы сначала видимъ въ вещахъ тѣ только красоты и недостатки, которые, такъ сказать, бросаются въ глаза; но привычка и упражненіе дѣлаютъ насъ разборчивѣе и пріучаютъ, не останав-

Въ чемъ состоитъ нѣжность вкуса, и чѣмъ оная пріобрѣтается?

ливаясь на первыхъ и часто грубыхъ пораженіяхъ предмета, проходитъ къ отдаленнѣйшимъ и тончайшимъ. — Надобно только раскрыть исторію вкуса, чтобъ примѣтить сей ходъ разума человѣческаго въ изящномъ. — Ѳеатръ Ѳесписа, забавлявшій шутками и кривляньями, нравился Грекамъ, пока они еще не имѣли ничего лучшаго, пока Софоклъ и Еврипидъ не показали имъ Мельпомену во всемъ ея величествѣ, пока творенія сихъ Геніевъ не научили сердце чувствовать и поражаться. — Римляне равняли Еннія съ Омиромъ, доколѣ не имѣли Виргилія: *Ennius et sapiens, et fortis, et alter Homerus.* — Они соглашались выучить наизусть Невія, доколѣ не имѣли произведеній Теренція. — Они удивлялись Плавту, доколѣ вѣкъ Августа не произвелъ всеобщаго переворота во вкусѣ. Равномѣрно и у насъ, современники *Хемницера* не умѣли оцѣнить талантовъ его и почти совсѣмъ не знали о первыхъ вышедшихъ его Басняхъ; а между тѣмъ восхищались низкими притчами Сумарокова.

По какому признаку узнается утонченный вкусъ?

§ 212. Отличительный признакъ утонченности вкуса состоитъ въ томъ, что мы дѣлаемъ въ умѣ нѣкоторое отвлеченное и Платоническое изображеніе изящнаго во всякомъ родѣ. — Апеллесъ, желая представить въ Венерѣ образъ совершенной красоты, долженъ былъ занимать отъ прекраснѣйшихъ лучшее. — Великіе ораторы

образовали по сему правилу свой вкусъ. — Не останавливаясь ни на одномъ образцѣ, они отъ всѣхъ брали наилучшее, и, составивъ изъ того нѣчто цѣлое, начертали образъ красоты совершенной, и съ нимъ сличая свои и другихъ творенія, назначали истинную оцѣнку. — Въ такомъ-то духѣ написалъ Цицеронъ своего Оратора. Онъ снималъ, такъ сказать, съ воображенія своего образъ витіи, и, начертавъ его совершенства, показалъ брату.—По сему-то образу судилъ онъ о самомъ Демосѳенѣ и находилъ, что онъ близокъ къ совершенству; но вполнѣ еще не достигъ его. — Тоже самое говоритъ онъ объ Антоніи: *M. Antonius disertos, ait, se vidisse multos, eloquentem omnino neminem* et cet. . . . И такъ нужно читать много и разбирать отличные образцы, чтобъ пріобрѣсть сію тонкость вкуса.

3. *Вѣрность вкуса.*

§ 213. *Вѣрнымъ* называется вкусъ тогда, когда умѣетъ опредѣлить степень изящнаго въ предметѣ, отличить ложныя красоты отъ истинныхъ и отнесть ихъ къ извѣстному роду.—Вообще вѣрность, или правильность вкуса зависитъ особенно отъ того пособія, какое получаетъ онъ отъ связи своей съ разсудкомъ, который во всѣхъ случаяхъ служитъ ему руководителемъ. — Правильный вкусъ съ точностію цѣнитъ дос-

тоинства различныхъ красотъ, встрѣчающихся въ твореніи Генія; онъ полагаетъ великое различіе между пламеннымъ и нѣжнымъ Виргилія — и порывистымъ Лукана, между высокимъ Пиндара и напыщеннымъ его подражателей, между тонкимъ Цицерона и Горація — и тонкимъ Сенеки и Плинія, между естественнымъ Теренція и низкимъ Плавта.

Вѣрность вкуса пріобрѣтается разборчивостію чтенія лучшихъ писателей.

§ 214. Сколько съ одной стороны нужно имѣть вѣрный вкусъ, столько съ другой трудно его пріобрѣсть.—Единое пособіе къ сему есть твердость сужденія и извѣстный порядокъ въ *чтеніи.* Вотъ для чего совѣтуютъ быть осторожнѣе и избирать образцы, сколько можно, совершенные.—Чей вкусъ будетъ ими направленъ; тотъ входитъ, такъ сказать, въ самый духъ писателя, знаетъ образъ его мыслей, понимаетъ его съ одного слова, и по тончайшимъ оттѣнкамъ вездѣ узнаетъ его кисть, вездѣ открываетъ его почеркъ.—Сказываютъ, что у Рафаеля на картинѣ, въ отсутствіе его, провелъ двѣ черты Анжело такъ, что никто сего не примѣтилъ. Рафаель только взглянулъ на сіи черты—и узналъ руку Анжело. — Вотъ образъ вѣрнаго вкуса!—Сіе совершенство столь трудное и столь неоцѣненное въ словѣ, чтобъ узнать по слогу сочинителя, или по одному отрывку, все сочиненіе, составляетъ окон-

чательную и самую важную черту въ вѣрности вкуса.

Примѣчаніе. — *Нѣжность* и *вѣрность* вкуса рѣдко бываютъ одна безъ другой. — Вкусъ не можетъ быть отлично нѣжнымъ, не бывъ правильнымъ. — *Нѣжность* вкуса особливо оказывается въ отличеніи подлиннаго достоинства сочиненія; — *правильность* же въ отверженіи ложныхъ требованій на достоинство. —*Нѣжность* основана на чувствѣ, а *правильность* на сужденіи ума; первая— даръ природы, послѣдняя—плодъ образованности и искусства.— Между древними критиками Лонгинъ обладалъ болѣе нѣжностію, а Аристотель болѣе точностію; у насъ Ломоносовъ болѣе правиленъ, Державинъ болѣе игривъ и нѣженъ.

4. *Соразмѣрность началъ вкуса.*

§ 215. Чувствительность, тонкость и вѣрность суть какъ бы три начальныя стихіи, изъ которыхъ слагается *добрый вкусъ*. Сего однакожъ не довольно, чтобъ всѣ онѣ въ составъ его входили; надобно, чтобъ онѣ были соразмѣрны, чтобъ одно начало не перевѣшивало другихъ. — Если одна чувствительность преизбыточествуетъ во вкусѣ; то онъ будетъ всѣмъ поражаться; понятія его будутъ столь живы и быстры, что ему не возможно будетъ свѣсить красоты съ недостатками: ибо тѣ и другіе будетъ чув-

ствовать онъ слишкомъ сильно.—Если вкусъ будетъ до излишества вѣренъ; онъ будетъ все дробить, все разрѣшать и мало чувствовать. Если же вкусъ будетъ слишкомъ тонокъ; онъ вездѣ будетъ искать красотъ, едва примѣчаемыхъ; твореніе простое и естественное для него будетъ скучно: онъ потребуетъ однѣхъ эпиграммъ и загадокъ.

Слѣдствіе излишней тонкости вкуса.

§ 216. Примѣчено, что *излишняя тонкость* вкуса всегда предвѣщала упадокъ Словесности.—Когда великіе Писатели займутъ всѣ роды красотъ; когда изчерпаютъ все богатство языка; когда Цицероны, Виргиліи и Гораціи возвысятъ слово до послѣдней точки совершенства: тогда умамъ послѣдующимъ неостанется ничего болѣе, какъ подражать имъ, или искать новыхъ путей. — Но поелику всѣ истинные источники краснорѣчія заняты; тогда остается почерпать изъ ложныхъ, играть словами, утончать мысли, изъ всего дѣлать эпиграммы, словомъ, тогда бываетъ время появляться *Сенекамъ* и *Плиніямъ*. — Первый обширныя дарованія, блистательный умъ, глубокія свѣденія — все затмилъ, вездѣ ища тонкости, вездѣ отступая отъ природы.—Сіи пороки Сенеки тѣмъ опаснѣе, по словамъ Квинтиліана, чѣмъ болѣе они въ немъ обольстительны: *dulcibus abundat vitiis.* — Панегирикъ Плинія Траяну всегда будетъ образцемъ мыслей тонкихъ, выраженій остроумныхъ, слога краснорѣчиваго,

но вкуса повреждающагося: поелику сочинитель до излишества выказывалъ свой умъ и утончалъ мысли. И вотъ тому доказательство: Нерва, усыновивъ Траяна, скоро потомъ умеръ. — Происшествіе простое, и надобно ли искать сему причины отдаленной? Плиній однакожъ говоритъ: „Нерва вошелъ въ „число боговъ (вмѣсто умеръ) собственно „для того, чтобы послѣ столь безсмертнаго „дѣянія не учинить чего нибудь обыкновен„наго.“—Сего еще не довольно: надобно что нибудь тонѣе; надобно было прибавить Плинію, что „боги сами хотѣли почтить дѣя„нія Нервы и вмѣстѣ заставить потомковъ „сомнѣваться, не богомъ ли будучи, усы„новилъ онъ Траяна?“ Вотъ примѣры излишняго утонченія, и вотъ въ чемъ упрекаетъ Квинтиліанъ своихъ современниковъ. *Nos melius*, говоритъ онъ, *quibus sordet omnia, quae natura dictavit, non ornamenta, sed lenocinia quaerimus.*

§ 217. Вкусъ совершенный чувствуетъ всѣ роды изящнаго и ими услаждается. — Онъ соединяетъ въ себѣ по равной мѣрѣ всѣ начала вкуса: онъ равно чувствителенъ, какъ и тонокъ, равно тонокъ, какъ и вѣренъ. — Если къ симъ дарамъ разсудка природа присовокупитъ еще живое воображеніе и изобрѣтательный умъ; изъ сего счастливаго соединенія талантовъ произойдетъ отличный Ораторъ, который произнесетъ все особливымъ тономъ, который будетъ высокъ въ великомъ, красивъ въ пріятномъ, простъ въ

Признаки совершеннаго вкуса.

естественномъ: *qui et humilia subtiliter, et magna graviter et mediocria temperate potest dicere.* — Таково есть изображеніе его въ умѣ; но отыщемъ ли мы его подлинникъ въ природѣ?

Находятся ли вѣрныя средства отличать истинный вкусъ отъ ложнаго?

§ 218. Весьма трудно найти опредѣленные признаки, по которымъ бы можно было тотчасъ отличить истинный вкусъ отъ испорченнаго: ибо никакая способность ума человѣческаго столько не своенравна въ дѣйствіяхъ своихъ, какъ вкусъ. — Въ архитектурѣ греческіе образцы долго почитались совершеннѣйшими; послѣ готическая архитектура взяла первенство; прошло нѣсколько времени, и опять греческій вкусъ возбудилъ всеобщее удивленіе.—Въ Краснорѣчіи и Поэзіи Азіатцы любили роскошь украшеній, все блестящее, даже напыщенное; между тѣмъ какъ Греки удивлялись только скромнымъ и простымъ красотамъ, и презирали азіатское тщеславіе. — Тоже замѣчаемъ и въ людяхъ: одинъ любитъ читать Исторію, другой ею скучаетъ; иной занимается одною Поэзіею; иной отдаетъ преимущество Трагедіямъ, другой Комедіямъ. Однакожъ таковое пристрастіе къ одному какому либо роду красоты не подлежитъ критикѣ, если оно не основано на *охужденіи* прочихъ. —Вкусъ не льзя разсматривать такъ какъ разумъ: предметъ послѣдняго одинаковъ. — Но вкусъ можетъ допустить безконечное множество предметовъ, въ коихъ красота одного не ослабляетъ изящества другаго.

§ 219. Различіе во вкусахъ тогда впрочемъ допустить можно, когда ихъ предметы различны. — Но если тотъ же предметъ одинъ почитаетъ совершеннѣйшимъ, а другой недостаточнымъ; то сіе не будетъ различіе, но прямая противоположность одного вкуса другому. Въ семъ случаѣ вкусъ одного долженъ быть ложный. — Отъ сей-то противоположности часто произведенія геніальныя долго оставались безъ мѣста. *Мильтоновъ Потерянный Рай* долго не былъ оцѣниваемъ должнымъ образомъ. — *Энеида* въ среднемъ вѣкѣ почитаема была обыкновеннымъ порывомъ стихотворческаго таланта.

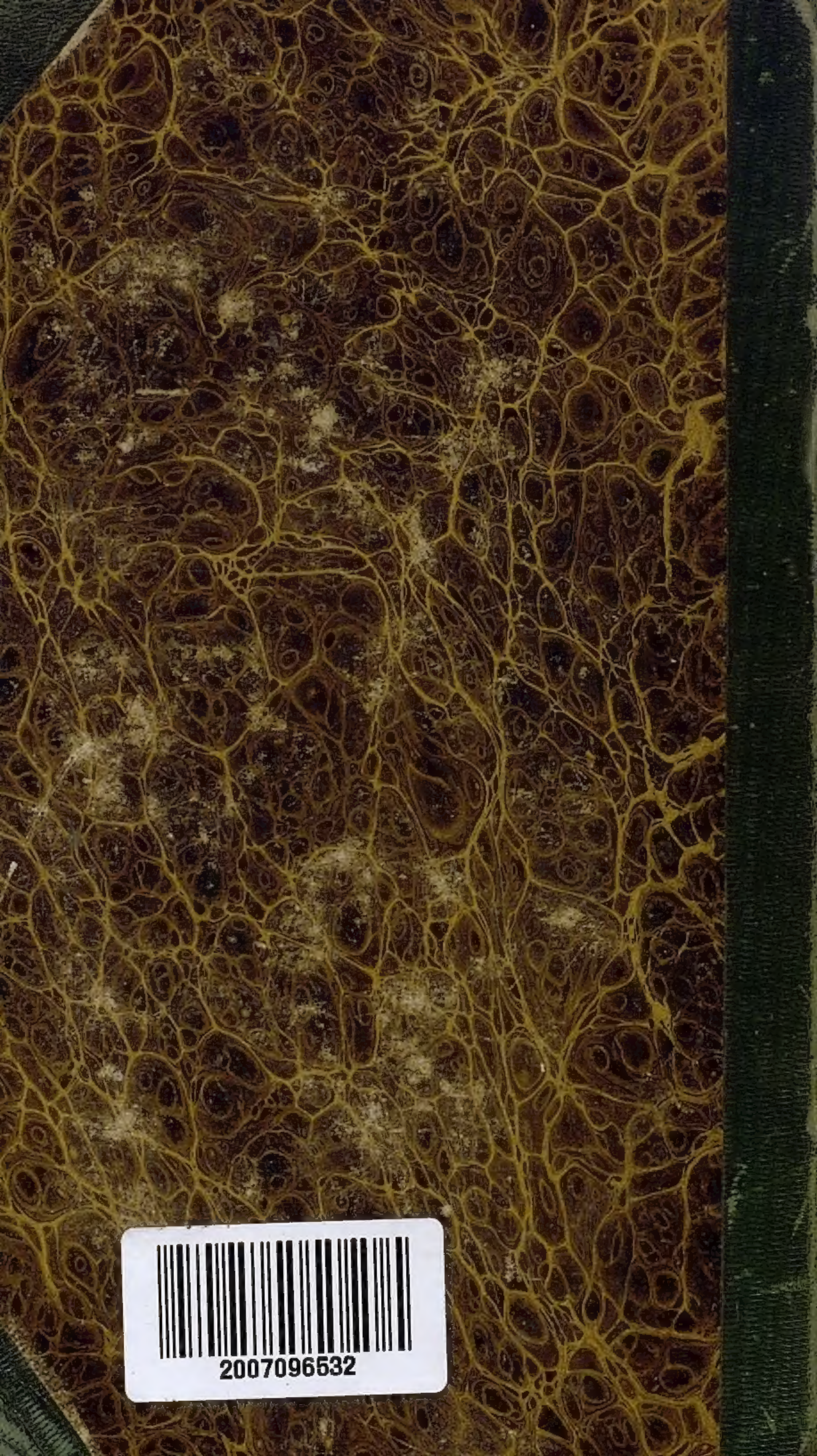
Когда допускается различіе во вкусахъ?

§ 220. При спорахъ и сомнѣніяхъ вкуса, относительно одного и того же предмета, принимается за основное правило *всеобщее мнѣніе просвѣщенныхъ людей.* — Душамъ нѣжнымъ и чувствительнымъ всегда будетъ нравиться Омиръ и Виргилій; всегда онѣ будутъ восхищаться съ Державинымъ, смѣяться съ Фонъ Визинымъ и лить слезы съ Расиномъ. Не смотря на различіе нравовъ и образа мыслей, не смотря на разстояніе, какое насъ отдѣляетъ отъ Цицерона и Горація, они всегда будутъ нашими образцами, и должное къ нимъ уваженіе въ сердцахъ не потухнетъ, доколѣ разумъ имѣть будетъ надъ людьми свои права, и ходъ страстей и чувствій не перемѣнится.

Чѣмъ рѣшается несогласіе вкусовъ относительно одного и того же предмета?

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
9	15	дѣйствія,	дѣйствія;
10	23	*Junere*	*funere*
25	16	Были нѣкоторые, кои отвергая	Нѣкоторые, отвергая
25	1 снизу	дѣйствовать,	дѣйствовать
27	15	ненаходится	не находится
37	5	истину	мысль
41	13 снизу	Напримѣръ	На примѣръ
42	5 снизу	Нетолько	Не только
43	15	въ исторіи	въ Исторіи
50	14	*Jio*	*fio*
54	18	руское	русское
73	5	Боговъ	боговъ
80	9	нерѣдко	не рѣдко
86	9	и *многія другія*	многія другія
102	22	звонки	звучны
125	11	нео канчивать	не оканчивать
141	6 снизу	Бога,	Богъ
149	7	подраженіе	подражаніе

2007096532